

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 12

PENOME

Санкт-Петербург
2019

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);

О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН);

А. С. Быстрова, канд. экон. наук (СИ РАН);

К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН);

Г. В. Еремичева, канд. филос. наук (СИ РАН);

Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН);

И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент (Карлов университет, Прага, Чехия);

Симо Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт здоровья
и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

Учредители:

Социологический институт РАН — филиал Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук,

Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История».

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Периодическое печатное издание зарегистрировано

*Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Социология науки

<i>Иванова Е. А., Николаева Л. Г.</i> Совместные публикации ученых стран мира	5
---	---

Трудовое поведение

<i>Бочаров В. Ю.</i> Модели трудового поведения рабочей молодежи Урала ..	22
<i>Еремичева Г. В., Маннила С.</i> Практики неформальной занятости работников на рынке труда в российском контексте	47
<i>Лузгина Е. Н.</i> Особенности трудового поведения молодежи г. Санкт-Петербурга (по результатам анкетного опроса)	75
<i>Темницкий А. Л.</i> Потенциал социокультурной модели в исследованиях трудового поведения наемных работников современной России	93

Социология семьи и гендерных отношений

<i>Нечаева Н. А.</i> Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры	114
<i>Бурмыкина О. Н.</i> Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений	134
<i>Цветаева Н. Н.</i> Сценарии семейной жизни в автобиографических нарративах женщин: эволюция ценностных ориентаций	154
<i>Щелкин А. Г.</i> «Кажущееся правдоподобие»: что не так с легализацией однополых браков?	173
<i>Божков О. Б., Протасенко Т. З.</i> О проблемах гомосексуальных отношений: социологический аспект	191

Научные обзоры

<i>Ноговицин О. Н.</i> Русский модерн и проблемы общества и политики в России от рубежа XIX–XX вв. к современности	206
<i>Смирнов А. В.</i> Топология и топография травмы: обзор международного научного коллоквиума	218

CONTENTS

Sociology of Science

<i>Ivanova E. A., Nikolaeva L. G.</i> International collaboration of the world's leading countries	5
--	---

Labor behavior

<i>Bocharov V. Yu.</i> Labor behavior models of Ural's laboring youth	22
<i>Eremicheva G. V., Mannila S.</i> Some practices of informal employment in the Russian context	47
<i>Luzgina E. N.</i> Features of labor behavior of St. Petersburg's youth (results of survey)	75
<i>Temnitsky A. L.</i> The potential of the socio-cultural model in studies of the labor behavior of hired workers in modern Russia	93

Sociology of family and gender relations

<i>Nechaeva N. A.</i> Gender worldview: defining a concept and its structure ...	114
<i>Burmykina O. N.</i> Trends of changes of intergenerational family relations ..	134
<i>Tsvetaeva N. N.</i> Scenarios of family life in women's autobiographical narratives: evolution of value orientations	154
<i>Shchelkin A. G.</i> "Appearing resemblance to the truth": what is wrong with the legalization of same-sex marriage?	173
<i>Bozhkov O. B., Protasenko T. Z.</i> On the problems of homosexual relations: sociological aspect	191

Scientific reviews

<i>Nogovitsin O. N.</i> The Russian modern and problems of society and politics in Russia from the turn of the XIX–XX centuries to the present	206
<i>Smirnov A. V.</i> Traumatic topology and topography: review of the international scientific colloquium	218

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.m1p2-vg73

Е. А. ИВАНОВА, Л. Г. НИКОЛАЕВА

СОВМЕСТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ УЧЕНЫХ СТРАН МИРА

В статье содержится анализ публикаций, написанных в соавторстве учеными разных стран, по базе Scopus. Рассматривается рейтинг SIR по странам по числу публикаций, индексируемых в Scopus в 1996–2018 гг. Российские организации, входящие в этот рейтинг, увеличили число публикаций в три раза, но доля совместных публикаций в 2018 г. такая же, как в 1996 г., — 23,6%. При этом абсолютное число российских статей, написанных совместно с учеными различных стран, выросло почти в три раза. В других странах доля публикаций в соавторстве с зарубежными партнерами росла быстрее, чем общее число публикаций, и составила около 50% в странах ЕС, 36,3% — в США, 23,6% — в Китае. Анализируется рейтинг SIR 2007–2011 гг., составленный по индексу сотрудничества научных организаций. Первые места в нем занимают организации, на базе которых проводятся научные исследования, требующие больших вложений: ядерные, астрономические, медицинские. Европейские страны выделяются высоким значением индекса сотрудничества, особенно Франция и Германия.

Ключевые слова: индикаторы публикационной активности, индекс сотрудничества, международная информационная база Scopus, рейтинг.

IVANOVA ELENA A., NIKOLAEVA LYUBOV G.

INTERNATIONAL COLLABORATION OF THE WORLD'S LEADING COUNTRIES

The article contains the analysis of publications written in co-authorship by scientists from different countries on the basis of data “Scopus”. In article examines the SIR rating of the countries’ output of publications indexed in Scopus in 1996–2018. Russian organizations included in this rating have increased the number of publications by three times, but the number of joint publications in 2018 is the same as in 1996 — 23.6%. At the same time, the total number of Russian articles written together with scientists from different countries has almost tripled. In other countries, the share of publications in co-authorship with foreign partners grew faster than the total number of publications and amounted to about 50% in

the EU, 36.3% — in the US, 23.6% — in China. In article analyses the rating of SIR 2007–2011, index of cooperation of scientific organizations. The first place in it is occupied by organizations on the basis of which research is carried out, requiring large investments: nuclear, astrophysics, medical. European countries stand out for the high value of the collaboration index, especially France and Germany.

Keywords: indicators of publication activity, collaboration index, international information base Scopus, rating.

Введение

В последнее время появилось много научных статей о публикационной активности ученых России. Ряд статей касается совместных публикаций российских исследователей с учеными других стран. Как правило, они написаны на материалах информационной базы WoS. Можно оценить международное научное сотрудничество на основе данных другой интернациональной системы публикационной активности — Scopus. Разработки SCImago Institutions Ranking (SIR) позволяют посмотреть на совместные публикации России за длительный период времени, сравнить их с ведущими странами мира.

Испанская организация SCImago Institutions Ranking составляет рейтинги публикационной активности научных организаций на основе информационной базы Scopus по разным показателям: общему количеству научных публикаций, индексу цитирования, специализации и т.д. Одним из таких показателей является индекс коллаборации, то есть сотрудничества (ИС).

В настоящее время организация SCImago подготовила рейтинг публикационной активности стран мира за 1996–2018 гг. Из этого списка мы выбрали несколько ведущих стран с общим числом публикаций и местом в рейтинге (табл. 1). За 23 года Россия опустилась с восьмого места на одиннадцатое. В течение ряда лет, с 1997 по 2002 г., Россия занимала девятое место, после чего в течение 2003–2010 гг. наша страна медленно опустилась до шестнадцатого места. В этот период число российских публикаций сильно колебалось. Например, в 2006 г. их было меньше, чем в 2003 г. Только начиная с 2011 г. число российских публикаций начало постоянно расти и Россия постепенно стала подниматься в международном рейтинге стран с 16-го до 11-го места в 2018 г.

Если рассматривать положение стран в сравнении с Россией, то у ряда стран разрыв с Россией сократился. Так, в Великобритании в 1996 г. общее число публикаций было больше, чем в России, в 2,8 раза, а в 2018 г. — в 2,1; во Франции — в 1,8 и в 1,2; в Германии — в 2,4 и в 1,8; в США — в 10,8 и в 6,9 раза, соответственно. В Италии число публикаций выросло больше, чем в России, но незначительно. В 1996 г. публикаций итальянских ученых было в 1,2 раза больше, чем российских, а в 2018 г. их оказалось больше в 1,1 раза, то есть разрыв сократился. Публикации ученых Японии в 1996 г. превышали российские в 2,8 раза, а в 2018 г. — только в 1,3 раза. Число публикаций Испании в 2018 г. оказалось меньше, чем у России.

В других странах наблюдается быстрый рост публикаций. Китай увеличил свое число публикаций более чем в 18 раз и поднялся с девятого места на второе. В 2018 г. число китайских публикаций в шесть раз превысило число российских. Индия стала публиковать в восемь раз больше статей. Если в 1996 г. общее число индийских статей составляло лишь 70% от числа российских, то в 2018 г. оно превысило численность российских публикаций в 1,7 раза. Южная Корея в 2018 г. отставала от России, но за 1996–2018 гг. ее публикации превысили число российских статей. С 2004 г. число публикаций Австралии начало преобладать над российскими и в настоящее время составляет им конкуренцию. Бразилия и Нидерланды приближаются к показателям России.

Публикации в соавторстве с зарубежными учеными

Рассмотрим долю публикаций ведущих стран мира в соавторстве с зарубежными партнерами (табл. 2). Из данных таблицы видно, что в 1996 г. у России доля публикаций в соавторстве с зарубежными партнерами равнялась 22,6%. Можно сказать, что около одной четверти публикаций были написаны совместно с представителями какой-либо страны. Этот показатель в середине 1990-х годов был чуть ниже, чем в ведущих странах Европейского сообщества, где самый высокий показатель принадлежал Германии (30,9%), самый низкий — Италии (26,6%). В Соединенных Штатах и в Китае этот же показатель был ниже, чем в России.

Таблица 1

**Рейтинг ведущих стран мира по числу публикаций,
индексируемых в Scopus, в 1996–2018 гг.¹**

Годы	Россия	США	Китай	Велико- британия	Германия	Япония
1996	31989 (8)	357538 (1)	30758 (9)	90009 (3)	76696 (4)	90590 (2)
1997	32833 (9)	358351 (1)	36191 (8)	95082 (3)	84528 (4)	97032 (2)
1998	34292 (9)	355856 (1)	42543 (6)	96585 (3)	85949 (4)	97591 (2)
1999	32974 (9)	354399 (1)	43587 (6)	97303 (3)	86075 (4)	101040 (2)
2000	34449 (9)	369874 (1)	51868 (6)	105265 (2)	89848 (4)	104552 (3)
2001	36482 (9)	372843 (1)	66019 (5)	100860 (3)	92267 (4)	103771 (2)
2002	37225 (9)	396004 (1)	68430 (5)	104976 (3)	95543 (4)	107091 (2)
2003	36640 (11)	431318 (1)	81906 (5)	116093 (2)	102600 (4)	112609 (3)
2004	37666 (11)	465164 (1)	117430 (3)	123087 (2)	109061 (5)	116451 (4)
2005	39554 (12)	514377 (1)	171336 (2)	136228 (3)	123837 (5)	127576 (4)
2006	35356 (14)	529509 (1)	198131 (2)	145240 (3)	127667 (5)	128846 (4)
2007	36164 (15)	531652 (1)	225040 (2)	153729 (3)	132254 (4)	124677 (5)
2008	37431 (15)	539449 (1)	262645 (2)	156950 (3)	137723 (4)	123275 (5)
2009	39132 (15)	576717 (1)	309103 (2)	167149 (3)	144381 (4)	128523 (5)
2010	40390 (16)	600345 (1)	344420 (2)	172923 (3)	150645 (4)	129700 (5)
2011	43604 (15)	621884 (1)	395431 (2)	177393 (3)	156045 (4)	132152 (5)
2012	44724 (15)	659053 (1)	415776 (2)	191251 (3)	166424 (4)	135130 (5)
2013	49703 (15)	665898 (1)	456895 (2)	198445 (3)	169607 (4)	136822 (5)
2014	58244 (15)	664528 (1)	491686 (2)	195048 (3)	173431 (4)	132356 (6)
2015	67834 (14)	669588 (1)	461547 (2)	200087 (3)	174519 (4)	127862 (6)
2016	81689 (13)	669204 (1)	496397 (2)	204237 (3)	179539 (4)	130441 (6)
2017	89492 (12)	683590 (1)	534879 (2)	209593 (3)	180712 (4)	130823 (6)
2018	99099 (11)	683003 (1)	599386 (2)	211710 (3)	180608 (4)	131198 (6)
1996– 2018	1076966 (13)	12070144 (1)	5901404 (2)	3449243 (3)	3019959 (4)	2750108 (5)

¹ Источник: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php> (дата обращения: 05.06.2019).

Франция	Канада	Италия	Индия	Испания	Австралия	Южная Корея
56333 (5)	43070 (6)	40195 (7)	21443 (13)	24931 (11)	25020 (10)	10333 (20)
60638 (5)	43400 (6)	41646 (7)	22457 (13)	27466 (10)	26136 (11)	13118 (16)
61416 (5)	42477 (7)	41235 (8)	23065 (13)	28233 (10)	27309 (11)	14192 (16)
62410 (5)	42320 (7)	42215 (8)	24439 (12)	29801 (10)	28287 (11)	16958 (16)
63928 (5)	44868 (7)	44689 (8)	25194 (13)	31236 (10)	30333 (11)	18396 (15)
64992 (6)	44521 (8)	46215 (7)	26687 (12)	33035 (10)	31097 (11)	21277 (14)
67168 (6)	48816 (8)	49127 (7)	29170 (12)	35723 (10)	32812 (11)	23455 (14)
72289 (6)	55440 (7)	55087 (8)	33236 (12)	39054 (9)	36815 (10)	28096 (14)
76566 (6)	61665 (7)	58653 (8)	35984 (12)	43088 (9)	40149 (10)	32692 (14)
84707 (6)	71108 (7)	64804 (8)	41385 (11)	49410 (9)	46334 (10)	37926 (13)
89306 (6)	75020 (7)	69352 (8)	47411 (11)	54204 (9)	50343 (10)	43867 (12)
92851 (6)	79014 (7)	75047 (8)	53091 (11)	58411 (9)	54687 (10)	48553 (12)
97282 (6)	81711 (7)	78637 (8)	60550 (10)	62408 (9)	58392 (11)	51471 (12)
103912 (6)	87938 (7)	83955 (8)	69030 (9)	68823 (10)	64173 (11)	54764 (12)
107610 (6)	90926 (7)	86301 (8)	80802 (9)	73359 (10)	69794 (11)	61485 (12)
111108 (6)	93702 (8)	89990 (9)	98238 (7)	79478 (10)	75038 (11)	66764 (12)
116324 (6)	100535 (8)	98959 (9)	108751 (7)	85783 (10)	81844 (11)	71962 (12)
122003 (6)	102627 (9)	105467 (8)	117127 (7)	87819 (11)	89244 (10)	75533 (12)
121185 (7)	104481 (9)	108628 (8)	132805 (5)	90769 (11)	92969 (10)	79577 (12)
121176 (7)	104622 (9)	112195 (8)	140499 (5)	89936 (11)	95345 (10)	81899 (12)
122519 (7)	106434 (9)	114396 (8)	152760 (5)	92217 (11)	98802 (10)	83157 (12)
123530 (7)	108252 (9)	118116 (8)	154619 (5)	94657 (11)	101697 (10)	83910 (13)
120908 (7)	111561 (9)	119405 (8)	171356 (5)	96517 (12)	106228 (10)	85725 (13)
2120161 (6)	1744508 (7)	1744314 (8)	1670099 (9)	1376358 (10)	1362848 (11)	1105110 (12)

Таблица 2

**Доля публикаций ведущих стран мира в соавторстве
с зарубежными партнерами в 1996–2018 гг.
International Collaboration (%)²**

Годы	Россия	США	Китай	Велико- британия	Германия	Япония
1996	22,63	18,82	17,29	27,02	30,89	15,29
1997	23,95	17,18	16,78	26,57	29,89	14,67
1998	24,48	18,81	15,79	28,00	33,04	15,72
1999	26,08	18,08	15,66	27,16	31,14	14,48
2000	27,16	18,72	16,05	27,46	31,50	15,14
2001	25,73	18,19	13,19	27,74	30,91	15,14
2002	26,98	19,22	16,00	29,53	32,84	16,26
2003	30,95	22,38	18,46	34,13	37,89	19,50
2004	31,16	23,28	16,37	36,22	39,16	20,35
2005	32,30	23,77	13,75	37,01	39,02	20,62
2006	32,98	23,43	13,30	35,26	37,67	20,50
2007	32,13	24,90	13,60	35,92	39,31	21,45
2008	29,75	26,33	13,51	37,65	41,40	22,66
2009	29,02	24,69	13,31	37,73	39,84	20,98
2010	28,77	26,28	14,56	40,64	42,75	22,61
2011	28,56	26,97	14,53	41,85	43,54	23,23
2012	29,16	27,81	15,56	42,61	44,14	23,82
2013	28,79	29,31	16,58	44,68	45,39	24,39
2014	26,87	30,93	17,52	47,86	46,16	25,39
2015	25,91	31,89	20,60	49,49	47,41	26,48
2016	23,84	33,41	21,38	51,30	48,11	27,51
2017	23,95	34,26	22,33	52,96	49,22	28,23
2018	23,55	36,30	23,64	56,04	51,25	30,27

² Источник: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php> (дата обращения: 05.06.2019).

Франция	Канада	Италия	Индия	Испания	Австралия	Южная Корея
30,47	31,81	26,61	16,15	27,05	28,55	25,68
31,24	31,29	26,89	15,27	26,70	29,55	22,99
32,57	33,10	29,31	16,74	27,79	30,48	24,18
32,10	31,81	28,54	14,88	26,80	28,27	21,12
33,53	32,38	28,90	15,47	27,14	29,02	21,58
32,38	31,54	28,24	14,66	26,04	28,39	21,03
34,43	32,76	30,12	14,94	28,23	30,81	23,15
39,57	38,39	33,53	18,20	32,65	35,59	25,71
40,92	39,60	35,08	18,87	33,36	37,64	25,64
41,83	39,64	35,74	18,89	34,27	36,81	26,43
40,18	37,94	34,29	17,93	33,47	35,46	24,54
41,07	39,11	35,57	18,23	34,41	36,57	23,97
41,54	40,21	35,68	17,42	36,06	37,98	23,92
42,09	39,55	35,33	16,99	35,05	38,12	23,43
44,90	42,35	38,98	17,10	38,43	41,23	25,36
46,04	42,97	39,78	16,13	39,66	42,15	25,99
47,18	44,02	40,21	16,15	40,62	43,46	26,41
47,85	45,40	40,93	16,42	42,26	44,94	26,48
50,12	47,51	42,66	16,04	43,81	47,04	26,38
51,36	48,36	43,65	15,94	45,67	49,08	26,47
52,71	50,20	45,24	16,31	47,37	51,24	27,15
54,28	51,21	46,09	17,34	48,14	53,61	27,50
56,86	53,59	48,49	17,84	49,82	56,43	29,27

В течение десяти лет международное сотрудничество России развивалось, шел рост числа публикаций и в еще большем масштабе рос показатель международного сотрудничества. В 2005 г. число публикаций России было больше 39 тыс., а доля публикаций в соавторстве с зарубежными партнерами — 32%. В следующем году он достиг 33%, но затем начал уменьшаться и в 2018 г. составил 23,6%. В этот же период число совместных публикаций у всех ведущих стран постоянно увеличивалось. Рос и индекс международного сотрудничества, в 2018 г. он достиг половины всех публикаций: у Великобритании — 56%; Франции — 56,9; Германии — 51,2; Испании — 49,8; Италии — 48,5%. Увеличился этот индекс и в США, он составил 36,3%, в Китае — 23,6%.

Доля совместных публикаций в России начала уменьшаться с 2007 г. Это время, когда начало быстро расти общее число публикаций, за 2007–2018 гг. число российских публикаций увеличилось почти в три раза. Число совместных публикаций в 2018 г. составило более 22 тыс., в то время как в 2007 г. их было чуть меньше 12 тыс., а в 1996 г. — немногим больше 7 тыс. То есть международное научное сотрудничество России растет, но не такими темпами как в Европе, США и Китае.

Рейтинг научных организаций

Чтобы проанализировать, какие из организаций имеют высокие доли совместных публикаций, обратимся к рейтингу SIR, составленному по числу научных публикаций научных организаций мира в 2013 году³. В рейтинг SIR вошли 4350 организаций, среди них 109 российских. Он включал данные за 5 лет, с 2007 по 2011 г. Российская академия наук занимает третье место в этом списке, имея 97 105 публикаций с индексом сотрудничества 32%.

Среди первых тридцати организаций в этом рейтинге десять организаций принадлежат США и имеют средний взвешенный показатель коллаборации 31%. Если взять университеты США: Мичиганский (Анн-Арбор), Джона Хопкинса, Калифорнийский (Лос-Анжелес), университет штата Вашингтон, Стэнфордский, Пенсильванский, то их показатель сотрудничества колеблется от 26 до 32%. Только Гарвардский университет и Национальный институт

³ SIR Global Ranking, 2013. URL: <http://knoema.com/xrbmnl/sir-global-ranking-2013> (дата обращения: 14.12.2014).

здравоохранения имеют ИС свыше 37%. В числе 30 организаций, находящихся в авангарде по количеству статей, четыре представляют Францию. При этом выделяются Национальный центр научных исследований и Университет Пьера и Марии Кюри, у которых ИС равен 51 и 54%, соответственно. У Национального института здоровья и медицинских исследований и Общественных больниц Парижа этот показатель несколько ниже и составляет 43 и 28%. Из немецких организаций в этот список входят всего две: Объединение им. Гельмгольца и Общество Макса Планка. У них значения индекса сотрудничества весьма высоки: 55 и 66%.

Как видим, в этот период индекс сотрудничества российских организаций находится на уровне, превышающем индекс международной коллаборации американских университетов. Однако он ниже, чем у большинства организаций европейских стран. Этот вывод относится к значениям индекса сотрудничества тех организаций, которые имеют наибольшее число публикаций.

SCImago составило рейтинг организаций по величине индекса сотрудничества за тот же период. На первом месте находится Европейское космическое агентство Франции, его показатели приняты за 100%. На втором месте находится Институт здоровья и защиты потребителей (Италия) с показателем 98,21% по отношению к лидеру. Выделим первые 30 организаций из этого рейтинга (табл. 3).

В данном рейтинге двенадцать мест принадлежат Франции, три — Германии, по два у Великобритании и Италии, по одному — у США, Нидерландов, Чили, Гамбии, Гонконга, Эквадора, Панамы, Швеции, Армении, Кении и Мексики.

Рассмотрим направления исследований этих организаций. Европейское космическое агентство (ЕКА; англ. European Space Agency, ESA) — международная организация, созданная в 1975 году в целях исследования космоса. В настоящее время в ЕКА входят более двадцати постоянных членов. Численность постоянно работающих в агентстве — около 2000 человек. Как правило, страны имеют собственные космические программы, которые по-разному взаимодействуют с агентством в финансовом и организационном плане. Одним из структурных подразделений ЕКА является Европейский центр космических исследований и технологий в Нордвейке (Нидерланды), занявший третью позицию в табл. 3. Научные исследования проводятся в области физики, астрономии, вычислительной математики, биологии, медицины, инженерных наук.

Таблица 3

**Индекс международного сотрудничества организаций
в 2007–2011 гг. (первые 30 мест)**

Место в рейтинге	Наименование организации	Страна	Сектор экономики	Отношение к лидеру в общем рейтинге, %
1	Европейское космическое агентство	FRA	госуд.	100,00
2	Институт здоровья и защиты потребителей	ITA	госуд.	98,21
3	Европейский центр космических исследований и технологий	NLD	госуд.	98,07
4	Телескоп Subaru	USA	здравоохр.	97,18
5	Институт окружающей среды и устойчивости	ITA	госуд.	96,24
6	Европейская южная обсерватория	CHL	др.	95,74
7	Лаборатория ядерной физики и высоких энергий (CNRS)	FRA	госуд.	95,32
8	Медицинский исследовательский совет	GMB	госуд.	95,16
9	Главная государственная лаборатория миллиметровых волн	HKG	высш. шк.	94,79
10	Университет Сан-Франциско-де-Кито	ECU	высш. шк.	94,66
11	Смитсоновский институт тропических исследований	PAN	госуд.	94,44
12	Институт трансурановых элементов	DEU	госуд.	93,61
13	Центр по космологии и физике частиц Оскара Клейна	SWE	госуд.	93,37
14	Лаборатория Луи Лепренс-Ренге (CNRS)	FRA	госуд.	93,06
15	Лаборатория физики элементарных частиц Аннеси-ле-Вие (CNRS)	FRA	госуд.	92,84
16	Университет Сент-Джордж	GRD	высш. шк.	92,38
17	Международный научно-исследовательский институт профилактики	FRA	др.	92,22
18	Центр исследований в области экономической политики	GBR	др.	91,36
19	Астрономическая обсерватория Верхнего Прованса	FRA	госуд.	91,32
20	Лаборатория астрофизики Марселя	FRA	госуд.	90,87

Место в рейтинге	Наименование организации	Страна	Сектор экономики	Отношение к лидеру в общем рейтинге, %
21	Европейская Южная обсерватория	DEU	госуд.	90,01
22	Национальная лаборатория им. А. Алиханяна	ARM	госуд.	89,94
23	Физическая лаборатория корпускулярной физики Клермон-Ферран (CNRS)	FRA	госуд.	89,89
24	Международное Агентство по изучению рака	FRA	здравооохр.	89,58
25	Институт медицинских исследований	KEN	здравооохр.	89,34
26	Радиоастрономический институт Макса Планка (MPG)	DEU	госуд.	89,33
27	Международный центр по улучшению кукурузы и пшеницы	MEX	госуд.	89,31
28	Институт Лауэ-Ланжевена	FRA	госуд.	89,22
29	Лаборатория линейных ускорителей (CNRS)	FRA	госуд.	89,09
30	Научно-исследовательский институт астрофизики и планетологии (CNRS)	FRA	госуд.	88,92

В данном рейтинге двенадцать мест принадлежат Франции, три — Германии, по два у Великобритании и Италии, по одному — у США, Нидерландов, Чили, Гамбии, Гонконга, Эквадора, Панамы, Швеции, Армении, Кении и Мексики.

Рассмотрим направления исследований этих организаций. Европейское космическое агентство (ЕКА; англ. *European Space Agency, ESA*) — международная организация, созданная в 1975 году в целях исследования космоса. В настоящее время в ЕКА входят более двадцати постоянных членов. Численность постоянно работающих в агентстве — около 2000 человек. Как правило, страны имеют собственные космические программы, которые по-разному взаимодействуют с агентством в финансовом и организационном плане. Одним из структурных подразделений ЕКА является Европейский центр космических исследований и технологий в Нордвейке (Нидерланды), занявший третью позицию в табл. 3. Научные исследования касаются физики, астрономии, вычислительной математики, биологии, медицины, инженерных наук.

В представленном списке шесть организаций входят в Национальный центр научных исследований Франции (Centre National de la Recherche Scientifique, CNRS), который является ведущим общественным научно-исследовательским учреждением, объединяющим государственные организации Франции, имеет 18 представительств на территории страны и более десятка за рубежом. Международное сотрудничество реализуется через подписание соглашений о кооперации, создание ассоциированных и совместных международных исследовательских групп. С Россией и бывшими республиками заключено около 40 соглашений. Области науки, которыми занимаются эти организации, — ядерная физика, астрофизика.

Далее следуют три организации, специализирующиеся на ядерной физике. Более 40 лет проводятся исследования в Институте трансуранных элементов Германии (МСЭ). Этот институт работает в тесной связи с Генеральным Директоратом транспорта и энергетики Управления топлива и ядерных отходов Европейского сообщества (ЕС), а также Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). В институте работает около 300 сотрудников, среди которых много прикомандированных или получивших гранты от института.

Институт Лауэ-Ланжевена — это международно-финансируемый научный комплекс, расположенный в Гренобле (Франция). Основан в 1967 году Францией и Германией и назван в честь физиков Макса фон Лауэ и Поля Ланжевена. В 1973 году третьим партнером этих государств стала Великобритания. Со временем его партнерами стали еще десять государств, в основном стран ЕС. Институт является одним из мировых центров исследований с использованием нейтронов.

Ереванский физический институт (ЕрФИ) был основан в 1944 году как филиал Ереванского государственного университета братьями Абрамом Алихановым и Артемом Алиханяном. После распада СССР ЕрФИ продолжает свою научную деятельность в области физики высоких энергий и астрофизики как в Армении, так и на крупнейших зарубежных ускорителях и детекторах космического излучения. Начиная с 1985 года физики ЕрФИ успешно участвуют в крупных международных коллаборациях в области физики средних и высоких энергий.

Специализация трех следующих институтов — астрономия и астрофизика. Обсерватория Верхнего Прованса — астрономическая обсерватория, основанная в 1937 году во французском департаменте Альпы Верхнего Прованса. Вместе с лабораторией астрофизики Марселя и лабораторией звездной и всемирной интерференции она входит в состав астрономической Марсельской обсерватории, расположенной на юге Франции.

Европейская южная обсерватория (ESO) — это межгосударственная исследовательская организация, штаб-квартира организации находится в Гархинге под Мюнхеном в Германии. Официальное название — Европейская организация астрономических исследований в Южной полусфере. В состав организации входят 15 стран. Эта организация построила несколько комплексов телескопов и обсерваторий на вершинах гор в пустыне Атакама на севере Чили.

Радиоастрономический институт Макса Планка — один из 80 научных институтов общества Макса Планка. Расположен в Бонне-Энденихе, Северный Рейн — Вестфалия (Германия). Институт имеет 100-метровый радиотелескоп в Эффельсберге в Бад-Мюнстерайфель. Главные направления деятельности института — радиоастрономия и инфракрасная астрономия.

Специализация институтов, расположенных ниже, видна из их названий. «Субару» (японское название звездного скопления Плеяды) — 8,2-метровый оптический телескоп, принадлежащий японской Национальной астрономической обсерватории, расположен на Мауна-Кеа (Гавайи). С помощью этого телескопа команда ученых из разных стран обнаружила семь новых галактик.

Центр по космологии и физике частиц Оскара Клейна является одним из самых известных научно-исследовательских институтов Швеции. Основанный в 2008 г., он проводит эксперименты и наблюдения объектов на оборудовании, функционирующем в качестве международных коллабораций.

Главная государственная лаборатории миллиметровых волн является структурным подразделением Городского университета Гонконга. В лаборатории проводятся научные исследования по широкому кругу практических приложений электромагнитных колебаний в системах связи.

В первое десятилетие XXI в. получила широкое развитие деятельность институтов стран ЕС, призванных охранять здоровье граждан. Институт здоровья и защиты потребителей — один из семи институтов Объединенного научного центра Европейской комиссии. В нем работает около 300 специалистов в различных областях знаний: химии, молекулярной биологии и генетике, токсикологии. Работа ведется в тесном сотрудничестве с европейскими университетами, научными институтами, международными организациями (Организацией экономического развития и сотрудничества, Международной организацией стандартов, Европейским комитетом по стандартизации).

Медицинский исследовательский совет является государственным учреждением, ответственным за координацию и финансирование

медицинских исследований в Великобритании. Это один из семи исследовательских советов Великобритании, независимый от министерства по делам предпринимательства, инноваций и ремесел. Наряду с научно-исследовательскими центрами в него входят 27 подразделений трех институтов Великобритании, по одной лаборатории — из Гамбии и Уганды. Совет ориентируется на высокую отдачу научных исследований и оказывает финансовую поддержку прорывным направлениям в области медицины.

Международный исследовательский институт профилактики является независимым исследовательским учреждением Франции, он основан в 2009 году с целью улучшения здоровья в популяциях по всему миру. Институт обладает уникальным опытом в эпидемиологических исследованиях.

Международное агентство по изучению рака (МАИР) — международная научно-исследовательская организация, часть Всемирной организации здравоохранения — одного из специализированных учреждений Организации Объединенных Наций. МАИР занимается координацией и проведением исследований причин онкологических заболеваний, а также разработкой научных стратегий борьбы против рака. В его задачи входит обучение и подготовка кадров для онкологии.

Институт медицинских исследований — это медицинский исследовательский центр в Восточной Африке, расположенный в столице Кении, Найроби. Созданный в 1979 году, он сыграл важную роль в борьбе с малярией, СПИДом и другими заболеваниями в Африке, особенно в Кении.

Институт окружающей среды и устойчивости является специализированным институтом Совместного исследовательского центра Европейского сообщества (ЕС), расположенным в Испре (Италия). Его цель — обеспечить научно-техническую поддержку политики ЕС по охране окружающей среды, способствующей устойчивому развитию в Европе.

Центр исследования экономической политики является частью Европейской благотворительной организации, основанной в 1983 году Ричардом Портесом. Офис центра расположен в Лондоне. Финансирование центра осуществляется в основном банками, частично за счет корпоративных членов.

В рассматриваемом списке основное место занимают международные институты, но несколько организаций являются национальными, они имеют тесные контакты с иностранными партнерами.

Университет Сент-Джордж, основанный в начале XVIII века в Лондоне, активно развивается, участвует в большом количестве

международных исследовательских программ в области медицины. В главном здании университета расположено управление Государственной службы здравоохранения, одной из крупнейших организаций в области здравоохранения на территории Великобритании.

Смитсоновский институт — образовательный и научно-исследовательский институт и связанный с ним музейный комплекс — самое крупное в мире хранилище экспонатов, музейных ценностей и артефактов. В его состав входят 19 музеев, зоопарк, 9 научно-исследовательских центров, а также 156 музеев. Институт является одним из ведущих мировых центров фундаментальных исследований по экологии, поведению и эволюции тропических организмов. Постоянные сотрудники и стипендиаты набираются из людей всех национальностей путем открытого конкурса, приглашенные ученые — из ведущих исследовательских университетов.

Международный центр улучшения кукурузы и пшеницы — некоммерческий научно-исследовательский институт, занимающийся исследованиями в области сельского хозяйства, внесший важный вклад в осуществление Зеленой революции. Центр имеет связи более чем с сорока странами в Азии, Африке и Латинской Америке. Финансируется Фондом Рокфеллера, Всемирным банком, Фондом Билла и Мелинды Гейтсов, правительствами разных стран, в том числе США, Швейцарии, Японии.

Университет Сан-Франциско-де-Кито по направлениям научных исследований можно назвать многопрофильным. Это первое учебное заведение в Эквадоре в отрасли свободных искусств. Университет, названный в честь столицы Эквадора, был основан в 1988 году некоммерческим фондом «Корпорасьон де Промошен Юниверситария». Министерством образования и культуры Эквадора вуз был признан государственным учебным заведением в октябре 1995 года, аккредитацию университет получил в мае 2001 года.

Больше половины мест занимают европейские организации, в основном это центры, где ведутся ядерные и астрофизические исследования. Среди неевропейских организаций — медицинские и исследования в области экологии и сельского хозяйства. У этих научных учреждений индекс совместных с зарубежными коллегами работ составляет от 88,9 до 100%.

Рассматривая выделенные организации с точки зрения направленности проводимых ими научных исследований, можно отметить, что больше половины из них занимаются исследованиями, требующими больших инвестиций, а это под силу только при объединении финансовых возможностей нескольких стран. Так, в области ядерных разработок

специализируются девять организаций, восемь — в области астрономии, две занимаются космическими разработками, шесть — вопросами здоровья населения и профилактики заболеваний, еще две проводят экологические исследования, остальные — исследования в области экономики и сельского хозяйства, а одна организация является многопрофильной.

В целом можно заметить, что в Европе, начиная с 1960-х годов, идет процесс все большего объединения научных исследований, прежде всего требующих значительных финансовых вложений. Кроме того, в Европейском сообществе существует ряд комиссий, при которых работают научные организации, состоящие из представителей разных стран.

Выше перечислены те организации, которые имеют самый высокий индекс сотрудничества. Если из полного рейтинга взять организации, у которых число статей, написанных совместно, чуть превышает две трети от лидера, то можно отметить следующее. Из примерно 350 научно-исследовательских институтов 73 организации принадлежат Франции; 60 — Германии; 32 — Испании; 16 — Великобритании; 13 — Италии; 14 — США; 8 — России; 2 — Китаю. Таким образом, наиболее интенсивные связи наблюдаются внутри Европы, а основными странами, с которыми существует научное сотрудничество, являются Франция и Германия.

К числу российских организаций, имеющих свыше двух третей совместных статей в сравнении с лидером, относятся: Государственный научный центр «Институт физики высоких энергий» (Протвино), Институт теоретической и экспериментальной физики им. А. И. Алиханова, Петербургский институт ядерной физики им. Б. П. Константинова, Объединенный институт ядерных исследований (г. Дубна), Институт теоретической физики им. Л. Д. Ландау РАН, Институт ядерных исследований РАН. Их в два раза меньше, чем американских, которые имеют такие же показатели. Среди российских организаций, имеющих высокий рейтинг по международной кооперации, содержатся в основном физические институты, что соответствует общемировой тенденции.

Заключение

Опыт Европы показывает, какое большое значение имеет длительная и целенаправленная научно-техническая политика государств по стимулированию международного научного сотрудничества. Весь послевоенный период в Европе формируются связи между научными организациями. Большую роль сыграл Евросоюз путем создания новых международных научных организаций. С 1984 г. начинали действовать европейские рамочные программы научно-технического

развития. В последние десятилетия ЕС настойчиво требует организовывать консорциумы из нескольких университетов разных стран при подаче заявок на научный конкурс. Все это привело к тому, что индекс международного сотрудничества в европейских странах рос более высокими темпами, чем общее число публикаций.

Индекс сотрудничества вырос и в странах, не относящихся к ЕС. Канада и Австралия в 2018 г. имели ИС 53,6% и 56,4%. Это объясняется единством языка и тесными связями с университетами США. Растет индекс сотрудничества у Японии, Южной Кореи, Китая. Россия по индексу сотрудничества отстает от других стран. Но самое главное, что российские публикации имеют низкий индекс цитирования в расчете на одну публикацию. Индекс Хирша у публикаций из России равен 540, тогда как из США — 2222, из Великобритании — 1373, из Китая — 794, из Индии — 570.

Анализ динамики совместных публикаций ученых разных стран показывает все большую их взаимосвязанность, особенно в тех направлениях, которые требуют огромных вложений в оборудование: физика, астрофизика, астрономия, биология, медицина. Среди других отраслей науки — экология, науки о Земле, климатология, экономика. Все это показывает общие проблемы, которые встают перед наукой. Нашей стране нужно вписываться в сложные международные связи между научными организациями разных стран. Одним из возможных и реальных путей налаживания таких связей являются совместные научные публикации.

Иванова Елена Александровна, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Санкт-Петербургский научный центр РАН.
Ivanova Elena A., Ph. D. in History, Senior Researcher,
St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
eivanova@spbrc.nw.ru

Николаева Любовь Глебовна, научный сотрудник,
Санкт-Петербургский научный центр РАН.
Nikolaeva Lyubov G., Researcher,
St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva_LG@spbrc.nw.ru

ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.wkx6-cc09

В. Ю. БОЧАРОВ

МОДЕЛИ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ УРАЛА¹

В статье на основе анализа положения рабочей молодежи на рынке труда и в трудовых отношениях конструируются три модели ее трудового поведения: «терпеливое молчание», «адаптивное приспособление», «активное действие». В своей основе эти модели опираются на социальное самочувствие рабочей молодежи и вписываются в более широкие модели экономического поведения, представляя собой их реализацию на рынке труда и в трудовых отношениях. Трудовое поведение является одним из видов экономического поведения, которое зависит от ряда факторов: характер трудовых отношений в организации (1), удовлетворенность условиями и оплатой труда (2), вовлеченность в профессиональные объединения (3), готовность защищать свои права (4), доминирующая форма трудовой мотивации (5). Существенный дифференцирующий признак в каждой из трех выделенных моделей трудового поведения рабочей молодежи — наличие/отсутствие формальной регламентации трудовых отношений. Трудовое поведение рабочей молодежи анализируется на основе данных эмпирического исследования, проведенного в 2018 году на территории УрФО.

Ключевые слова: рабочая молодежь, трудовое поведение, рынок труда, трудовые отношения.

BOCHAROV VLADISLAV YU.

LABOR BEHAVIOR MODELS OF URAL'S LABORING YOUTH²

In the article, based on the analysis of the position of laboring youth on the labor market and labor relations, three models of their labor behavior are constructed: “patient

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78-20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России».

² The article was prepared with the support of the RSF (Russian Science Foundation) grant № 17-78-20062 «Life strategies of young people of the new working class in modern Russia».

silence”, “adaptive accommodation”, and “active action”. At their core, these models rely on the social well-being of working youth and fit into broader models of economic behavior, representing their implementation in the labor market and in labor relations. Labor behavior is one of the types of economic behavior that depends on a number of factors: the nature of labor relations in an organization (1), satisfaction with conditions and wages (2), involvement in professional associations (3), willingness to protect one’s rights (4), dominant form of work motivation (5). The essential differentiating feature in each of the three models of labor behavior of laboring youth we have identified is the presence/absence of a formal regulation of labor relations. The labor behavior of laboring youth is analyzed on the basis of data from an empirical study conducted in 2018 in the Urals Federal District.

Keywords: laboring youth, labor behavior, labor market, labor relations.

Подходы к анализу трудового поведения работников

Большинством современных авторов трудовое поведение рассматривается в качестве одного из видов экономического поведения. В то же время четкого определения трудового поведения до сих пор не сформулировано. Более того, нет согласия в определении содержания и границах этого понятия. В отечественной литературе до сих пор встречаются концепции, в которых трудовое поведение, следуя советской традиции, фактически приравнивается к трудовой деятельности (Чекмарева, Россошанский 2016: 31). Либо отождествляются понятия «трудовое поведение» и «труд». Например, так поступает Н. И. Шаталова, причем раскрывая само понятие «трудовое» поведение» через еще одно вводимое ей понятие «трудовой потенциал» (Шаталова 2003: 106). В свою очередь А. В. Попов несколько корректирует такой подход, вводя целевой элемент необходимости удовлетворения «человеческих потребностей», но не меняет его сути (Попов 2014: 199).

Ряд отечественных авторов, следуя западной традиции, говорят о поведении на рынке труда и трудовом поведении, как о разных понятиях (Козина 1997; Константиновский, Вознесенская, Чередниченко 2013: 174). В своих рассуждениях они базируются на известной западной концепции *labor market behavior* (Bewley 2003; Gallen, Mulligan 2013). При этом зарубежными авторами часто рассматриваются поведение различных групп на рынке труда, например трудовых мигрантов и коренного населения (Thierfelder, Shiells 1997), пожилых работников (Honig, Hanoch 1980), поведение безработных в поиске работы (Muffels, Vriens 1991) и т. д. В то же время для обозначения внутрифирменного (внутриорганизационного) поведения работников

отечественными и зарубежными исследователями используется целый набор терминов: «организационное поведение» (Шаталова 2012: 11), «организационное гражданское поведение» (Ребзуев 2009: 13), «производственное поведение» (Экономическая социология 2006: 341), «поведение сотрудников» (*employee behavior*) (Spacey 2018).

Существует достаточно распространенная отечественная традиция рассматривать трудовое поведение исключительно с позиций структурно-функционального подхода. Так, в теоретико-прикладном толковом словаре «Социология труда» (под ред. В. А. Ядова) трудовое поведение определяется как *внешне наблюдаемые действия, поступки субъекта трудовой деятельности в их определенной последовательности* (Трудовое поведение 2006: 353). При этом далее в этой словарной статье отмечается, что в трудовом поведении выделяются регламентируемая и нерегламентируемая составляющие и утверждается, что *в социологическом исследовании трудового поведения анализу, как правило, подлежат фактические условия и результаты трудового поведения под углом зрения интересов организации, индивидуальных или групповых интересов работников* (Трудовое поведение 2006: 353).

На наш взгляд, институциональный аспект (регламентированный и нерегламентированный), безусловно, важен, но также важны и повседневные практики в сфере труда (Кулькова 2008). Очевидно, необходимо расширять методологические рамки, синтезируя имеющиеся в социологии подходы к изучению трудового поведения. И такие подходы существуют. Так, А. Л. Темницкий в своей статье выделяет пять возможных подходов к анализу трудового поведения: структурно-функциональный (1), модель социального механизма (2), модель экономического человека (3), неинституциональный (4), социокультурный (6) (Темницкий 2007: 60–71). В свою очередь А. В. Попов и Т. С. Соловьева называют четыре подхода к анализу трудового поведения: интегрирующий (1), функциональный (2), процессный (3) и мотивационный (4) (Попов, Соловьева 2017: 6).

Многообразие теоретических подходов обусловило наличие различных оснований для выделения эмпирических моделей трудового поведения работников. Более того, реализация повседневных практик трудового поведения связана непосредственно с социально-демографическими критериями работников: возраст, пол, сфера занятости, территория проживания. На этом уровне исследователи ведут речь о специфике занятости, например, молодых работников в промышленности и на селе (Вознесенская 2013; Муханова

2015; Александрова, Ненахова 2017) или выделяют возрастные и гендерные особенности их трудового поведения, проявляющиеся непосредственно на рабочих местах в ежедневном взаимодействии с коллегами (Шаталова 2015: 184).

Отметим, что многие исследователи фокусируют свое внимание на специфике занятости именно молодежи на конкретном региональном рынке труда, выделяя какую-то отдельную проблему. Так, например, нередко рассматривают социальное самочувствие молодых работников (Бочаров, Васькина 2017), их трудовую мотивацию (Карапетян, Никифорова 2018), концентрируясь на проблемах зависимости величины заработной платы и занятости молодежи (Brzezinski 2017) или говоря об особенностях их трудового поведения (Кылгыдай, Ойдуп 2015). При этом распространено мнение, что главное противоречие, характеризующее современный молодежный рынок труда, — увеличивающийся разрыв между трудовыми притязаниями молодежи и возможностями для их удовлетворения, что в конечном итоге приводит к более высокому уровню безработицы среди молодежи (Константиновский, Попова 2015). Также констатируется, что молодежь образует особо уязвимую категорию на рынке труда, в особенности только что окончившая учебные заведения и не имеющая опыта работы (Зудина 2017; Skiter, Sherer, Metelkova 2017).

Методология и методика исследования

Спецификой нашего анализа является попытка исследовать трудовое поведение не в целом в социальной группе населения (молодежь), а только в ее определенной части — рабочей молодежи. К рабочей молодежи мы относим наемных работников, занятых во всех сферах материального производства и сервиса, труд которых рутинизирован, разделен на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов; не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся (Gavrilyuk 2018). Отметим, что отнесение работников сферы услуг к рабочим (рабочему классу) обосновывается в настоящее время многими зарубежными и отечественными авторами (Жвйтиашвили 2017: 12; Culture, Class, Distinction 2009: 198).

Для понимания специфики трудового поведения рабочей молодежи нами был выделен ряд факторов, являющихся определяющими для осуществления дальнейшей типологизации: форма найма и характер

трудовых отношений в организации (1), удовлетворенность условиями и оплатой труда (2), вовлеченность в профессиональные объединения (3), готовность защищать свои права (4), доминирующая форма трудовой мотивации (5).

Модель трудового поведения молодого работника определяется нами следующим образом: это основанная на базовых социальных установках и сформированная в зависимости от образовательного и профессионально-квалификационного уровня стереотипная форма трудовой активности, реализующаяся в определенном наборе социальных действий (поступков) в условиях внешне регламентированных правил и норм рынка труда и трудовых отношений.

В рамках нашего эмпирического исследования объектом массового опроса являлась рабочая молодежь в возрасте от 15 до 29 лет, проживающая на территории Уральского Федерального округа (УрФО). Участниками исследования выступили 1534 респондента, использована целевая многоступенчатая выборка по четырем объективным критериям: возраст (около 500 человек в каждой из возрастных групп, соответствующих периодизации когорт в официальной статистике РФ: 15–19 лет (33%), 20–24 года (33,4%) и 25–29 лет (33,6%) лет; пол — мужской (50,3%) и женский (49,7%); место жительства — город (76,2%) и сельская местность (23,8%) в соответствии с распределением населения в УрФО; сфера занятости — промышленность и техническое обслуживание (45,2%) и клиентский сервис (54,8%). Анкетный опрос проходил в трех городах (Екатеринбурге, Тюмени, Кургане) и типичной сельской местности в этих областях с апреля по июль 2018 г.

Качественное исследование проводилось с февраля по август 2018 года в Тюмени. Беседы были проведены с 31 информантом. Четырнадцать информантов являлись представителями традиционного рабочего класса, занятыми в сфере промышленности, добычи полезных ископаемых, строительстве и техническом обслуживании; 17 информантов выполняли обязанности на должностных позициях в сфере ритейла и других видов клиентского сервиса. Каждое интервью длилось от 40 мин до 2,5 ч и проводилось в удобном для информанта месте — дома, на работе или в кафе. Все сессии базировались на детализированном гайде интервью (автор гайда — руководитель исследовательского проекта Т. В. Гаврилюк), записаны на диктофон и транскрибированы дословно, с сохранением экстралингвистических элементов разговора.

Описание и интерпретация некоторых данных эмпирического исследования

Форма найма и характер трудовых отношений. Почти 4/5 (78,6%) опрошенных молодых рабочих имеют формальные договора найма по месту своей нынешней работы (около 60% — бессрочные, почти 20% — срочные трудовые договора). Еще 6,9% молодежи оформлены на нынешней работе по договорам гражданско-правового характера (ГПХ) заключенным в письменной форме. Только примерно каждый десятый (9,9%) опрошенный работает без оформления документов («устный найм») и 4,6% — приняты на работу на испытательный срок.

Заключение бессрочного трудового договора, безусловно, является, наиболее стабильной формой найма. Заметно чаще заключаются бессрочные трудовые договора с респондентами, живущими в городах (65,3%), чем в сельских районах (44,3%), а также с работниками промышленных предприятий (68,9%) по сравнению с работниками «сервисной» сферы (53,5%). Чуть чаще распространены практики заключения бессрочного трудового договора с респондентами мужчинами (63,1%), чем с женщинами (57,8%).

Заметно выражена возрастная специфика: чем старше респондент, тем больше у него вероятность быть нанятым на работу по бессрочному трудовому договору. И наоборот: чем моложе респондент, тем больше вероятность быть вовлеченным в неформальную занятость и работать на основе «устного найма». Обратим внимание, что среди молодежи возрастной группы 15–19 лет наиболее велика доля тех, кто по данным опроса работает без какого-либо трудового договора или договора ГПХ, т. е. на неформальной основе — 17,3% (см. табл. 1).

Большинство информантов в своих интервью говорили о том, что трудоустроены официально и имеют трудовой договор (об этом сообщили все информанты, занятые в промышленности и большинство работающих в сфере услуг). Только трое информантов из сферы услуг сообщили исследователям, что работают неофициально без трудового договора. Однако, кроме того, некоторые информанты, занятые в сфере услуг, делали оговорки относительно степени формализованности своего трудового статуса и существующих договоренностей с работодателем, сообщая исследователям, что договор есть, «*но зарплата, получается, серая...*» (Дамир, 23 года, продавец в магазине бытовой техники). Либо, говоря о наличии такого договора, имели в виду не трудовой договор, а договор ГПХ: «*Вообще, да, мы работаем*

по договору, который без записи в трудовую книжку, без «соцпакета», без отпуска и тому подобное» (Сергей, 22 года, менеджер по работе с клиентами).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«По какому типу найма вы работаете на основной работе?»
(по возрастным группам респондентов, в %)

Возрастные группы рабочей молодежи	По письменному трудовому договору на неопределенный срок	По письменному трудовому договору на определенный срок	По договору подряда и другим договорам ГПХ в письменной форме	На основе устной договоренности без оформления документов	На испытательном сроке, без официального оформления	Итого
15–19 лет	47,7	17,9	8,8	17,3	8,3	100,0
20–24 года	60,3	21,3	7,5	7,9	3,0	100,0
25–29 лет	72,5	15,0	4,7	5,1	2,7	100,0
В целом по массиву	60,5	18,1	6,9	9,9	4,6	100,0

Очевидно, что сфера сервисной занятости менее формализована с точки зрения регулирования трудовых отношений между работником и работодателем. А вот отношения между самими работниками и в сфере промышленности и в сфере сервиса имеют, по данным анкетного опроса, преимущественно *неформально-дружеский характер*. Более половины опрошенной рабочей молодежи (57,4%) охарактеризовали отношения, которые преобладают между работниками их предприятия (организации), как основанные на солидарности, поддержке друг друга и взаимовыручке. Почти каждый четвертый (23,4%) согласился, что внутри их предприятия (организации) есть небольшие группировки, внутри которых можно рассчитывать на поддержку и взаимовыручку. Гораздо меньшие доли опрошенных утверждают, что в их организации между работниками преобладают отношения конкуренции («каждый сам за себя») — 8,9% или безразличия («никому нет ни до кого дела») — 8,1%. Наконец, только единицы опрошенных (2,2%)

смогли охарактеризовать отношения между работниками в их организации как конфликтные и враждебные (распределения ответов по выделенным в исследовании группам респондентов близко к среднему по всему массиву опрошенных).

Мнение экспертов исследования во многом совпадает с данными анкетного опроса рабочей молодежи³. Причем мнения экспертов разделились поровну между двумя вариантами характеристик отношений между работниками внутри организации: *«солидарность, взаимовыручка, поддержка»* и *«есть небольшие группы, внутри которых можно рассчитывать на поддержку и взаимовыручку»*. Оба этих варианта являются положительными характеристиками взаимоотношений между наемными работниками. И хотя некоторые эксперты отмечали негативные проявления во взаимоотношениях между работниками (*«каждый за себя», «вражда, конфликты в организации», «безразличие»*), но это были единичные оценки.

В ходе опроса экспертам также предлагалось оценить, как складываются отношения между менеджментом предприятия (организации) и наемными работниками. И надо сказать, что никто из экспертов не отметил что *«преобладают отношения конфронтации, вражды, недоверия»*. Около 2/3 опрошенных экспертов заявили, что преобладают *«нормальные рабочие взаимоотношения, все проблемы решаются внутри организации мирно»* (причем такую характеристику одинаково часто давали эксперты из промышленности и эксперты, работающие в сфере услуг). Некоторые эксперты даже говорили, что у них в организации сложились *«доверительные, дружеские и бесконфликтные отношения»*. Лишь очень незначительная часть экспертов признала, что конфликты между работниками и менеджментом в организации случаются.

Большинство информантов в своих интервью также заявляли, что в организации, в которой они работают, между работниками преобладают дружеские отношения, отношения взаимовыручки и поддержки друг друга: *«Все сотрудники отдела продаж работают дружно и слаженно и готовы поддержать друг друга в любой, не только рабочей, но и жизненной ситуации...»* (Александр, 28 лет, менеджер по продаже автомобилей); *«С коллегами хорошие отношения... всегда*

³ Одновременно с массовым опросом на предприятиях и в организациях в рамках нашего исследования был проведен анкетный опрос экспертов (100 информантов). Экспертами выступили непосредственные руководители рабочей молодежи, преподаватели профессиональных учебных заведений, представители органов молодежной политики Тюмени.

с коллективом все было замечательно, все хорошо общались» (Алена, 24 года, администратор); *«Да, очень хороший коллектив, очень теплые дружеские отношения, всегда поддержат, помогут, подскажут...»* (Диана, 22 года, консультант в банке).

Некоторые информанты даже характеризовали своих коллег по работе как «большую семью»: *«Мы, можно сказать, большая семья в цеху»* (Антон, 26 лет, рабочий сцены) и подчеркивали, что их дружеские отношения не ограничиваются только самим местом работы: *«Дружим всем коллективом, можем на выходные выбраться в кафе или какой-то корпоратив всегда вместе отмечаем. Все доброжелательно»* (Александра, 24 года, продавец в магазине одежды).

Правда, несколько информантов, говоря о том, что у них хорошие отношения с коллегами, как и в рамках массового опроса, ограничивали круг несколькими наиболее близкими коллегами, утверждая, что не общаются со всем коллективом: *«С коллегами... да я не особо с ними общаюсь. Ну, есть у меня в команде два человека. Они нормальные пацаны. Давно тут работают. Я самый молодой из них. Ржем, пьем, болтаем. Они чему-то научить могут. Но больше я их»* (Евгений, 28 лет, электрик).

Некоторые информанты также отмечали, что такие отношения с коллегами сложились не сразу: *«Нормально, уже притерлись друг к другу. Поначалу, конечно, сложновато было найти общий язык, но сейчас уже как-то просто, все свыклись»* (Артем, 24 года, сварщик).

В то же время даже те информанты, кто говорил о наличии конфликтных ситуаций, не придавали им серьезного значения: *«Ну конечно, иногда были какие-то разногласия... они решались быстро, между собой быстренько так»* (Вера, 21 год, официант); *«Ну, конфликты в любом случае везде случаются. Но не большие»* (Максим, 22 года, токарь).

Только один из информантов говорил о начальных трудностях своей адаптации в коллективе, но со временем нашел общий язык с коллегами: *«Сначала, конечно, было все напряженно, потому что все думают: „Кто такой пришел? Его никто не знает...“ Но спустя месяц просто начали уже общаться, конкретно по работе, не о личной жизни в свободное время, нет, конкретно по работе, что нужно делать, как нужно делать. Ну и со временем нашли общий язык, общие интересы»* (Дмитрий, 21 год, техник по радионавигации).

Нередко непосредственное руководство указывалось информантами в качестве таких же членов их коллектива, с которыми поддерживаются дружеские, неформальные отношения. Одновременно проводилась резкая граница между коллективом работников и «начальством»,

с которым либо присутствуют только формальные рабочие отношения, либо вообще отсутствует контакт: *«Наш наставник очень отзывчивый и доброжелательный человек, и, в принципе, с ним мы всегда в хороших отношениях, мы нормально общаемся, общаемся мы на „ты“, а не на „вы“, и, в принципе, дружеские отношения. А начальник отдела нашего, она женщина строгая, требовательная, и с ней только по работе»* (Сергей, 22 года, менеджер по работе с клиентами); *«Да нормально... Мой начальник — это наш шеф-повар: хороший чувак, веселый, без понтов. А со всякими главными владельцами... я не контактирую»* (Евгений, 26 лет, повар).

Наличие такой дифференциации обусловлено, по мнению информантов, исключительно неуважительным и высокомерным отношением со стороны руководства: *«Ну, те, кто мастера, более-менее приближен к нам, — нормальные. А главные мастера и там, которые сидят в отдельных кабинетах, на нас вообще смотрят, как на это... на тряпки половые»* (Артем, 24 года, сварщик). Такое отношение со стороны руководства часто не связано с выполнением трудовых обязанностей, а зависит от настроения руководителя в данный момент времени: *«То хорошее, то со временем иногда плохое, бывает такое, что у него иногда зашкаливает все, и он начинает докапываться до чего угодно»* (Александр, 25 лет, оператор поста управления).

Удовлетворенность различными сторонами работы. Большинство опрошенной рабочей молодежи удовлетворены своим трудовым коллективом (84,4%), в целом своим предприятием, организацией (80,1%), содержанием выполняемой работы (79,5%) и безопасностью своего труда (70,2%). Менее половины опрошенных молодых работников удовлетворены своими заработками (48,8%).

Меньше всего респонденты удовлетворены возможностью влиять на принятие решений руководством их предприятия, организации (28,8%) и существующей на предприятии (в организации) системой премирования (21,5%). Однако даже в этих случаях доли удовлетворенных превосходят доли неудовлетворенных респондентов, а превалируют доли затруднившихся с ответом, т.е. тех, кто, вероятно, просто не владеет информацией о системе премирования их труда и существующих возможностях влиять на управленческие решения.

Наиболее проблемной стороной занятости рабочей молодежи является низкий уровень заработной платы, и неудивительно, что своей заработной платой не удовлетворены более 1/3 (37,3%) опрошенных. Отметим, что среди женщин доля неудовлетворенных своей заработной

платой максимальная среди всех остальных выделенных в исследовании групп респондентов. Она составляет 43,0%, тогда как среди мужчин менее 1/3 (31,7%) не удовлетворены своими заработками (см. табл. 2).

Таблица 2

**Степень удовлетворенности рабочей молодежи своей заработной платой
(по гендерным группам респондентов, в %)**

Гендерные группы рабочей молодежи	Удовлетворены	Не удовлетворены	Затруднились оценить	Итого
Мужчины	54,2	31,7	14,1	100,0
Женщины	43,4	43,0	13,6	100,0
В целом по массиву	48,8	37,3	13,9	100,0

Не менее четверти экспертов исследования также критически высказывались относительно уровня заработной платы своих сотрудников, а почти половина — признавали наличие проблем в сфере заработной платы сотрудников. И лишь примерно каждый четвертый эксперт смог положительно оценить уровень заработков работников своей организации (предприятия).

Практически все информанты в своих интервью говорили, что содержание выполняемой ими работы их устраивает. Некоторые при этом были полностью удовлетворены выполняемой работой: «Да, сейчас практически все устраивает. Перед детьми будущими не стыдно будет. И интересно. В общем, нравится мне. Хочу здесь пока работать» (Николай, 29 лет, автомеханик). Другие выражали свою удовлетворенность более сдержанно, но тем не менее положительно отзываясь о выполняемой работе: «Ну, мне не то чтобы нравится, меня просто устраивает, то есть я не делаю сверх чего-то, того, что мне не хотелось бы делать, что мне тяжело делать... да, устраивает» (Алена, 24 года, администратор в магазине одежды). «Да, в принципе, несмотря на его иногда монотонность и рутинность, может быть, даже, в принципе, он интересен в целом, если так смотреть» (Руслан, 20 лет, посредник в сфере электроники).

Лишь несколько информантов сообщали, что их не устраивает выполняемая работа. Но при этом указывались причины такой неудовлетворенности, которые не относились собственно к содержанию выполняемой работы, а были связаны с неудовлетворенностью

условиями труда и отношениями с менеджментом: *«Условия для работы: летом — жарко, зимой — холодно. И как бы начальство все ходит важное, нас воротит от нас, от простых работяг. Мало приятного»* (Артем, 24 года, сварщик); неудовлетворенностью производственным оборудованием: *«Оборудование немножко не то»* (Игорь, 25 лет, оператор станка) и обеспечением рабочим инструментом: *«Несвоевременно поставляют нужные инструменты»* (Александр, 25 лет, оператор поста управления), а также графиком своей работы и заработной платой: *«График работы... ну и зарплата, скорее всего»* (Станислав, 25 лет, оператор по приему цветного металла).

Вовлеченность в профессиональные союзы и оценка их деятельности. Судя по данным опроса, подавляющее большинство рабочей молодежи не состоят в каких-либо профессиональных объединениях. Только примерно каждый десятый опрошенный (10,9%) указал, что является членом профсоюза, и еще 1,7% отметили, что состоят в профессиональной ассоциации. Заметной специфики в уровне вовлеченности в профессиональные союзы среди респондентов, выделенных в исследовании групп респондентов, не обнаружено.

Эксперты исследования могли отметить несколько направлений деятельности, которой занимаются профсоюзы в их организации (на предприятии). Почти половина экспертов указало, что профсоюз в их организации занимается *«организацией культурно-массовой работы»*, а более половины экспертов категорично ответили, что *«деятельность профсоюза носит чисто формальный характер, ни на что не влияет»*. Примерно каждый четвертый эксперт признал влияние профсоюзов на решение вопросов, связанных с соблюдением норм охраны труда, а примерно каждый пятый отметил роль профсоюза в обеспечении работников льготными путевками. А меньше всего экспертами в качестве направления деятельности профсоюза отмечались вопросы, непосредственно касающиеся трудовых отношений: повышение заработной платы, улучшение условий труда, сохранение рабочих мест.

У экспертов также выяснялось, насколько менеджмент предприятий и организаций в отношениях с наемным персоналом вообще учитывает точку зрения профсоюзов. Мнения экспертов в этом вопросе разделились примерно пополам: половина отмечала, что точка зрения профсоюзов *«учитывается»* или *«как правило, учитывается»*, а другая половина экспертов указывала, что точка зрения профсоюзов *«чаще всего не учитывается»* или вообще *«не учитывается»*.

В ходе интервью с информантами выяснилось, что подавляющее большинство из них не состоит в каких-либо профсоюзах или иных профессиональных ассоциациях. В основном рабочая молодежь просто не видит смысла в профсоюзном членстве: *«Нет, мне предлагали, когда устроился, я сказал: не хочу, и все»* (Александр, 25 лет, оператор поста управления). Встречалось среди информантов мнение, что профсоюз им вообще не нужен: *«Профсоюза у нас нет, да и ни к чему он нам? Любые проблемы, возникающие в коллективе, можно решить путем переговоров с начальством напрямую, а если человек не в силах решить возникшие вопросы напрямую, то это проблемы самого человека»* (Александр, 28 лет, менеджер по продажам автомобилей).

Некоторые информанты были осведомлены о наличии отраслевых профсоюзных структур, но не видели смысла в них вступать: *«У нас нет профсоюза. Есть какой-то большой. Типа работников сферы обслуживания или что-то такое. Но я там не состою. И никто у нас вроде не состоит. На фиг надо? И так нормально. А там же взносы платить надо вроде (смеется)»*. (Евгений, 26 лет, повар). Также иногда с усмешкой говорилось, что никаких профессиональных союзов для их профессии не существует: *«А что, есть профсоюзы для гардеробщиц? Не думаю, что у нас в городе есть такие»* (Татьяна, 21 год, гардеробщик).

Кое-кто из информантов вообще не понимал, чем занимается профсоюз: *«Ну, у меня нету времени вот этим заниматься. В смысле профсоюз? Это политика?»* (Вера, 21 год, официант). А кто-то просто не информирован о наличии таких структур у себя в организации или на предприятии, т.к. недавно трудоустроился: *«Не знаю. Кажется, нет здесь профсоюза. Я пока на испытательном сроке. Мне права качать пока не приходилось»* (Николай, 29 лет, автомеханик). А один из информантов не смог сказать уверенно, является ли он членом профсоюза или нет: *«Не состою. Хотя кто знает? В партии тоже не все знают, что состоят»* (Илья, 29 лет, слесарь КИПиА).

Среди опрошенных информантов только двое однозначно подтвердили, что являются членами профсоюза. При этом один из них оценил такое членство как бесполезное, утверждая, что профсоюз ничем не помогает простым рабочим: *«Да, я состою в профсоюзе. Но мне от него как бы не холодно, но и не жарко. Я ниче такого не замечаю. Он всегда должен быть за работника. Иногда бывает, могут премии лишить на ровном месте. Какой-нибудь ревизор придет и... не так нарукавник надет или застегнут, и премии лишают. А он (профсоюз) должен всегда стоять за работника»* (Юрий, 26 лет, рабочий

железнодорожных путей). А другой информант, заявивший, что является членом профсоюза, был позитивно настроен к деятельности этой структуры, подчеркнув ее пользу для работников своего предприятия: *«У нас есть свой профсоюз авиационных работников России, вот, я в нем состою... Он дает мне полную юридическую безопасность. То есть не дай бог что случится — у меня будет свой адвокат»* (Дмитрий, 21 год, техник по радионавигации).

Вероятность коллективных действий и трудовых конфликтов.

Около 1/3 (34,5%) опрошенной рабочей молодежи вообще не собирается предпринимать каких-то действий в случае нарушения их трудовых прав со стороны работодателя. Почти каждый третий (31,3%) намерен отказаться от выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором. Каждый пятый (20,3%) собирается обращаться в профсоюз (при этом, судя по уровню членства в этой организации, многие из них не состоят в профсоюзе, однако надеются на его помощь). Еще 18,2% при нарушении своих прав могли бы обратиться в суд, 16,5% — в прокуратуру, а 12,1% — в федеральные органы по трудовому надзору. Примерно каждый десятый (9,9%) мог бы обратиться в ситуации нарушения его трудовых прав в комиссию по трудовым спорам (КТС). О своей готовности к забастовочным действиям и другим коллективным формам протеста — заявили только **8,7%** опрошенной рабочей молодежи.

Наиболее велика доля тех, кто не готов предпринимать никаких действий в случае нарушения работодателем их прав, среди молодежи возрастной группы 25–29 лет (41,5%) и среди молодых жителей сельских районов (38,5%). Интересно, что среди сельчан также больше всего доля тех, кто заявил о возможности прибегнуть к коллективным акциям протеста (12,5%), тогда как среди жителей городов к этому готовы только 7,6%.

Информанты исследования были достаточно скептически настроены относительно возможности защитить свои трудовые права, выражая уверенность, что работодатель может их просто уволить: *«Да всех уволят разом просто и скажут: „Да пошли вы отсюда, чё-то вы много о себе возомнили“. Поэтому сиди тихо да работай. Да в нашей стране нету с этим способов... надо просто с этим смириться и жить дальше»* (Артем, 24 года, сварщик). Некоторые информанты при этом сообщали исследователям, что такие случаи неудачных попыток работников отстаивать свои трудовые права у них в организации уже были: *«Что такое справедливость вообще? Начальник всегда прав. Если полезешь какие-то свои права качать, сразу окажешься без работы»*.

Были случаи. Правда, люди переводились, т.е. их не увольняли по беспределу. Но дали, однако, понять кто ты есть...» (Илья, 29 лет, слесарь КИПиА). При этом нередко информанты предпочитают собственное увольнение, чем борьбу за свои права: *«Нет у меня времени толкаться по мелочам. Не платят — я сваливаю. Все просто. Я никому не верю, и суду тем более. Если не нравится — надо уходить. Так проще и быстрее. Пусть другие головы расшибают»* (Евгений, 28 лет, электрик). И кто-то уже имел подобный опыт: *«Я увольнялся сразу. По судам ходить? Нервы трепать? Я надеюсь, что не придется здесь»* (Николай, 29 лет, автомеханик).

В основном информанты надеются в ситуации нарушения их трудовых прав на трудовую инспекцию и органы власти, отказываясь верить в возможность и эффективность коллективных действий работников: *«А если уж и случилось нарушение прав и действительно есть желание побороться за справедливость, то тут в помощь и трудовая инспекция, и другие властные структуры, а совместная борьба трудового коллектива за свои права внутри организации — это полный бред. Если руководство допустило нарушение прав работников, то и на высказанное работниками мнение такому руководству плевать»* (Александр, 28 лет, менеджер по продаже автомобилей). Однако те из информантов, кто работает неофициально, не надеются даже на помощь трудовой инспекции: *«А тут, по сути, мало что можно предпринять в этой ситуации, то есть, если бы мы работали официально, можно было бы пожаловаться там, как это называется-то (глубоко вздохнул), трудовая инспекция...»* (Дамир, 23 года, продавец в магазине бытовой техники).

И все же незначительная часть информантов готова отстаивать свои трудовые права. Однако про такую борьбу одни говорили уверенно исключительно относительно себя лично, не рассчитывая на помощь коллег: *«Я бы точно боролась!»* (Диана, 22 года, консультант в банке). Другие выражали осторожное мнение, что работники могли бы всем коллективом (или группой) предъявить какие-то требования работодателю: *«Я думаю, мы бы собрались и высказали, что нас не устраивает, начальству»* (Анастасия, 21 год, продавец в магазине одежды); *«Думаю, да, с некоторыми, но не со всеми, многие, наверно, побоятся потерять текущее место работы и просто-напросто обойдут стороной...»* (Андрей, 21 год, упаковщик). При этом выражалась либо неуверенная надежда, что руководство прислушалось бы к их требованиям: *«Вообще, думаю, что да. Потому что у нас понимающее начальство»* (Анастасия, 21 год, продавец в магазине одежды), либо, если ситуация не будет разрешена высказывалась надежда на апелляцию к официальным

государственным структурам: «Обращение к каким-нибудь органам правоохранительным» (Андрей, 21 год, упаковщик).

Выводы и обсуждение результатов

Собранные нами эмпирические данные позволяют сказать, что новое поколение, вступившее в ряды рабочего класса, обладает своими представлениями о месте труда в своей жизни, не имея приоритета пожизненного найма в одной организации, почти не рассчитывая на помощь профсоюзов, мало надеясь на помощь своих коллег. Наблюдается практически полное отсутствие стремления к консолидации действий в отстаивании своих трудовых интересов. Несмотря на социально-экономический кризис, на рост уровня индивидуального недовольства наемных работников, они в своей массе не готовы коллективно защищать свои права. Ни митинги, ни забастовки, ни переговоры практически не используются ими как легитимные способы выражения недовольства и требований к работодателю. Здесь, безусловно, действует целый комплекс причин, к числу которых могут быть отнесены и определенные стереотипы поведения и сознания людей, и профессионально-квалификационная раздробленность работников, и угроза потери рабочего места, и низкая активность отечественных профсоюзов (Бочаров 2017).

Несмотря на то, что, по данным нашего исследования, основная масса рабочей молодежи удовлетворены большинством показателей, характеризующих их нынешнюю работу (содержанием выполняемой работы, трудовым коллективом, в целом предприятием, системой безопасности труда), однако уровень удовлетворенности своими заработками и существующей на предприятии (в организации) системой премирования, по данным опроса, низок. Между тем известно, что именно неудовлетворенность заработной платой (наряду с неудовлетворительностью условия труда) — основной фактор смены рабочей специальности (Каравай 2016) и одновременно роста социальной напряженности на предприятиях и в организациях (Бочаров, Климова 2013). С другой стороны, именно заработная плата, по утверждению практически всех информантов исследования, является, по сути, главным источником их трудовой мотивации: *«Зарплата хорошо мотивирует»* (Евгений, 26 лет, повар); *«Деньги, наверное (смех), — это первый мотиватор в сфере работы, мне кажется...»* (Сергей, 22 года, менеджер по работе с клиентами); *«Зарплату бы побольше платили. И все. Больше ничего не надо»* (Илья, 29 лет, слесарь КИПиА); *«Что может мотивировать? Деньги, все... вся суть в деньгах»* (Дамир, 23 года,

Априорные модели трудового

Основные характеристики	Терпеливое молчание (плохое и очень плохое социальное самочувствие)		
	Деструктивное поведение	Пассивное принятие	
Форма найма	Неформальный найм	Формальный найм	
Характер трудовых отношений в организации	Вражда, интриги, конфликты	Безразличие, рабочие отношения	
Удовлетворенность условиями и оплатой труда	Большинством или всеми сторонами работы не удовлетворены	Большинством или всеми сторонами работы не удовлетворены	
Вовлеченность в профессиональные объединения	Нет, отсутствует желание и отсутствует профсоюз	Нет, не видит смысла. Иногда «бумажное членство»	
Готовность защищать свои права	Нет, будет терпеть из-за страха потерять работу	Нет, будет терпеть из-за страха потерять работу	
Доминирующая форма трудовой мотивации *	Люмпенизированная	Люмпенизированная	

* Нами используется типология трудовой мотивации работников, предложенная В. И. Герчиковым (Управление человеческими ресурсами 2004: 219).

Таблица 3

поведения рабочей молодежи

Адаптивное приспособление (удовлетворительное социальное само- чувствие)		Активное действие (хорошее и отличное социальное самочувствие)	
Неформальные отношения	Формальные органи- зации	Личный успех	Коллективная интеграция
Неформальный найм	Формальный найм	Неформальный найм	Формальный найм
Поддержка внутри небольших групп	Поддержка внутри небольших групп	Конкуренция — каждый сам за себя	Взаимовыручка, поддержка со всем коллективом
Не удовлетво- рены зарботной платой	Не удовлетворены зарботной платой	Большинством или всеми сто- ронами работы удовлетворены	Большинством или всеми сто- ронами работы удовлетворены
Нет, отсутствует профсоюз	Нет, не информирован о деятельности профсоюза. Иногда «бумажное» членство»	Нет, отсутствует профсоюз	Да. Эпизодическое взаимодействие с профсоюзными структурами по социально-бытовым вопросам (матпомощь, праздники, путевки и т. п.)
Чаше нет. Возможны индивидуальные действия при серьезном конфликте. Иногда отказ от выполнения работы или увольнение.	Чаше нет, но возможны совместные действия с несколькими коллегами. Иногда отказ от выполнения работы или увольнение.	Нет, увольнение. Иногда индивидуальные действия без страха быть уволенным. Обращение в суд, прокуратуру, СМИ	Да. Вероятность коллективных действий. Иногда обращение в профсоюз или комиссию по трудовым спорам
Инструментальная	Инструментальная	Профессиональная + хозяйская	Профессиональная + патриотическая

продавец в магазине бытовой техники). Даже те информанты, кто называл другие источники своей трудовой мотивации (похвала руководителя, положительные отзывы клиентов, признание в коллективе, карьера), обязательно говорили о материальном факторе своей занятости, т. е. о доминировании инструментальной мотивации своего труда.

Отмеченные проблемы занятости и трудовых отношений, способы их решения и в целом ситуация на рынке труда и в трудовом коллективе в своей совокупности формируют социальное самочувствие рабочей молодежи, которое в свою очередь формирует модели их трудового поведения. Отметим, что модели трудового поведения вписываются в конструируемые нами модели экономического поведения (Бочаров, Гаврилюк 2019) и представляют собой их реализацию на рынке труда и в трудовых отношениях. Существенный дифференцирующий признак в каждой из трех моделей трудового поведения рабочей молодежи — наличие/отсутствие формальной регламентации трудовых отношений. Безусловно, это априорные модели и в реальности характеристики индивидуального трудового поведения рабочей молодежи могут отличаться. Мы говорим о наиболее типичных формах поведения в рамках каждой из моделей (см. табл. 3).

При конструировании моделей трудового поведения рабочей молодежи мы опирались не только на анализ данных нашего собственного исследования, но и учитывали подход, содержащийся в теории французского социолога С. Паугама, выделяющего три отклоняющиеся от «защищенной интеграции» (стабильная занятость и удовлетворенность работой) формы трудовых отношений: 1) «незащищенная интеграция» — на базовом уровне существует удовлетворенность работой, но в сочетании с нестабильной занятостью (срочные трудовые договоры, неясное будущее самих предприятий); 2) «удрученная профессиональная интеграция» — неудовлетворенность работой в стабильных трудовых отношениях; 3) «дисквалифицирующая интеграция» — неудовлетворенность работой и нестабильность (Paugam 2009; Сизова 2015). Также мы принимали во внимание теорию Дж. Бардвик, которая выделила три основных типа моделей поведения работников: 1) **зарабатывающие** — работники положительно воспринимают наделение властью и вызов; командные игроки, инноваторы, склонны к риску; считают, что коллеги имеют право обсуждать их работу, ожидают, что их достижения будут достойно вознаграждены; 2) **боязливые** работники — живут под гнетом угрозы потери работы, к своим перспективам относятся с цинизмом, имеют низкие моральные принципы, сосредоточены на самосохранении; 3) **«право» имеющие** — пассивны, зависимы,

апатичны и не расположены к риску, ожидают вознаграждения не потому, что они его заработали, а потому, что считают, что организация должна им его. Такая установка негативно воздействует на мотивацию к труду, показатели производительности и самооценку (Bardwick 1991).

Ограничения

1. Сделанные по результатам исследования выводы могут быть корректно экстраполированы на рабочую молодежь УрФО. Для обоснованного распространения выводов относительно моделей трудового поведения на всю группу современной российской рабочей молодежи необходимо проведение дополнительных масштабных эмпирических исследований.

2. На следующем этапе исследования нами будет осуществлен кластерный анализ данных анкетного опроса рабочей молодежи, который позволит обоснованно говорить о степени распространенности выделенных моделей трудового поведения рабочей молодежи.

Источники

Александрова О. А., Ненахова Ю. С. Рабочая смена: восполнит ли молодежь кадровый дефицит в промышленности и аграрно-промышленном комплексе? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 216–231.

Бочаров В. Ю. Роль российских профсоюзов в модернизации института наемного труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2017. Т. 10, № 1. С. 4–22.

Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 2. С. 201–216.

Бочаров В. Ю., Гаврилюк Т. В. Модели экономического поведения рабочей молодежи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12, № 2. С. 134–152.

Бочаров В. Ю., Климова С. Г. Анализ социальной напряженности на ряде российских предприятий // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: Сб. науч. ст. / Отв. ред. В. А. Ядов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С. 115–133.

Вознесенская Е. Д. Молодые рабочие. Из села в город // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 75–91.

Жвитаишвили А. Ш. Классовые схемы современного общества в западной социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, № 1. С. 7–23.

Зудина А. А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России: препринт WP3/2017/02 / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. (Сер.: WP3 «Проблемы рынка труда»). 21 с.

Каравай А. В. Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы // Вестник Института социологии. 2016. Вып. 17 (Т. 7, № 2) № 2 (17). Июнь. С. 92–112.

Караетян Р. В., Никифорова О. А. Молодежь на рынке труда Санкт-Петербурга: динамика основных показателей // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС). 2018. № 2 (14). С. 124–131.

Козина И. М. Поведение на рынке труда: анализ трудовых биографий // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 55–64.

Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Рабочая молодежь России: количественное и качественное измерения. М.: ЦСИ, 2013. 277 с.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48.

Кулькова И. Поиск работы как составляющая трудового поведения // Вопросы экономики. 2008. № 6. С. 111–117.

Кылгыдай А. Ч., Ойдул Т. М. Особенности трудового поведения населения Республики Тыва // Региональная экономика: теория и практика. 2015. Т. 13, Вып. 43 (418). С. 43–53.

Муханова М. Н. Сельская молодежь России: Настоящее и будущее // Россия и современный мир. 2015. № 3 (88). С. 26–42.

Попов А. В. Оценка результативности трудового поведения населения на макроуровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 197–209.

Попов А. В., Соловьева Т. С. Основные теоретические подходы к определению категории «трудовое поведение»: отечественный и зарубежный опыт исследования // Социальное пространство. 2017. № 5 (12). С. 1–11.

Рибзуев Б. Г. Разработка конструкта трудового поведения и шкалы экстра-ролевого трудового поведения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6, № 1. С. 3–57.

Сизова И. Л. Прекаризация в трудовой сфере России // Петербургская социология сегодня. 2015. Вып. 6. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 122–158.

Темницкий А. Л. Теоретико-методологические подходы к исследованию трудового поведения // Социологические исследования. 2007. № 6. С. 60–71.

Трудовое поведение // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. В. А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 353.

Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование / Под ред. В. В. Щербины. М.: Независимый ин-т гражд. о-ва, 2004. 520 с.

Чекмарева Е. А., Россоианский А. И. Влияние субъективной оценки уровня жизни на трудовое поведение населения // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). С. 30–40.

Шаталова Н. И. Организационное поведение. Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2012. 225 с.

Шаталова Н. И. Психофизиологические особенности трудового поведения работника // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 178–189.

Шаталова Н. И. Трудовой потенциал работника. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 399 с.

Экономическая социология / Под ред. В. И. Верховина. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2006. 736 с.

Bardwick J. M. Danger in the Comfort Zone. New York (NY): AMACOM, 1991. 194 p.

Bewley T. F. Labor Market Behavior / Department of Economics and Cowles Foundation Yale University. May 2003. 28 p.

Brzezinski A. Synergies in Labour Market Institutions: the Nonlinear Effect of Minimum Wages on Youth Employment // Atlantic Economic Journal. 2017. Vol. 45, Iss. 2. P. 251–263.

Culture, Class, Distinction / T. Bennett, M. Savage, E. Silva, A. Warde, M. Gayo-Cal, D. Wright. London: Routledge, 2009. 340 p.

Gallen T. S., Mulligan C. B. Wedges, labor market behavior, and health insurance coverage under the affordable care act. Cambridge (MA): NBER, 2013. (NBER Working Paper Series; Working Paper 19770). / NBER Working Paper No. 19770. University of Chicago. December. 2013. JEL No. H3, I13, I18. 62 p.

Gavrilyuk T. New working-class youth in Russia: Life patterns and identity constructing // The Australian Sociological Association Conference 2018. Precarity, rights and resistance: Book of Abstracts (Deakin University, Burwood Campus, 19–22 November 2018). P. 145–146.

Honig M., Hanoch G. A General Model of Labor-Market Behavior of Older Persons // Social Security Bulletin. 1980. Vol. 43, № 4. P. 29–39.

Muffels R., Vriens M. Labor-Market Behavior of Long-Term Unemployed: A Multidisciplinary Approach (January 1, 1991) // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 1991. Vol. 20, № 4. 1991. P. 325–345.

Paugam S. Die Herausforderung der organischen Solidarität durch die Prekarisierung von Arbeit und Beschäftigung // Prekarität, Abstieg, Ausgngrenz. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts / Hg.: R. Castel, K. Dörre. Frankfurt a. M.; New York, 2009. S. 175–196.

Skiter N. N., Sherer I. N., Metelkova E. I. Young Specialists Labor Market in Modern Russia: Analysis, Problems and Perspectives // Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Contributions to Economics / Eds.: E. Popkova, V. Sukhova, A. Rogachev, Y. Tyurina, O. Boris, V. Parakhina. Cham: Springer, 2017. P. 197–203.

Spacey J. 16 Examples of Employee Behavior // Simplicable [Electronic Resource]. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://simplicable.com/new/employee-behavior> (accessed: 05.04.2019).

Thierfelder K., Shiells C. Trade and Labor Market Behavior // Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook / Eds.: J. Francois & K. Reinert. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 435–478.

References

- Aleksandrova O. A., Nenahova Yu. S. Rabochaya smena: vospolnit li molodezh' kadrovyy defitsit v promyshlennosti i agrarno-promyshlennom komplekse? [Labor shift: will fill out if the youth is a shortage of personnel in industry and agricultural-industrial complex?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 2017, no. 6, pp. 216–231. (In Russian)
- Bardwick J. M. *Danger in the Comfort Zone*. New York, AMACOM, 1991, 194 p.
- Bewley T. F. *Labor Market Behavior*. Department of Economics and Cowles Foundation Yale University, May 2003, 28 p.
- Bocharov V. Yu. Rol' rossiyskikh profsoyuzov v modernizatsii instituta naemnogo truda [The Role of Trade Unions to Modernize the Russian Wage Labor Institution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. Psihologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg university. Series 12. Psychology, Sociology, Pedagogy], 2017, vol. 10, no. 1, pp. 4–22. (In Russian)
- Bocharov V. Yu., Vas'kina Yu. V. Sotsial'noe samochuvstvie molodykh rabotnikov promyshlennykh predpriyatiy: indikatory i faktory [Young Workers' from the Industrial Enterprises Social Well-Being: Indicators and Factors]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2017, vol. 15, no. 2, pp. 201–216. (In Russian)
- Bocharov V. Yu., Gavriluk T. V. Modeli ekonomicheskogo povedeniya rabochey molodezhi [Economic behavior models of the working youth]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Vestnik of Saint Petersburg university. Sociology], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 134–152. (In Russian)
- Bocharov V. Yu., Klimova S. G. Analiz sotsial'noy napryazhennosti na ryade rossiyskikh predpriyatiy [Analysis of social tension in a some of Russian enterprises]. *Trudovye otnosheniya: sostoyaniye i tendentsii razvitiya v Rossii. Sbornik nauchnykh statey* [Labor relations: state and development trends in Russia]. Ed. by V. A. Yadov. Samara, Samarskiy universitet, 2013, pp. 115–133. (In Russian)
- Brzezinski A. Synergies in Labour Market Institutions: the Nonlinear Effect of Minimum Wages on Youth Employment. *Atlantic Economic Journal*, 2017, vol. 45, iss. 2, pp. 251–263.
- Chekmareva E. A., Rossoshanskiy A. I. Vliyaniye sub'ektivnoy otsenki urovnya zhizni na trudovoe povedeniye naseleniya [Impact of Subjective Assessment of Living Standard on Work Behavior of the Population]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 2016, no. 2 (200), pp. 30–40. (In Russian)
- Culture, Class, Distinction*. T. Bennett, M. Savage, E. Silva, A. Warde, M. Gayo-Cal, D. Wright. London, Routledge, 2009. 340 p.
- Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Ed. by V. I. Verhovina. Moscow, Akademicheskii Proekt; Fond «Mir», 2006, 736 p. (In Russian)
- Gallen T. S., Mulligan C. B. *Wedges, labor market behavior, and health insurance coverage under the affordable care act*. NBER Working Paper no. 19770. University of Chicago. December. 2013. JEL no. H3, I13, I18. 62 p.
- Gavriluk T. New working-class youth in Russia: Life patterns and identity constructing // *The Australian Sociological Association Conference 2018. Precarity, rights and resistance*. Book of Abstracts (Deakin University, Burwood Campus, 19–22 November 2018). Pp. 145–146.
- Honig M., Hanoch G. A General Model of Labor-Market Behavior of Older Persons. *Social Security Bulletin*, 1980, vol. 43, no. 4, pp. 29–39.
- Karapetyan R. V., Nikiforova O. A. Molodezh' na rynke truda Sankt-Peterburga: dinamika osnovnykh pokazateley [Youth in the St. Petersburg labor market: the dynamic of key

indicators]. *Vestnik Moskovskoy mezhdunarodnoy vysshey shkoly biznesa (MIRBIS)* [Herald of Moscow International Higher Business School], 2018, no. 2 (14), pp. 124–131. (In Russian)

Karavay A. V. Chelovecheskiy kapital rossiyskikh rabochih: sostoyanie i faktory [Human capital of Russian workers: state and factors]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of sociology], 2016, no. 2 (17), June, pp. 92–112. (In Russian)

Konstantinovskiy D. L., Voznesenskaya E. D., Cherednichenko G. A. Rabochaya molodezh' Rossii: kolichestvennoe i kachestvennoe izmereniya [Laboring youth of Russia: quantitative and qualitative measurements]. Moscow, CSI, 2013, 277 p. (In Russian)

Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Molodezh', rynek truda i ekspansiya vysshego obrazovaniya [Youth, labour market and expansion of higher education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 11, pp. 37–48. (In Russian)

Kozina I. M. Povedenie na rynke truda: analiz trudovykh biografii [Behavior in the labor market: analyses of employment biographies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1997, no. 4, pp. 55–64. (In Russian)

Kul'kova I. Poisk raboty kak sostavlyayushchaya trudovogo povedeniya [Job search as a component of labor behavior]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issue], 2008, no. 6, pp. 111–117. (In Russian)

Kylgyday A. Ch., Oydup T. M. Osobennosti trudovogo povedeniya naseleniya Respubliki Tyva [Features of labor behavior of the population of the Republic of Tuva]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2015, vol. 13, no. 43 (418), pp. 43–53. (In Russian)

Muffels R., Vriens M. Labor-Market Behavior of Long-Term Unemployed: A Multidisciplinary Approach [January 1, 1991]. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 1991, vol. 20, no. 4, pp. 325–345.

Muhanova M. N. Sel'skaya molodezh' Rossii: Nastoyashchee i budushchee [Rural youth of Russia: Present and future]. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world], 2015, no. 3 (88), pp. 26–42. (In Russian)

Paugam S. Die Herausforderung der organischen Solidarität durch die Prekarisierung von Arbeit und Beschäftigung. *Prekarität, Abstieg, Ausgrenzung. Die soziale Frage am Beginn des 21. Jahrhunderts*. Hg.: R. Castel, K. Dörre. Frankfurt a. M., New York, 2009, ss. 175–196. (In German)

Popov A. V. Otsenka rezul'tativnosti trudovogo povedeniya naseleniya na makrourovne [Evaluation of the effectiveness of labor behavior of the population at the macro level]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 1 (31), pp. 197–209. (In Russian)

Popov A. V., Solov'eva T. S. Osnovnye teoreticheskie podhody k opredeleniyu kategorii «trudovoe povedenie»: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt issledovaniya [Main theoretical approaches to the definition of the category of “labor behavior”: domestic and foreign research experience]. *Sotsial'noe prostranstvo* [Social space], 2017, no. 5 (12), pp. 1–11. (In Russian)

Rebzev B. G. Razrabotka konstrukta trudovogo povedeniya i shkaly ekstrarolevogo trudovogo povedeniya [Development of the construct of labor behavior and the scale of extra-role labor behavior]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of High School of Economics], 2009, vol. 6, no. 1, pp. 3–57. (In Russian)

Shatalova N. I. Organizatsionnoe povedenie [Organizational behavior]. Ekaterinburg, UrGUPS, 2012, 225 p. (In Russian)

Shatalova N. I. Psihofiziologicheskie osobennosti trudovogo povedeniya rabotnika [Psychophysiological features of labor behavior of the worker]. *Vestnik NGUEU* [Herald of Novosibirsk State University of Management and Economics], 2015, no. 1, pp. 178–189. (In Russian)

Shatalova N. I. *Trudovoy potentsial rabotnika [Labor potential of employee]*. Moscow, YuNITI-DANA, 2003, 399 p. (In Russian)

Sizova I. L. Prekarizatsiya v trudovoy sfere Rossii [Precarization in the labor sphere of Russia]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [St. Petersburg Sociology Today]*, No. 6. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015, pp. 122–158. (In Russian)

Skiter N. N., Sherer I. N., Metelkova E. I. Young Specialists Labor Market in Modern Russia: Analysis, Problems, and Perspectives. *Integration and Clustering for Sustainable Economic Growth. Contributions to Economics*. Eds. E. Popkova, V. Sukhova, A. Rogachev, Y. Tyurina, O. Boris, V. Parakhina. Cham, Springer, 2017, pp. 197–203.

Spacey J. *16 Examples of Employee May 03, 2018*. URL: <https://simplicable.com/new/employee-behavior> (access date: 05.04.2019).

Thierfelder K., Shiells C. *Trade and Labor Market Behavior. Applied Methods for Trade Policy Analysis: A Handbook*. Eds. J. Francois & K. Reinert. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, pp. 435–478.

Temnitskiy A. L. Teoretiko-metodologicheskie podhody k issledovaniyu trudovogo povedeniya [Theoretical and methodological approaches to the study of labor behavior]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2007, no. 6, pp. 60–71. (In Russian)

Trudovoe povedenie [Labor behavior]. *Sotsiologiya truda. Teoretiko-prikladnoy tolkovyy slovar' [Sociology of labor]*. Ed. by V. A. Yadov. Saint Petersburg, Nauka, 2006, p. 353. (In Russian)

Upravlenie chelovecheskimi resursami: menedzhment i konsul'tirovanie [Human resource management: management and consulting]. Ed. by V. V. Shcherbiny. Moscow, Independent civil society Institute, 2004, 520 p. (In Russian)

Voznesenskaya E. D. Molodye rabochie. Iz sela v gorod [Young worker. From village to city]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*, 2013, no. 3, pp. 75–91. (In Russian)

Zhvtiashvili A. Sh. Klassovye skhemy sovremennogo obshchestva v zapadnoy sotsiologii [Class Schemes of Modern Society in Western Sociology]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 7–23. (In Russian)

Zudina A. A. “Ne rabotayut i ne uchatsya”: NEET-molodezh' na rynke truda v Rossii. Seriya WP3. Problemy rynka truda [“Not working and not studying”: NEET-youth on the labour market in Russia. Series WP3. Problems of the labour market], Preprint WP3/2017/02. Higher School of Economics. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 21 p. (In Russian)

Бочаров Владислав Юрьевич,

кандидат социологических наук, доцент,

Самарский национальный исследовательский университет,

Тюменский индустриальный университет,

ассоциированный научный сотрудник СИ РАН ФНИСЦ РАН.

Bocharov Vladislav Yu., Candidate Soc., Associate research fellow,
Samara National Research University, Industrial University of Tyumen,
Sociological Institute, Russian academy of sciences.

vlad-bocharov@yandex.ru

Г. В. ЕРЕМИЧЕВА, С. МАННИЛА

ПРАКТИКИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ РАБОТНИКОВ НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Динамика роста численности занятых в неформальном секторе, зафиксированная Росстатом в последние годы, обоснованно вызывает беспокойство как управленцев, так и исследователей рынка труда. В статье реализуется попытка, опираясь на официальные статистические данные и интервью, проанализировать ряд кейсов, в которых информанты работали в неформальном секторе и/или сочетали практики формальной и неформальной занятости. Исследование включенности жителей Санкт-Петербурга в неформальную занятость проводилось в рамках проекта «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ». Неформальные практики рассматривались как компромиссы формальных правил и социальных норм, многообразие которых обусловлено неэффективностью отдельных законов трудового законодательства, слабости и избирательности фискального контроля их исполнения. Низкое качество институциональной среды при сокращении формального сектора занятости стимулирует использование работодателями и работниками неформальных практик и побуждает их справляться со своими трудностями вне государственного регулирования..

Ключевые слова: неформальная экономика, неформальный сектор занятости, формальные и неформальные практики рынка труда.

EREMICHEVA GALINA V., SIMO MANNILA

SOME PRACTICES OF INFORMAL EMPLOYMENT IN THE RUSSIAN CONTEXT

The growth of informal employment recorded by Rosstat in recent years is a matter of concern for both policy-makers and labor market researchers. The article analyzes, based on official statistical data, a number of cases in which the informants worked in the informal sector, and/or combined formal and informal employment, at micro level of text analysis of interviews. The research material is from the project “Trajectories of life courses for Petersburgers in post-Soviet Russia: intergenerational analysis 2014–2017”. Informal practices are seen as compromises of formal rules and social norms, the diversity of which is due to the inefficiency labor legislation, the weakness and selectivity of the fiscal control of their enforcement. Low quality of the institutional environment while the formal sector is reduced or

at risk of reduction encourages both employers and employees to informal practices and to cope with their difficulties outside the government regulations.

Keywords: informal economy, informal employment, formal and informal labor market practices.

Рабочие понятия, используемые в исследовании и представленные в официальных статистических документах

Под неформальной экономикой понимается совокупность видов хозяйственной деятельности, полностью или частично не подчиненных государственному регулированию, не подкрепленных формальными контрактами и не фиксируемых статистическим и налоговым учетом. То есть это экономика, не регулируемая непосредственно государственными правилами и законами. Она фокусируется на предприятиях, их юридическом статусе и характеристиках деятельности (формально регулируемая и нерегулируемая) и может сочетать формальную и неформальную занятость, т. е. неформальные работники могут также иметь формальную работу. Неформальный сектор — это совокупность мелких хозяйственных единиц, а также экономическая деятельность, осуществляемая на базе домохозяйств или индивидуально. Понятие неформального сектора не тождественно понятию теневой или ненаблюдаемой экономики (Николаева, Шевяков 1987).

Занятыми в неформальном секторе считаются люди, которые работают, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от вида той деятельности, которую они выполняют, и того, является ли она основной или дополнительной. Главным критерием определения единиц неформального сектора является отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица.

По критериям Росстата к занятым в неформальном секторе относятся:

- занятые по найму у физических лиц;
- предприниматели без образования юридического лица;
- занятые на индивидуальной основе (самозанятые);
- занятые в домашнем хозяйстве по производству продукции для реализации;
- помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников;

- работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (Рабочая сила... 2018: 88, 89).

Неформальная занятость фокусируется на отношениях работодатель–работник, то есть на трудовом договоре и на условиях труда (формально регулируемых и нерегулируемых) на предприятиях, их юридическом статусе и характеристиках деятельности (формально регулируемая — нерегулируемая) работников, которые могут сочетать формальную и неформальную работу.

Формальный и неформальный секторы в определенной степени дополняют друг друга и находятся во взаимозависимости. Взаимодействие формальных и неформальных аспектов социальных действий в настоящее время является наиболее злободневной темой исследований в сфере занятости и рынка труда (Morris & Polese 2015; Polese 2017).

Динамика роста неформального сектора занятости в России и специфика российского контекста

По данным государственной статистики, за последние 12 лет неформальный сектор в России разросся, по определению СМИ, до рекордных масштабов¹, несмотря на то, что в 2017 г. намечалось некоторое его сокращение (см. табл. 1).

Данные таблицы 1, основанием которой стали данные Росстата, свидетельствуют о росте численности занятых в неформальном секторе. Если в 2007 предкризисном году этот показатель составлял 12 931 тыс. чел. (18,3% от общего количества занятых), то в 2016 г. достиг рекордного уровня, увеличившись до 15 370 тыс. чел. (21,2%), несколько сократившись в 2017 г. до 14 253 тыс. чел. (19,8%). Пропорционально общей численности занятых росли и другие социально-демографические показатели. Число мужчин, включенных в этот сектор деятельности в 2007 г., составило 6791 тыс. чел. (19%), а в 2017 г. 14 253 тыс. чел. (21,5%), женщин, соответственно, 6140 тыс. чел. (17,5%) в 2007 г. и 629 тыс. чел. (18,0%) в 2017 г. Средний возраст занятых в неформальном секторе занятости за этот период вырос с 38 до 40 лет.

¹ Неформальная экономика в России выросла до рекордных размеров // Телеканал «РБК». 2017, 17 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/04/2017/58f4b8789a7947c1418ff1af> (дата обращения: 30.12.2019).

Таблица 1

Численность занятых в неформальном секторе²

Год	Всего, тыс. человек.	В том числе					
		в возрасте 25–49 лет, %	%, мужчин	Распределение по образованию, в %			
				высшее	ср. проф.	общее	не имеют общего образования
2006	12601	64,2	51,4	11,6	42,0	42,7	1,9
2007	12931	64,0	52,5	12,2	39,5	42,7	1,6
2008	13837	51,7	53,1	13,0	44,4	39,4	1,5
2009	13382	64,2	53,8	14,5	44,2	40,2	1,1
2010	11482	64,5	54,2	14,5	44,5	39,9	1,1
2011	12922	63,7	54,7	14,7	40,5	39,3	1,0
2012	13600	64,1	54,6	14,9	45,5	39,8	0,7
2013	14096	63,8	55,0	15,8	43,9	39,5	0,7
2014	14387	64,3	55,1	16,7	44,9	37,8	0,6
2015	14827	64,5	55,6	17,1	45,4	36,9	0,6
2016	15370	64,6	55,5	17,6	46,5	35,4	0,5
2017	14253	67,5	59,9	18,1	46,0	34,6	0,5

Данные таблицы 1 ставят под сомнение утверждение о том, что в неформальном секторе занятости работают преимущественно люди с низким уровнем образования и низкой квалификацией (Гимпельсон, Зудина 2012: 21; Maleva 2003; Hazans 2011). Динамика включенности в неформальный сектор работников со средним профессиональным образованием и высшим в неформальный сектор занятости достаточно красноречива.

Отсутствие в научном обороте единого строго сформулированного определения неформальной занятости, а также многообразие способов ее метрического выражения приводит к отличиям в структурных и содержательных описаниях выделенных социально-демографических групп. Это позволяет говорить о фиксации разных групп с разными содержательными и количественными характеристиками. Например,

² Составлено по: ФС Государственной статистики (Росстат) Рабочая сила, занятость и безработица в России. М., 2018. С. 88–94. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf

наличие в неформальном секторе как высокооплачиваемых и высококвалифицированных рабочих мест (работники ИТ-технологий), так и низко квалифицированных рабочих мест, не требующих специального образования. Это соответствует общемировому тренду формирования неформальной занятости в развитых странах (Капелюшников 2012: 57, 58).

Как указывает Владимир Гимпельсон, Росстат оценивает объем неформального сектора по нижней планке и рассчитывает его как разницу между числом всех занятых в экономике и количеством рабочих мест, замещенных в юридических лицах. Если к числу официально занятых в неформальном секторе добавить и тех, кто не учитывается госстатистикой, и, например, получает «серые» зарплаты в конвертах, то цифры действительно впечатляющие (Гимпельсон 2018).

В последние годы (особенно в 2016 г.) увеличение занятых в неформальном секторе и рост заработной платы отдельных профессиональных групп происходили на фоне общего падения экономики. Это позволило чаще нанимать людей без оформления для оказания личных услуг (няни, домработницы, разовые ремонты и т.д.), с которыми рассчитываются наличными, не уплачивая никаких взносов и налогов с этой деятельности. С другой стороны, эксперты отмечают, что активное внедрение государственных и надзорных органов в сферу бизнеса стимулирует предпринимателей снижать налоговую нагрузку за счет использования неформальных работников. Серьезное влияние оказывает и массовое использование дешевого труда мигрантов, что тормозит рост заработной платы, позволяет компаниям экономить на зарплатах персонала и не вкладываться в «человеческий капитал» (Сафронов 2018).

В 2019 г. Росстат предоставил данные о неформально занятых в динамике до 2018 г., которые также показали рост численности неформально занятых до 14,6 млн чел. (напомним, что в 2017 г. было 14,3 млн чел.). По отношению к общей численности занятых их доля возросла с 19,8% до 20,1%, вновь достигнув рекордного числа, зафиксированного в 2016 г. По мнению экспертов Росстата, рост занятости в неформальной экономике произошел практически полностью за счет тех, кто занят только в неформальном секторе (с 13,37 млн до 13,66 млн чел.). А численность тех, кто совмещал неформальную подработку с официальной занятостью, напротив, немного упала — с 0,95 млн до 0,92 млн чел. Однако в 2016 г., когда неформальная занятость также выросла, картина была несколько иной: росла численность не только тех, кто работал исключительно в неформальном секторе,

но и тех, кто совмещал неформальную подработку с официальной работой (Рувинский 2019).

В качестве основных причин роста неформальной занятости эксперты выдвигают следующие причины:

- экономические — отсутствие макроэкономического роста (ВВП), рецессия; слабая система охраны труда, не использован потенциал роста строительства, сферы услуг; использование дешевого труда этнических меньшинств и иммигрантов;
- институциональные — налогообложение (объем и структура налогов и вненалоговых сборов); нестабильные правила ведения бизнеса; социальное обеспечение (работающих не по найму; ловушки выгоды); сложности взаимоотношений с правоохранительными органами; налоговая мораль (справедливость) (Marchese, Williams 2015).

Нельзя не согласиться с мнением исследователей, которые видят причины неэффективности государственной политики в области регулирования нестандартной, равно как и неформальной занятости. Во-первых, это слабость российской фискальной системы, а, во-вторых, причиной может быть классовый характер российского общества, при котором преимущества нестандартной занятости аккумулируются у класса работодателей, а издержки — у наемных работников, составляющих большинство российского общества (Анисимов, Косьянова 2018).

Среди отраслей по численности неформально занятых лидируют сферы торговли и ремонта (32,7% или 4660 тыс. чел.), строительство (11,7% или 1663 тыс. чел.), торговля и ремонт (32,8% или 4660 тыс. чел.), транспортировка и хранение — 9,5% или 1414 тыс. чел.), образование (1,1% или 153 тыс. чел.), здравоохранение и социальные услуги (1,4% или 194 тыс. чел.), прочие услуги (6,6% или 927 тыс. чел.). В целом, можно говорить, что суммарно в неформальном секторе по официальным занято около 9 млн неформальных работников (Рабочая сила, занятость... 2018: 95–97).

В этой ситуации вполне оправданным воспринимается заявление министра труда и социальной защиты М. А. Топилина о том, что «обезлеживание рынка труда» — ключевая задача. Например, низкий уровень пенсий обусловлен тем, «что за 15 миллионов людей работодатели вообще не уплачивают страховые взносы. Плюс многим оставшимся зарплата выплачивается частично в конвертах. Представляете, какие это потери?!» Министр также указал на то, что с 2015 г. в России ведется работа по снижению неформальной занятости. По его мнению,

в 2017 г. из теневого сектора рынка труда вышли более 2 млн россиян (Топилин 2018).

На реализацию задачи вывода как можно большего количества работников из неформального сектора занятости направлен и закон о самозанятых, т.е. тех, кто работает на индивидуальной основе. Дискуссия о самозанятости была инициирована в 2016 г. президентом в послании Федеральному Собранию «как необходимость улучшения условий для ведения бизнеса» и определения статуса самозанятых граждан.

1.1 Кто такие самозанятые?

В 2017 г. Минюст совместно с Минфином, Минэкономразвития и Минтрудом подготовил проект поправки Федерального закона «О внесении изменений в ст. 2 Закона РФ от 19.04.91 № 1032-1»³. Законопроект предусматривает закрепление критериев, которые смогут разграничить категории самозанятых граждан, ИП и лиц, работающих на основании трудового договора. В отличие от ИП, самозанятый не имеет права нанимать сотрудников и заключать с кем-либо трудовой договор. Но есть и другие отличия: самозанятые не предоставляют налоговую отчетность в соответствующие органы (Крицкая 2018).

Минюст предложил более уточненное определение понятия «самозанятый» — как физическое лицо, самостоятельно осуществляющее на свой риск основанную на личном трудовом участии деятельность по оказанию услуг, выполнению работ для физлиц, направленную на систематическое получение прибыли, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, не имеющее наемных работников. В ведомстве считают, что определение правового статуса самозанятых необходимо для защиты прав этой категории граждан, а также установления упрощенного порядка их деятельности и предоставления льгот. Свою задачу чиновники видят в том, чтобы предложить такие условия, по которым легализация неформальной деятельности может оказаться выгодной.

На сегодняшний день, по мнению авторов, существует два типа самозанятых: во-первых, это те, кто фактически организуют малое предприятие, привлекая ради получения прибыли работников, арендуя

³ Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 20 апреля 1996 г. № 36-ФЗ) (с изменениями на 11 декабря 2018 г.) (редакция, действующая с 1 января 2019 г.). URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=321272&cw=2348> (дата обращения 30.12.2019).

оборудование и помещения, оказывая услуги как в частном порядке, так и неофициально работая с организациями. Таким самозанятым приходится проходить процедуру регистрации экономической единицы и в дальнейшем работать по упрощенной схеме налогообложения. Во-вторых, те, кто выполняет работу для физических лиц только для удовлетворения персональных или семейных потребностей, поэтому тратит получаемый доход на личные нужды. К этому типу относятся репетиторы, няни, люди, частным образом ремонтирующие квартиры, сантехнику и т.д. Как считает руководитель департамента Федеральной службы по труду и занятости М. Ю. Иванов, если с первой категорией все более-менее понятно, то для второй Роструд вынужден разрабатывать наиболее подходящие механизмы легализации.

Специальный налоговый режим или «Налог на профессиональный доход» в рамках новой редакции ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации», действующей с 1 января 2019 г., вызвал дискуссию в СМИ среди представителей различных социальных групп населения. Поэтому его введение было ограничено годовым экспериментом в Москве, Московской и Калужской областях и Республике Татарстан. В случае если эксперимент будет оценен как удачный, то изменение в налогообложении будет утверждено повсеместно.

На сегодняшний день оформить самозанятость можно по трем направлениям деятельности: уход за пожилыми и детьми, репетиторство и услуги по уборке. Самозанятый выплачивает 4% с суммы доходов, полученных от реализации товаров или услуг физлицам, и 6% с суммы доходов, полученных от реализации товаров или услуг ИП (для использования при ведении предпринимательской деятельности) и юрлицам (Крицкая 2018).

По оценке Андрея Покиды, директора Центра социально-политического мониторинга РАНХиГС, в настоящее время самозанятых в общем количестве бедных от 10 до 20%. Если ориентироваться на прожиточный минимум 10 тыс. руб., то понятно, что люди вынуждены подрабатывать. При этом их доход вряд ли больше прожиточного минимума в 2–3 раза. Чаще всего это возможность заработать несколько тысяч, чтобы свести концы с концами (Покида 2019).

Исследования неформальной занятости в любых аспектах затрагивают проводимую экономическую политику, поскольку связаны с обращением к налоговой базе, к данным официальной статистики, механизмам сбора налогов, а также оценкой результатов государственной деятельности в этом секторе занятости и процессами, оказывающими серьезное влияние на общество и на жизнь отдельных людей.

Низкое качество институциональной среды в условиях сокращения формального сектора занятости стимулирует использование работниками неформальных практик и все более побуждает их справляться со своими трудностями вне государственного регулирования (Барсукова 2015).

2. Неформальный сектор занятости — теоретическая рамка

Исследования неформальной занятости связаны с неформальной экономикой, имеют давние традиции и серьезные научные и практические наработки как в западной литературе, так и в среде отечественных исследователей. Они представляют различные научные подходы, принципиально отличающиеся проблематизацией этого феномена. В них содержится всесторонний и исчерпывающий анализ концепций неформального сектора экономики, субъектами которых являются индивиды, домохозяйства и предприятия в исторической ретроспективе, что позволяет системно представить природу данного феномена, его концептуальную структуру и характер функционирования сегментов (Гимпельсон, Капелюшников 2005; Барсукова 2012).

В конкретизации концептуальных рамок собственного эмпирического изыскания по выявлению наиболее обыденных неформальных практик на современном рынке труда наиболее адекватным для нас оказывается институциональный подход, который базируется на исследовании правил взаимодействия участников рынка труда (правил игры), имеющих место в любой организационно-правовой среде, а не только в одном из секторов экономики (Marchese, Williams 2015). Ускорение динамики и увеличение разнообразия форм экономической деятельности в условиях российской рыночной экономики, по заключению С. Барсуковой, «повышают роль неписанных регуляторов, дополняющих, а иногда и заменяющих формальные законы и правила». Они существуют «как в форме “неформальной зоны”, так и неформальных практик внутри формальной сферы, т.е. в форме “неписанных” правил, пронизывающих в том числе легальную экономику». Неформальные практики являются компромиссом формальных правил и социальных норм, к использованию зазоров, имеющих в законах, и к адаптации собственных норм поведения. Чем слабее механизм принуждения к исполнению закона, тем обильнее неформальные практики (Барсукова 2012: 31).

Неформально-экономические практики воспринимаются населением как адекватные и социально приемлемые, что и отличает их от практик теневого сектора. Они регулируются культурными нормами, а не законами рынка, в условиях, когда основной целью работника становится выживание и обеспечение занятости, а не накопление капитала и максимизация средней прибыли. Социально-экономические практики обусловлены неустойчивостью существующих конфигураций баланса разнородных элементов социальной структуры общества и эволюцией доминирующих нормативных моделей, что предполагает движение, перемещение определенных элементов структуры социального пространства на маргинальные границы социального пространства, и наоборот (Шанин 1999; Самсонов 2011).

Как показывает опыт развитых стран, без усвоения определенных ценностных оснований, которые становятся условием эффективного функционирования общественных институтов и технологий, они не смогут работать без искажений. Однако именно ценностная переориентация традиционных элит и общества в модернизируемых странах является наиболее трудной и затяжной по времени, часто связанной со сменой поколений (Марьянов 2010). Исследование взаимосвязи формальных (законы и нормативные акты) против неформальных институтов (социальных норм, ценностей и убеждений) показывает, что чем больше расхождение и рассогласованность между ними, тем больше неформальная экономика преобладает (Williams, Horodnic & Windebank 2015; Marchese & Williams 2015).

Обобщая условия, способствующие росту неформальности рабочей силы, Колин С. Уильямс выделяет как наиболее очевидные следующие характеристики: недостаточное развитие общества, высокий уровень коррупции, чрезмерное регулирование в некоторых сферах (например, временная работа) в сочетании со слишком слабым регулированием в других сферах (социальная защита, меры для уязвимых групп).

Он указывает на три основные перспективы исследований:

- модернизация vs неразвитости общественного развития;
- неолиберальные характеристики: высокие налоги, коррупция и вмешательство государства;
- политическая экономия: неадекватное вмешательство государства для защиты работников (Colin C. Williams 2015).

Результаты западных исследователей свидетельствуют о том, что неформальность становится важным элементом хозяйства не только развивающихся, но и более развитых стран (Hazans 2011; Schneider & Williams 2016; Барсукова 2004, 2015).

В этой связи Хазанс утверждает, что неформальная занятость фокусируется, во-первых, в малом бизнесе, а маргинальная рабочая сила: это те, кто не может найти другую работу (например, из-за низкого образования, институциональных барьеров, дискриминации); во-вторых, в среде начинающих предпринимателей, которые в течение первых лет создания своей фирмы работают неформально и легализуют свою фирму в случае удачного развития.

Насколько согласуются эти теоретические постулаты с российским контекстом, попытаемся проверить на имеющемся эмпирическом материале. Сопрягая возможности количественного анализа данных, предоставляемых официальной статистикой, с результатами собственного качественного анализа, имеющихся текстов тематических интервью проанализируем экономическую мотивацию информантов к неформальным действиям в социальном аспекте. Рассмотрим условия их работы в неформальном секторе занятости, качество их рабочих мест, отношение к налоговым выплатам и социальную защищенность.

3. Анализ кейсов конкретных жизненных ситуаций вынужденного обращения работников к неформальным практикам и работкам.

Фокус представленного исследования акцентируется на выявлении неформальных социально-экономических практик поведения работников в сфере труда, подкрепленных мотивацией на экономическое выживание и укоренявшимися в течение длительного периода времени ментальными характеристиками населения.

Изучение участия жителей Санкт-Петербурга в неформальном секторе занятости проводилось в рамках проекта «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ» (2014–2017). (Грант РГНФ 15-03-00421 — 20 кейсов, 30 интервью.)

Специфической чертой этого проекта является то, что в нем использовались эмпирические базы двух предыдущих проектов⁴, что дало возможность еще раз обратиться к участникам прошлого интервьюирования через достаточно длительное время. Методология исследования

⁴ «Структурные изменения и стратегии выживания: адаптация к рыночным отношениям в России» (1993–1996 гг., совместно с Академией наук Финляндии) — 100 интервью, 20 повторных; «Новые риски и зарождающийся средний класс в переходной России: класс, гендер и благосостояние в Санкт-Петербурге» (1998–2000 гг. совместно с Академией наук Финляндии) — 100 интервью, 17 повторных.

была достаточно схожей и апробированной во всех проектах, поскольку в них входили серии повторных интервью в семьях опрошенных ранее. Таким образом, у нас были кейсы, представленные несколькими семейными интервью опрошенных по сходной методике с временным лагом 10–15 лет. В предлагаемой статье внимание сосредотачивается в основном на последнем исследовательском этапе 2015–2017 гг.

Обсуждение блока вопросов гайда, связанных с трудовой деятельностью, было наиболее существенным, что позволило в дальнейшем анализе использовать тематические части интервью в разных аспектах описания отдельных форм и специфических практик профессиональной деятельности, более детально и реально представить неформальный сектор занятости на уровне индивидов, домохозяйств, предприятий.

Среди информантов и членов их семей были люди, которые могли быть отнесены к различным категориям занятости. Однако большую часть составляли люди, совмещающие работу в государственном или частных секторах и имеющие дополнительный заработок в неформальном секторе. Это репетиторы — преподаватели вузов и сферы школьного и дошкольного образования, медицинские работники, работники сферы IT-технологий, гувернантки, люди, подрабатывающие извозом, различными видами ремонта, мелкой торговлей, предприниматели, сами работающие без оформления или нанимающие других без оформления. Есть и те, у кого работа в неформальном секторе была основной, поэтому они определяли себя как самозанятые (Колосова 2018: 38).

Ж.: Я вышла на пенсию и перестала работать. А в общем-то, было довольно мало денег, трудно было, у мужа было... почти ничего. Я шила. Я и раньше иногда подшивала на заказ знакомым.

И.: <...> приходилось все время подрабатывать дома?

Ж.: Да. А тут оказалась на домашней такой вот работе. Я стала таким самозанятым. Но какое счастье! Не пользоваться общественным транспортом, а зарабатывать можно сидя дома.

(Ж., 70 лет, пенсионерка, базовое образование химико-технологическое)

Даже работая в государственном секторе, большинство из них имело опыт работы без официального оформления за реальное вознаграждение, включая тех, у кого это было эпизодически. Преодоление трудностей экономических кризисов, которые воспринимаются некоторыми «как постоянные», требовали от людей готовности не отказываться ни от какой работы независимо от формы оплаты. Это

сочеталось с уже сложившимся терпимым отношением к практикам работы в неформальном секторе, на что указывают и другие авторы (Барсукова, Колосова 2018). Почти никто не отметил, что работа без уплаты налогов вызывает чувство стыда и ответственности перед обществом и государством, поскольку с этого заработка не уплачиваются налоги (Барсукова, Радаев 2012: 102). Общепризнанным выражением стало: «с государства хоть шерсти клок».

Замечательно и то, что для многих информантов неоформленная деятельность не является новым явлением. Как известно, такие практики использовались и в советское время. В ряде случаев это было связано с тем, что законодательно ограничивалось совмещение нескольких мест официальной работы, оставляя решение о таком трудоустройстве за администрацией предприятия⁵. Дополнение доходов от занятости в формальной экономике неформальными считалось практически нормой, а нарушения трудового законодательства нередко замалчивалось руководством.

М.: Работа на нескольких предприятиях была вполне нормальным делом. Только иногда приходилось на дополнительную работу оформлять родственников, чаще всего пенсионеров. Кстати, иногда за фиктивное устройство приходилось платить процент.

(М., 70 лет, в прошлом инженер, теперь пенсионер)

И.: Вот, если так посмотреть на Вашу профессиональную биографию, то Вы практически в государственном секторе и не работали? Советского опыта работы у Вас практически нет?

Р.: Когда спортом занималась профессиональным, то я была устроена каким-то методистом, которым я не работала, но деньги получала от профсоюзов. Я работала просто спортсменом и получала зарплату от государства от Советского, поэтому, отчего же, у меня есть опыт работы в государственных органах.

И.: Ну, тогда, знаете, как там все это делалось.

Р.: Да, работала спортсменом, устроенная методистом по спорту в какой-то организации.

(Ж., 49 лет, владелица частной детской школы горнолыжного спорта, базовое образование высшее спортивное)

⁵ Постановление Госкомтруда СССР, Минюста СССР и ВЦСПС от 09.03.1989 № 81/604-К-3/6-84 (ред. от 15.08.1990, с изм. от 14.08.2001) «Об утверждении Положения об условиях работы по совместительству» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1989. № 6. С. 4–8.

Респонденты, участвующие в интервьюировании, чаще имели высшее или среднее профессиональное образование, почти в равной доле мужчины и женщины. Уровень образования связывался с возрастом, который был представлен различными возрастными категориями от более молодого возраста до пенсионеров. Как упоминалось выше, на рынке занятости информанты представлены инженерно-техническими профессионалами, работниками социальной сферы (врачи, учителя, средний медицинский персонал, работники сферы торговли и т.п.), высококвалифицированными рабочими. По шкале самооценки информанты относили себя к низко и среднеобеспеченным группам.

Как правило, в неформальном секторе выполнялась работа более низкой квалификации и профессионального статуса, часто без прямого отношения к полученному ранее высшему образованию, хотя почти все информанты считали, что оно очень помогает в любой работе. Это свидетельствует о том, что происходит перетекание квалифицированных и перспективных работников в другие секторы занятости, что серьезно сказывается на качестве трудовых ресурсов в целом.

Н.: В данное время я работаю в «Световиде» и параллельно как бы прохожу обучение. То есть это продажа окон. Основное направление окна, а также другие отделочные материалы: двери, жалюзи, натяжные потолки...

И.: Форма собственности предприятия: какая сейчас?

Н.: Частная, конечно.

И.: Какая занимаемая должность сейчас?

Н.: Менеджер по организации и продажам.

И.: Как это соотносится с полученным образованием?

Н.: Очень косвенно. Сейчас все очень по касательной.

И.: У Вас есть подчиненные в настоящий момент?

Н.: Да. У меня есть стажеры.

(Ж., 44 г., базовое образование — преподаватель французского языка)

Действительно, неформальные практики в основном сосредотачиваются в малом и среднем бизнесе, где в условиях законодательной неэффективности и коррумпированности фискальных отношений работодателям позволяется неформально трудоустраивать отдельных работников для экономии налоговых отчислений.

Ж.: Ну, у нас специально устроенных семеро человек. Но зарплату я плачу порядка десяти–пятнадцати человекам в месяц. Всего, как бы

в штате, нас семеро, и есть еще те (приглашенные), ну, зависит от месяца и количества проектов.

<...> Ну, просто я не могу держать всех этих людей. Они мне не нужны. Но они мне нужны периодически. Вот, потребовалось под проект. У меня есть в штате один проектировщик. Ну, были два проектировщика. Но третий проектировщик — я его привлекаю периодически, потому что у меня просто нет задач на трех проектировщиков. А зарплаты у них нехилые. У проектировщиков в этой сфере... вообще зарплаты очень нехилые. <...> проектировщик меньше чем за... за столько (сто тысяч рублей) не придет.

(Ж., 48 лет, генеральный директор компании по проектированию, созданию и продаже интернет-услуг, базовое образование — педагогический институт)

Ж.: Муж — директор школы. Его обязанности покупка оборудования, организация выездов, летний лагерь. Я все остальное — программы, инструктора, но и оборудование я тоже подбираю. <...> Да, есть у меня два штатных сотрудника, остальных приглашаю, если надо. (В этом семейном бизнесе задействованы все родственники — дочь, в прошлом мать, брат и др.)

(Ж., 49 лет, владелица частной детской школы горнолыжного спорта, базовое образование высшее спортивное)

Ж.: Все зависит от объема сделок. <...> Ну, потом, <...> когда рынок стал потихонечку остывать, поэтому организации очень тяжело держать и платить налоги за сотрудников, которые ничего не зарабатывают, если нет сделок.

И.: И большинство риэлтерских агентств работают без оформления?

Ж.: Ну да, там какой-то штат есть небольшой: постоянный бухгалтер, секретарь <...>

И.: Так как нет никаких записей, нет отчислений...

Ж.: Да, безусловно.

(Ж., 65 лет, риэлтор, базовое высшее химико-технологическое образование)

Как правило, информанты старались сочетать работу в государственном учреждении с подработкой неофициально. Так, в случае с учительницей музыки, которая не могла устроиться преподавать в музыкальную школу и вынуждена была начать в этой школе

с уборщицы (потом стала там администратором), дополнительным неофициальным заработком стала работа в пошивочном цехе.

И.: Скажите, пожалуйста, были ли еще какие-то у вас возможности заработать? Может быть, работа на дому или какая-то подработка?

Ж.: Это было. Я шила трикотажные перчатки. Помню, какая-то женщина этим заправляла. Жила (она) на Некрасова в этом жутком доме, где когда-то Одоевцева жила. Там мы с ребенком ходили на шестой этаж, в коммуналке это все было. Сначала какие-то рукавицы шила, потом рюкзаки, потом мне стали привозить на дом все это кроить. Такие огромные рулоны, все это кроила, кроила. Был такой семейный подряд. Семья этим занималась, а мы несколько человек были на подхвате. Вот так. <...>

И.: Скажите, пожалуйста, по поводу режима Вашей работы: когда у Вас были подработки и как Вы успевали работать в музыкальной школе?

Ж.: Сначала я ходила туда к полшестого утра, потом весь день дома там, надомный труд, урывками все, когда приезжали, когда они увозили, привозили. А вечером опять в музыкальную школу. Когда стала администратором, пришлось бросить эту подработку. Совсем не хватало ни времени, ни сил.

(Ж., 46 лет, базовое образование — высшее музыкальное)

Многочисленную долю неформального сектора занятости составили работники ИТ-технологий, пополнившие его в последнее десятилетие и имеющие достаточно высокий уровень образования и квалификации.

Опережающее развитие профессиональных знаний в сфере ИТ-технологий, которые позволяют интенсифицировать многие виды труда, меняют отношение к «нематериальному труду» и не требуют традиционного рабочего места. Оно может находиться далеко за пределами предприятия, офиса или в доме проживания исполнителя. Работники, владеющие компьютерными технологиями, могут получать заказы, выполнение которых не требует даже встречи заказчика и исполнителя, а оплату получать и производить через банковские карты.

М.: Наверное, наиболее будет правильным сказать, что я индивидуальный предприниматель и я занимаюсь предоставлением компьютерных услуг различным заказчикам на договорной основе.

И.: А что это за услуги?

С.: Главным образом, это программирование веб-сайтов. <...>

И.: То есть условия работы, график Вы себе сами устанавливаете?

С.: Да, график устанавливаю я себе сам, но стараюсь придерживаться, какого-то заранее запланированного. <...> В моей нынешней работе очень много плюсов, в первую очередь, в том, что я никуда не привязан: нет офиса, куда необходимо с утра ехать, стоять в пробках. Работа по удаленке, она мне очень симпатична в этом смысле.

И.: А Ваше ИП оформлено и Вы платите налог?

С.: Нет, конечно. Если я буду исправно платить налоги, мне нет смысла заводится с этой работой.

(М., 45 лет, базовое образование — Горный институт)

М.: ... Работаю в строительной частной компании <...> на вольных хлебах: есть объект — есть деньги, нет объекта — нету, — нет стабильной зарплаты. <...>

И.: А зарплату получаете на карту?

М.: Нет, зарплату наличными.

И.: На руки?

М.: Да.

(М., 39 лет, строительный рабочий)

Свободное трудоустройство имеет и свои отрицательные стороны. В первую очередь, это связано с регулярностью заказов, востребованностью работника и нестабильностью заработков.

И.: У Вас была стабильная зарплата вне зависимости от того, приходили ли к Вам клиенты?

Ж.: Был оклад, оклад какой-то небольшой был. И был процент, который до какого-то времени выплачивали в конвертике. А учитывая, что даже до какого-то времени и спокойно было, т.е. расплачивались в евро, сначала в долларах, потом в евро и заказы все. Это потому, что мебель из Европы, в основном. И это было очень удобно, потому что тогда можно было как-то за границу ездить, путешествовать, и мне платили. А сам оклад рублевый был небольшой. Потом это все начало меняться, и уже просто увеличили рублевый. И плюс оклад был, он всегда стабильный, но маленький. А все, что остальное платили, — это были проценты от продаж.

(Ж., 38 лет, дизайнер в студии крупной частной компании по дизайну мебели, высшее художественное образование)

Ненормированный рабочий день подчас оборачивается серьезными интеллектуальными и физическими нагрузками, сверхпереработками, стрессами, нарушениями функциональной смены рабочих мест независимо от профессиональных качеств работающего.

И.: А есть ли проблема с поиском заказчиков или больше времени не хватает?

С.: Проблем с заказами скорее нет.

И.: Вы сами ищете заказчиков?

С.: Как ни странно, в последнее время они сами меня находят. Я не занимаюсь саморекламой и т.д. Собственно у меня один большой заказчик, а остальные мелкие. Я считаю количество часов, которые я потратил на этого крупного заказчика, делаю отчет. И уходит где-то на него около 40 часов в месяц. Правда, стоит оговориться, что по факту эти 40 часов, не те 40 часов, которые фигурируют в отчете. Иногда я трачу на решение задачи гораздо больше (времени). Например, на решение задачи я поставил 5 часов, а делал ее целую неделю, потому что не мог с чем-то разобраться. А есть задачи, на которые отводишь те же 5 часов, а на самом деле занимаюсь 15 минут. Но чаще бывает все же наоборот.

(М., 45 лет, базовое образование — Горный институт)

Ж.: Нужно было сочетать офисную работу, самообразование и собственные проекты, хотя нагрузка была очень напряженной. Особенно, когда потом у меня были еще свои проекты, объекты, которые я вела. Я по вечерам за компьютером, по ночам чертила. И с утра перед работой до 11 часов ездила на объект, смотрела его, и в выходные. И такой был тогда нормально, в общем, напряженный график. Учитывая, что там (в офисе) иногда нужно было просиживать, когда никого народу, особенно, там допустим 5 января. Но, с другой стороны, это давало мне возможность что-то свое изучать, читать, чертить.

И.: А Вам не возбранялось заниматься своими делами?

Ж.: Да.

И.: Самообучением?

Ж.: Да, да, даже приветствовалось, какие-то параллельные объекты.
<...>

(Ж., 38 лет, дизайнер в студии крупной частной компании по дизайну мебели, высшее художественное образование)

Во-вторых, работа без должного оформления сопровождается рисками надолго оставаться без заказов или без оплаты за выполненную

работу, или получить ее не в срок по договоренности (Кученкова 2018: 25).

И.: А из непривлекательных сторон, что отмечаете?

С.: Отсутствие стабильности. Я никогда не знаю, будет ли новый заказ, когда будет оплата заказа: сегодня, послезавтра или заказчик оплатит на следующей неделе. Все это время я буду терпеливо ждать, пока заказчик не соизволит заплатить.

И.: А были случаи, когда не платили, а работа была уже сделана, есть гарантии оплаты? А если не платили, и это происходило неожиданно, что делали в такой ситуации?

С.: Ситуации такие были, и сделать с этим ничего нельзя: не работать с этим заказчиком дальше. Как воздействовать? Можно мстить начать. Но это не очень продуктивный способ.

И.: А вообще, насколько велика опасность нарваться на неплатежи в Вашей работе?

С.: Да, это возможно, но со временем я выработал методики, по которым я отсеиваю подобных заказчиков. <...> Я придумал такую схему оплаты, при которой я работаю с новыми заказчиками поэтапно или по мелким заказам, а потом уже позволяю больше. Мне нет смысла из-за 1500 рублей дергаться туда-сюда и рисковать. Я выбираю для каждого заказчика некоторую критическую сумму работ, по которой я делаю ему в кредит, и если он ее не оплачивает своевременно, я дальше с ним не работаю. Тем самым я теряю только первоначальную сумму. Если этого не происходит, я продолжаю с ним работать, увеличивая кредит доверия.

(М., 45 лет, базовое образование — Горный институт)

Необходимость постоянно адаптироваться к разным требованиям часто не только не оправдывают затраты получаемого вознаграждения за достаточно высококвалифицированный труд (например, в сфере медицины, образования), но и приводят к снижению профессионального статуса работников, повышению стрессогенности и ухудшению здоровья. Об этом свидетельствуют не только высказывания информантов, но и официальная статистика заболеваемости и смертности работающего населения.

Крайне злободневным аспектом неофициальной работы является отсутствие социальных гарантий и защиты (социального пакета) в случае болезни или каких-то непредвиденных обстоятельств (Гимпельсон, Зудина 2011: 10; Бобков, Квачев, Локтюхина 2016: 86).

И.: Теперь у Вас, как правило, постоянная зарплата, в рублях, а не в валюте?

Р.: Да, стараемся себя не обижать.

И.: Были ли случаи, когда не было зарплаты?

Р.: Ну, как же, были и бывают. Зарплата у нас нерегулярная. Вот летом, например, как таковой нет зарплаты. Вот я сколько натренирую, столько и заработаю.

И.: Работая в частном секторе, имеете ли Вы социальный пакет: страховку, больничный лист и т.п.?

Р.: Нет, этого у меня ничего нет.

(Ж., 47 лет, владелец детской частной школы горнолыжного спорта, базовое высшее спортивное образование)

И.: Условия работы не отличаются по общепринятым по КЗоТу нормам?

Н.: Восьмичасовой рабочий день и два дня через два. Мне это очень нравится. <...>

И.: Есть ли социальная защита, и как выплачивается зарплата, есть ли задержки?

Н.: Нет. С зарплатой все нормально. Вовремя.

И.: Это зарплата официальная?

Н.: В данный момент нет. В данный момент заключен временный договор, что я работаю как ученик.

И.: То есть социальные защиты на Вас не распространяются: больничные, страховка, отпускные?

Н.: Нет. Но в принципе, на данный момент, пока у меня нет официального трудоустройства, этого ничего не полагается, но мне предлагают уже и официальное трудоустройство, но пока я не решилась.

И.: Почему, с чем это связано?

Н.: У меня будут сложности с графиком работы и увеличением нагрузки, большей зависимости от начальства.

(Ж., 44 г., базовое образование — преподаватель французского языка)

В то же время неофициальная работа в условиях гибкого графика и возможность работать удаленно, особенно для тех, кто использует компьютер, выбирать комфортный режим приобретала особую привлекательность, поскольку она не требует жесткой стабильности и может быть прервана в случае необходимости. Для отдельных категорий работников (молодые матери, студенты, пенсионеры) этот

момент может быть решающим в выборе дополнительных заработков (Гимпельсон, Капелюшников 2005: 7).

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что неформальные практики занятости используются практически всеми представителями социальных групп общества независимо от уровня и профиля образования, профессии. Это либо непосредственное участие в неформальном секторе занятости, либо сочетание формальной и неформальной занятости. Как правило, неформальные практики, предлагаемые работодателем или устанавливаемые предпринимателями, прежде всего, на начальном этапе становления бизнеса, воспринимаются самими работниками как необходимое условие преодоления трудностей, возможность поддержать привычный уровень жизни.

Люди, хоть и не осуждают участие в неформальной экономике, но вполне осознают негативные социальные последствия этого участия как для себя лично, так и для страны в целом.

Нестабильность материального и социального положения, подвижность востребованности тех или иных квалификационных и профессиональных качеств работника снижают его возможности социальной мобильности, серьезно влияют на престиж профессий. Неопределенные профессиональные практики и многофункциональные обязанности работника размывают традиционное значение многих профессий и способствуют утрате фиксированного ранее смысла «профессионала» как символа социального порядка, занимающего собственное место в обществе (Романов, Ярская-Смирнова 2012).

В целом можно констатировать, что тенденции численного роста и расширение функционирования неформального сектора занятости, воспроизводство разнообразных неформальных практик занятых в нем работников сопровождается обострением социальных проблем в обществе и не компенсируют в полной мере те позитивные качества, которые также способствуют его упрочению. Так, с одной стороны, неформальный сектор занятости позволяет в определенной степени сдерживать ухудшение материального положения работников, дает дополнительные рабочие места и сокращает безработицу. А с другой, его нестабильность и социальная незащищенность способствуют снижению качества трудовых ресурсов общества в целом (Анисимов 2017).

Источники

Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования 2017. № 11. С. 44–52.

Анисимов Р. И., Касьянова Е. А. Эффективность государственного регулирования нестандартной занятости в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 9–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-9-22

Барсукова С. В. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 448 с. URL: <https://docplayer.ru/28464993-Neformalnaya-ekonomika-s-yu-barsukova-ocr-by-palek-ekonomikosociologicheskii-analiz-izdatelskiy-dom-gu-vshe.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Барсукова С. В. Неформальная экономика: понятия, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования 2012. № 2. С. 31–39. URL: <https://publications.hse.ru/articles/59195505> (дата обращения: 01.07.2019).

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. Т. 13, № 2. Март 2012. С. 99–111. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

Барсукова С. В. Эссе о неформальной экономике или 16 оттенков серого. М.: Литагент «Высшей школы экономики», 2015. 216 с.

Бобков В. Н., Квачев В. Г., Локтюхина Н. В. Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Серия «Экономика и управление». 2016. № 4. С. 81–86. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/content/есон/2016/04/тос_ru.asp (дата обращения: 10.06.2019).

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 36 с. URL: http://www.hse.ru/data/2013/03/27/1295756417/WP3_2005_05.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. 60 с. URL: https://www.hse.ru/data/2011/07/27/1214976212/WP3_2011_06_f.pdf (дата обращения: 30.12.2019).

Кагарлицкий Б. Ю. Восстание среднего класса. М., 2012. 225 с. URL: <https://rabkrin.org/kagarlitskiy-b-yu-vosstanie-srednego-klassa-kniga/> (дата обращения: 20.07.2019).

Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? // Препринт WP3/2012/04. Серия WP3. Проблемы рынка труда. М.: Изд. дом «ВШЭ». 84 с. URL: https://wp.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf (дата обращения: 20.07.2019).

Колосова Е. А. Самозанятость в сфере услуг: особенности трудовых отношений // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология.

Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 35–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42.

Крицкая М. На что могут рассчитывать самозанятые // *Контур*. 2018. Ноябрь. URL: <https://kontur.ru/articles/4818> (дата обращения: 30.12.2019).

Кученкова А. В. Прекаризация занятости в сфере спорта: условия и мотивы труда тренеров по воздушно-спортивному эквилибру // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2018. № 2 (12). С. 23–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-23-34.

Малева Т. М. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Под ред. Т. М. Малевой. М.: Гендальф, 2003. 506 с.

Мартыанов В. С. Ремодернизация российского модерна: теория, практика и/или риторика? // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/remodernizacziya-rossijskogo-moderna-teoriya-praktika-i-ili-ritorika.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Николаева М. И., Шемяков А. Ю. Теневая экономика: методы анализа и оценки. М.: ЦЭМИ, 1987. 53 с.

Могилевская А., Фейнберг А., Ткачев И. Неформальная экономика в России выросла до рекордных размеров // Телеканал «РБК». 17.04.2017. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/04/2017/58f4b8789a7947c1418ff1af> (дата обращения: 30.12.2019).

Покида А. Кого статистика называет бедным, а он им не является? // «Комсомольская правда», 10.02.2017. URL: <https://www.penza.kp.ru/daily/26790/3825007/> (дата обращения: 30.12.2019).

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных исследований рабочей силы 2018). М., 2018. С. 95–97, 89–101. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (дата обращения: 30.12.2019).

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. 236 с.

Рувинский В. Почему растет неформальная занятость // «Ведомости» 27.03.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/03/28/797584-rochemu-rastet> (дата обращения 30.12.2019).

Сафронов А. С. Откуда в России столько «работающих бедных»? // «Комсомольская правда», 05.02.2018. URL: <https://www.penza.kp.ru/daily/26790/3825007/> (дата обращения: 30.12.2019).

Самсонов В. В. Концепция эксполярных структур Т. Шанина в исследованиях неформальной экономики // Экстрополярные типы социального взаимодействия в современном Российском обществе. Новосибирск: Уральский университет, 2011. 211 с. URL: <https://www.disscat.com/content/ekspolyarnyye-tipy-sotsialnogo-vzaimodeistviya-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve> (дата обращения 30.12.2019).

Шанин Т. Почему до сих пор не умер русский народ? Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // *Эксперт*. 2000. № 1–2 (213). URL: <https://www.yabloko.ru/Themes/History/Shanin/narod.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России / Под ред. Т. Шанина // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999. 576 с.

Hazans M. Informal Workers across Europe: Evidence from 30 European Countries. Bonn: University of Latvia and IZA, 2011. Discussion Paper No. 5871. 41 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp5871.pdf> (access date: 30.12.2019).

Morris J. & Polese A. Informal Economies in Post-Socialist Spaces Practices, Institutions and Networks / Edited by Jeremy Morris & Abel Polese, 2015. London EC1N8IS, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=4l8MCgAAQBAJ&pg=PT308&lpg=PT308&dq=Morris+%26+Polese+2015&source=bl&ots=yYFLTEaQ9l&sig=ACfU3U3v0zfWP_xLNvjcQC5-2BMKIZgMMA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjOtPyB1Z3jAhUjwMQBHR9lBy4Q6AEwDHoECAkQAQ#v=onepage&q=Morris%20%26%20Polese%202015&f=false (access date: 30.12.2019).

Morris J. & Polese A. The Informal Economy in Global Perspective. Varieties of Governance / edited by Abel Polese, Colin C. Williams, Ioana A. Horodnic and Predrag Bejakovic. Palgrave 2017, pp. 127–130. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&frm=1&source=web&cd=3&ved=2ahUKewiwuJOnPaLjAhUnPySkHeraAI4QFjACegQIAxAC&url=http%3A%2F%2Fsiba-ese.unisalento.it%2Findex.php%2Fidps%2Farticle%2Fdownload%2F19470%2F16960&usg=AOvVawliNy0bc_-EljEHlqJ6i4ZG (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. and Horodnic A. V. (2018). Explaining informal payments for health services in Central and Eastern Europe: an institutional asymmetry perspective // *Post-Communist Economies*. 30 (4), pp. 440–458. URL: <https://ideas.repec.org/a/taf/pocoec/v30y2018i4p440-458.html> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. and Schneider F. (2016). Measuring the Global Shadow Economy The Prevalence of Informal Work and Labour. Edward Elgar Publishing, UK. 247 p. URL: <http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:304681/Source:default> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C., Horodnic I. A. & Wandeband J. Evaluating the Prevalence and Distribution of Envelope Wages in the European Union Lesson from a 2013 Eurobarometer Survey // *Journal of Contemporary European Research* 2015. 11 (2), pp. 179–195. URL: <https://www.researchgate.net/publication/278784072> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C., Wandeband J. Evaluating competing theories of informality of informal employment: Some lessons from a 2013 European survey // *International Journal of Business and Globalization*. 2015. 15 (1), pp. 45–62. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2883480 (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. and Horodnic I. (2017). Tackling the informal sector in East-Central Europe // *Journal of Tax Administration*. 3 (2), pp. 65–86. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/management/staff/iahorodnic/iahorodnicpublications> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. (2015). Tackling informal employment in developing and transition economies: a critical evaluation of the neo-liberal approach // *International Journal of Business and Globalization, Inderscience Enterprises Ltd.*, 2015. Vol. 14 (3), pp. 251–270. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2883462 (access date: 30.12.2019).

References

- Anisimov R. I. Trud v epohu neopredelennosti [Labor in an era of uncertainty]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2017, no. 11, pp. 44–52. (In Russian)
- Anisimov R. I., Kas'yanova E. A. Effektivnost' gosudarstvennogo regulirovaniya nestandartnoy zanyatosti v Rossiyskoy Federatsii [The Effectiveness of regulation precarious work by State in the Russian Federation]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya, Sotsiologiya, Iskuststvovedenie"* [Herald of Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"], 2018, no. 2 (12), pp. 9–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-9-22. (In Russian)
- Barsukova S. V. *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Informal Economy: economic and sociological analysis]. Moscow, Publishing House of the Higher School Economics, 2004, 448 p. URL: <https://docplayer.ru/28464993-Neformalnaya-ekonomika-s-yu-barsukova-ocr-by-palek-ekonomikosociologicheskii-analiz-izdatelskiy-dom-gu-vshe.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)
- Barsukova S. V. Neformal'naya ekonomika: ponyatiya, istoriya izucheniya, issledovatel'skie podhody [Informal economics: concepts, study history, research approaches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2012, no. 2, pp. 31–39. URL: <https://publications.hse.ru/articles/59195505> (access date: 01.07.2019). (In Russian)
- Barsukova S. Yu. Radaev V. V. Neformal'naya ekonomika v Rossii: kratkiy obzor [The informal economy in Russia: a brief overview]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 2012, vol. 13, no. 2 (March), pp. 99–111. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255784750/ecsoc_t13_n2.pdf (access date: 01.07.2019). (In Russian)
- Barsukova S. V. *Esse o neformal'noy ekonomike ili 16 ottenkov serogo* [Essay on the informal economy or 16 shades of gray]. Moscow, Litagent "Vysshey shkoly ekonomiki", 2015, 216 p. (In Russian)
- Bobkov V. N., Kvachev V. G., Loktyuhina N. V. Neustoychivaya zanyatost': ekonomiko-sotsiologicheskii genezis ponyatiya [Unstable Employment: the economic and sociological genesis of the concept]. *Vestnik VGU. Seriya "Ekonomika i upravlenie"* [Herald of Voronezh State University. Series "Economics and Management"], 2016, no. 4, pp. 81–86. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/content/econ/2016/04/toc_ru.asp (access date: 10.06.2019). (In Russian)
- Gimpel'son V. E., Kapelyushnikov R. I. *Nestandartnaya zanyatost' i rossiyskiy rynok truda* [Precarious work and the Russian labor market]. Preprint WP3/2005/05. Moscow, Publishing House of the Higher School Economics, 2005, 36 p. URL: http://www.hse.ru/data/2013/03/27/1295756417/WP3_2005_05.pdf (access date: 01.07.2019). (In Russian)
- Gimpel'son V. E., Zudina A. A. "Neformaly" v rossiyskoy ekonomike: skol'ko ih i kto oni? ["Informals" in the Russian economy: how many of them and who are they?]. Moscow, Publishing House of the Higher School Economics, 2011, 60 p. URL: https://www.hse.ru/data/2011/07/27/1214976212/WP3_2011_06_f.pdf (access date: 30.12.2019). (In Russian)
- Hazans M. *Informal Workers across Europe: Evidence from 30 European Countries*. Bonn: University of Latvia and IZA, 2011, Discussion Paper no. 5871, 41 p. URL: <http://ftp.iza.org/dp5871.pdf> (access date: 30.12.2019).
- Kagarlitskiy B. Yu. *Vostanie srednego klassa* [Uprising middle class]. Moscow, 2012. 225 p. URL: <https://rabkrin.org/kagarlitskiy-b-yu-vostanie-srednego-klassa-kniga/> (access date: 20.07.2019). (In Russian)

Kapelyushnikov R. I. *Neformal'naya zanyatost' v Rossii: chto govoryat al'ternativnye opredeleniya?* Seriya WP3. *Problemy rynka truda* [Informal employment in Russia: what do alternative definitions say? Series WP3. Problems of the labour market]. Preprint WP3/2012/04. Moscow, Publishing House of the Higher School Economics, 2012, 84 p. URL: https://wp.hse.ru/data/2012/07/05/1254171141/WP3_2012_04_ff.pdf (access date: 20.07.2019). (In Russian)

Kolosova E. A. Samozanyatost' v sfere uslug: osobennosti trudovykh otnosheniy [Self-employment in the service sector: features of labor relations]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"* [Herald of Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"], 2018, no. 2 (12), pp. 35–42. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-35-42. (In Russian)

Kritskaya M. Na chto mogut rasschityvat' samozanyatyie [What the self-employed can count on?]. *Kontur* [Contour], 2018, November. URL: <https://kontur.ru/articles/4818> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Kuchenkova A. V. Prekarizatsiya zanyatosti v sfere sporta: usloviya i motivy truda trenerov po vozdušno-sportivnomu ekvilibru [The precarization of employment in the sport sector: the conditions and motives for the work of trainers in air-sport equilibrium]. *Vestnik RGGU. Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie"* [Herald of Russian State Humanitarian University. Series "Philosophy. Sociology. Art Criticism"], 2018, no. 2 (12), pp. 23–34. DOI: 10.28995/2073-6401-2018-2-23-34. (In Russian)

Maleva T. M. *Srednie klassy v Rossii: ekonomicheskie i sotsial'nye strategii* [Middle classes in Russia: economic and social strategies]. Ed. T. M. Maleva. Moscow, Gandalf, 2003, 506 p. (In Russian)

Mart'yanov V. S. Remodernizatsiya rossiyskogo moderna: teoriya, praktika i/ili ritorika? [Re-modernization of Russian Art Modern: Theory, Practice and/or Rhetoric]. *Neprikosnovenny zapas* [Safe Reserve], 2010, no. 6 (74). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/remodernizatsiya-rossiyskogo-moderna-teoriya-praktika-i-ili-ritorika.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Mogilevskaya A., Feynberg A., Tkachev I. *Neformal'naya ekonomika v Rossii vyroslo do rekordnykh razmerov* [Informal economy in Russia has grown to record sizes]. RBK Channel, 2017, April 17. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/04/2017/58f4b8789a7947c1418ff1af> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Morris J., Polese A. *Informal Economies in Post-Socialist Spaces Practices, Institutions and Networks*. Edited by Jeremy Morris and Abel Polese, 2015, London, ECIN8IS, 2016. URL: https://books.google.ru/books?id=4l8MCgAAQBAJ&pg=PT308&lpg=PT308&dq=Morris+%26+Polese+2015&source=bl&ots=yYFLTEaQ9l&sig=ACfU3U3v0zfWP_xLNvjCQC5-2BMKIZgMMA&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjOtPyB1Z3jAhUjwMQBHR91By4Q6AEwDHoEACkQAQ#v=onepage&q=Morris%20%26%20Polese%202015&f=false (access date: 30.12.2019).

Morris J., Polese A. *The Informal Economy in Global Perspective. Varieties of Governance*. Edited by Abel Polese, Colin C. Williams, Ioana A. Horodnic and Predrag Bejakovic. Palgrave, 2017, pp. 127–130. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&frm=1&source=web&cd=3&ved=2ahUKewiwuJOnpaLjAhUnpYsKHeraA14QFjACegQIAxAC&url=http%3A%2F%2Fsiba-ese.unisalento.it%2Findex.php%2Fidps%2Farticle%2Fdownload%2F19470%2F16960&usq=AOvVaw1iNy0bc_-EljEHLqJ6i4ZG (access date: 30.12.2019).

Nikolaeva M. I., Shevyakov A. Yu. *Tenevaya ekonomika: metody analiza i otsenki. [The shadow economy: methods of analysis and evaluation]*. Moscow, CEMI, 1987, 53 p. (In Russian)

Pokida A. Kogo statistika nazyvaet bednym, a on im ne yavlyatsya? [Whom does Statistics call the Poor, but he is not?] *Komsomolskaya Pravda*, 2017, February 10. URL: <https://www.penza.kp.ru/daily/26790/3825007/> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossii (po rezul'tatam vyborochnykh issledovaniy rabochey sily 2018) [Labor, employment and unemployment in Russia (based on selective labor force studies)]. Moscow, 2018, pp. 95–97, 89–101. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/rab_sila18.pdf (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. *Antropologiya professiy: granitsy zanyatosti v epohu nestabil'nosti* [The anthropology of occupations: the boundaries of employment in an era of instability]. Moscow, Variant, Center for social policy and gender studies, 2012, 236 p. (In Russian)

Ruvinskiy V. Pochemu rastet neformal'naya zanyatost' [Why informal employment is growing]. *Vedomosti*, 2019. March 27. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/03/28/797584-pochemu-rastet> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Safronov A. S. Otkuda v Rossii stol'ko "rabotayushchih bednyh"? [Why does Russia have so many "working poor"?] *Komsomolskaya Pravda*, 2018, February 5. URL: <https://www.penza.kp.ru/daily/26790/3825007/> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Samsonov V. V. Kontseptsiya ekspolyarnykh struktur T. Shanina v issledovaniyakh neformal'noy ekonomiki [The concept of the T. Shanin's expolar structures in the research of the informal economy]. *Ekstropol'nyye tipy sotsial'nogo vzaimodeystviya v sovremennom Rossiyskom obshchestve* [Extropolar types of social interaction in modern Russian society], 2011, Novosibirsk, Ural University, 211 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/ekspolyarnye-tipy-sotsialnogo-vzaimodeystviya-v-sovremennom-rossiiskom-obshchestve> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Shanin T. Ekstropol'nyye struktury i neformalnaya ekonomika sovremennoy rossii. [Expolar structures and the informal economy of modern Russia]. Ed. T. Shanin. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir* [The Informal Economy. Russia and the World]. Moscow, Logos, 1999, 576 p. (In Russian)

Shanin T. Pochemu do sih por ne umer russkiy narod? Ekspolyarnye struktury i neformal'naya ekonomika sovremennoy Rossii [Why is the Russian people still not dead? Expolar structures and the informal economy of modern Russia]. *Ekspert*, 2000, no. 1–2 (213). URL: <https://www.yabloko.ru/Themes/History/Shanin/narod.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Williams C. C. and Horodnic A. V. Explaining informal payments for health services in Central and Eastern Europe: an institutional asymmetry perspective. *Post-Communist Economies*, 2018, no. 30 (4), pp. 440–458. URL: <https://ideas.repec.org/a/taf/poec/v30y2018i4p440-458.html> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. and Schneider F. *Measuring the Global Shadow Economy. The Prevalence of Informal Work and Labour*. Edward Elgar Publishing, UK, 2016. 256 p. URL: <http://opac.hse.ru/absopac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:304681/Source:default> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C., Horodnic I. A. and Wandeband J. Evaluating the Prevalence and Distribution of Envelope Wages in the European Union Lesson from a 2013 Eurobarometer Survey.

Journal of Contemporary European Research, 2015, no. 11 (2), pp. 179–195. URL: <https://www.researchgate.net/publication/278784072> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C., Wandeband J. Evaluating competing theories of informality of informal employment: Some lessons from a 2013 European survey. *International Journal of Business and Globalization*, 2015, no. 15 (1), pp. 45–62. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2883480 (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. and Horodnic I. Tackling the informal sector in East-Central Europe. *Journal of Tax Administration*, 2017, no. 3 (2), pp. 65–86. URL: <https://www.sheffield.ac.uk/management/staff/iahorodnic/iahorodnicpublications> (access date: 30.12.2019).

Williams C. C. Tackling informal employment in developing and transition economies: a critical evaluation of the neo-liberal approach. *International Journal of Business and Globalization, Inderscience Enterprises Ltd.*, 2015, vol. 14 (3), pp. 251–270. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2883462 (access date: 30.12.2019).

Еремичева Галина Васильевна, кандидат философских наук, ведущий сотрудник, зав. сектором социоурбанистики, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия, Санкт-Петербург, 198005, 7-я Красноармейская ул., 25/14.

Eremicheva Galina V., Candidate of Philosophy, Head of the Socio-Urban Department, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg, 198005, 7-ya Krasnoarmeyskaya, 25/14. eremag@mail.ru

Симо Маннила, адъюнкт-профессор Университетов Хельсинки, Турку, ассоциированный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Санкт-Петербург, 198005, 7-я Красноармейская ул., 25/14 simo.mannila@luukku.com Phone +8358407080831

Simo Mannila, Adjunct Professor, Associate of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg, 198005, 7-ya Krasnoarmeyskaya, 25/14. simo.mannila@luukku.com Phone +8358407080831

Е. Н. Лузгина

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНКЕТНОГО ОПРОСА)

В статье представлен анализ трудового поведения работающей молодежи на основе данных проведенного социологического исследования форм, содержания и факторов, влияющих на особенности профессиональных характеристик. Описывается содержание трудового поведения с точки зрения выполнения молодыми работниками должностных обязанностей, а также возможности повышении качества выполняемой работы. Исследование позволило сделать выводы о взаимосвязи трудового поведения и форм занятости работающей молодежи, определить ключевые причины трудоустройства и факторы, влияющие на неудовлетворенность трудовым процессом работающей молодежью Санкт-Петербурга.

Осмысление уровня, характера, факторов и механизмов трудового поведения современной молодежи является актуальным и своевременным. В результате исследования произведен описательный анализ трудового поведения работающей молодежи. Выявлена «точка снижения уровня трудовой активности», как одной из форм проявления трудового поведения, сделан вывод о соотношении форм и уровней трудовой активности молодежи.

Ключевые слова: трудовое поведение, удовлетворенность трудом, работающая молодежь, рынок труда.

LUZGINA ELENA N.

FEATURES OF LABOR BEHAVIOR OF ST. PETERSBURG'S YOUTH (RESULTS OF SURVEY)

The article presents an analysis of the labor behavior of working youth based on the data of a sociological study of the forms, content and factors affecting the characteristics of professional characteristics. The content of labor behavior is described from the point of view of young employees performing their job duties, as well as the possibility of improving the quality of work performed. The study allowed us to draw conclusions about the relationship between labor behavior and forms of employment of working youth, to identify key reasons for employment and factors affecting dissatisfaction with the working process of working youth in St. Petersburg.

Understanding the level, nature, factors and mechanisms of labor behavior of modern youth is relevant and timely. As a result of the study, a descriptive analysis of the labor behavior of working youth was carried out. The “point of decrease in the level of labor activity” is revealed, as one of the forms of manifestation of labor behavior, a conclusion is drawn on the correlation of forms and levels of youth labor activity.

Keywords: labor behavior, job satisfaction, working youth, labor market.

Трудовое поведение молодежи неразрывно связано с понятием трудовой активности, которое является важным фактором профессиональной, трудовой, а, значит, и жизненной успешности.

Произошедшие в последнее время в России политические и экономические перемены, изменение форм собственности, переход от командно-административной системы управления к рыночной, демократизация общественно-политической жизни оказали влияние на трудовое поведение молодежи.

На сегодняшний день на молодежном рынке труда Санкт-Петербурга наблюдается снижение трудовой активности молодежи, которая характеризуется отсутствием эффективных механизмов регулирования социально-трудовых отношений молодежи, незаинтересованностью многих предприятий в приеме молодежи на работу, влиянием отсутствия системы распределения специалистов. В связи с этим можно выделить следующие наметившиеся тенденции: низкий уровень информированности молодежи о востребованных профессиях, наличие значительной разницы в уровне оплаты труда между сферой услуг и производственной сферой, дифференциация между спросом и предложением на рынке труда (Социологический мониторинг трудоустройства выпускников... 2012). В условиях наличия безработицы, низкой заработной платы и недостаточной социальной поддержки возрастает необходимость осуществления системного и комплексного регулирования уровня трудовой активности молодежи Санкт-Петербурга.

В связи с этим на базе Социологической лаборатории Санкт-Петербургского государственного экономического университета в 2017 г. было проведено социологическое исследование, посвященное изучению влияния институциональных механизмов на управление трудовой активностью молодежи на примере Санкт-Петербурга. Целью исследования является социологический анализ трудовой активности молодежи и выявление институциональных механизмов, способствующих повышению уровня трудовой активности молодежи. В качестве

объекта исследования выступает трудовая активность молодежи. Предметом исследования являются институциональные механизмы управления трудовой активностью молодежи.

Для глубинного анализа данной социальной проблемы необходимо оценить реальный уровень управления трудовой активностью молодежи; определить факторы и выявить эффективные институциональные механизмы управления трудовой активностью молодежи. По результатам проведенного эмпирического исследования была поставлена задача разработать практические рекомендации для оптимизации социального управления трудовой активностью молодежи в Санкт-Петербурге.

В социологическом исследовании применялся метод сбора эмпирических данных (анкетирование) и методы описательной статистики. Для оперативного сбора информации предпочтение отдавалось стихийной выборке, репрезентативность которой обеспечивалась квотированием совокупности пропорционально количеству работающей молодежи на предприятиях Санкт-Петербурга.

В рамках настоящего исследования была изучена работающая молодежь в возрасте 26–30 лет, так называемая «старшая молодежь» (Лисовский 2003), так как у данной категории сформированы жизненные и трудовые ценности, имеется достаточный опыт трудовой деятельности для анализа управления трудовой активностью. Исследование именно данной возрастной категории молодежи наиболее достоверно отражает процесс управления трудовой активностью, описывает основные институциональные механизмы, влияющие на него. Выборочная совокупность составила 1100 респондентов при обеспечении структурного соответствия трудовым сферам по видам экономической деятельности в Санкт-Петербурге: промышленность, строительство, торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь, финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, государственное управление, образование и наука, здравоохранение, предоставление коммунальных, социальных и персональных услуг.

Факторы, уровень и содержание трудового поведения молодежи анализировались нами на основе теоретических разработок российских ученых, таких как Э. А. Лутохина (Лутохина 1992), Ю. Е. Волков (Волков 1974), М. А. Нугаев (Нугаев 1975), Э. П. Мариненко (Мариненко 1974), исследовавших социальную значимость трудовой активности, как одного из аспектов трудового поведения молодежи.

Большой вклад в анализ стимулирования трудовой активности внесли такие ученые, как В. А. Ядов, Л. С. Бляхман, О. И. Шкаратан.

Ключевое значение имела монография «Человек и его работа» (1967). Вопросами мотивации и организации труда активно занимались Л. А. Гордон (Гордон 2011), Г. В. Осипов (Осипов 2004), Ж. Т. Тощенко (Тощенко 2005).

Новые социально-экономические условия нацеливают молодежь на активное поведение в трудовой сфере, на самостоятельность, ответственность, инициативу, способность гибко реагировать на быстро меняющуюся ситуацию.

Существуют различные формы проявления трудовой активности молодежи с высокой эффективностью труда, появившиеся в результате совершенствования умений и навыков в применении инновационных подходов к выполнению функциональных обязанностей.

Формы трудовой активности можно выявить при анализе характера работы, наиболее предпочтительной для молодежи. Молодежь с активной трудовой позицией характеризуется в большей степени соблюдением трудовой дисциплины — 57,9%, важными аспектами также являются повышение квалификации — 56,3% и самостоятельность в выполнении должностных обязанностей — 43,7%.

Занимаемая должность оказывает непосредственное значение на различные формы трудовой активности. Для руководителя организации и предпринимателя и менеджера подразделения формы трудовой активности имеют сходство с позиций инновационной активности, готовности к риску, участия в управлении производством (см. табл. 1). В следующую группу по сходству форм трудовой активности можно отнести работников государственной структуры, местных органов власти и специалистов с высшим образованием. Это сходство проявляется в участии в повышении качества работы, повышении квалификации, самостоятельности в выполнении должностных обязанностей. Для специалистов со средним специальным образованием, специалистов, выполняющих работу, не требующую среднего или высшего образования, а также для рабочих характерны следующие формы трудовой активности: выполнение планов, заданий, соблюдение трудовой дисциплины, наличие желания добиваться лучших результатов.

Отношение к труду характеризует стремление (или отсутствие его) человека максимально проявлять свои физические и духовные силы, использовать свои знания и опыт, способности для достижения определенных количественных и качественных результатов. Оно проявляется в поведении, мотивации и оценке труда.

Таблица 1

Соотношение форм занятости и форм трудовой активности

Индивидуальный предприниматель / самозанятый	• Инновационная активность; • Наличие желания добиваться лучших результатов; • Готовность к риску
На основе трудового договора (служебного контракта) на неопределенный срок	• Соблюдение трудовой дисциплины; • Повышение квалификации; • Участие в повышении качества работы
На основе трудового договора (служебного контракта) на определенный срок	• Выполнение планов, заданий; • Соблюдение трудовой дисциплины; • Самостоятельность в выполнении должностных обязанностей
На основе устной договоренности без оформления документов	• Инновационная активность; • Готовность к риску; • Самостоятельность в выполнении должностных обязанностей
Совмещение нескольких видов трудовой деятельности	• Выполнение планов, заданий; • Наличие желания добиваться лучших результатов; • Участие в повышении качества работы

Существенное влияние на социальное управление трудовой активностью оказывает форма занятости молодого специалиста. Форма занятости отражает деятельность человека, направленную на реализацию своих профессиональных знаний, умений и навыков с целью удовлетворения своих потребностей, не противоречащую законодательству и приносящую заработок.

Среди респондентов были представленные следующие формы трудовой занятости: на основе трудового договора (служебного контракта) на неопределенный срок — 51,2%, на основе трудового договора (служебного контракта) на определенный срок — 25,9%, на основе устной договоренности без оформления документов — 13,5%, совмещение нескольких видов трудовой деятельности — 5,1%, индивидуальный предприниматель/самозанятость — 4,4%.

Стоит отметить, что с опытом работы появляется стремление получить социальные гарантии. Наибольшее количество респондентов, работающих на основе трудового договора на неопределенный срок, трудятся в компании от 6 до 8 лет — 49%, более 9 лет — 35% опрошенных. Устную договоренность с работодателем или на основе трудового договора на неопределенных срок чаще всего имели респонденты без опыта работы.

На трудовую активность молодежи влияет множество условий и факторов, поэтому необходимо изучать их комплексно, с учетом всех ключевых факторов, воздействующих на молодое поколение как в рамках организации, так и вне ее.

Трудовые ценности молодых работников

Прежде всего, содержание трудового поведения молодежи определяется трудовыми ценностями. Приступая к анализу трудовых ценностей, следует отметить, что для молодых специалистов одинаково важным являются хороший заработок (63,1%) и возможность продвижения по карьерной лестнице (62,9%).

Респонденты отмечают, что наиболее ценными в работе являются: соответствие работы способностям — 59,4%, возможность чего-то достичь — 45,6%, отсутствие чрезмерного давления — 33,7%, удобное время работы — 30,9%.

Должность является важным аспектом анализа трудовых ценностей молодых работников. Для руководителей наиболее важным представляется наличие хорошего заработка (90%), предприниматели отмечают важность наличия инициативы (83,1%), стабильность рабочего места наиболее важна для работников государственного и муниципального управления (78,7%), для менеджеров подразделений существенной трудовой ценностью является возможность продвижения (79,5%). Соответствие работы способностям выделили респонденты с высшим образованием (65,8%). Для специалистов со средним специальным образованием и для рабочих важна возможность чего-то достичь (68,3%).

Для молодых специалистов характерен комплексный подход к трудовым ценностям, совмещающий как ценности материального характера, так и профессиональной самореализации, карьеры и т.п., с преобладанием первых. Тип трудовых ценностей, характерный для современной российской молодежи, определяет положение данной социальной группы

на рынке труда, а также привлекательность для работодателей приема на работу представителей данной возрастной группы.

Наименее важными аспектами в трудовой деятельности молодые специалисты отмечали следующее: хорошие товарищи по работе — 37,6%, удобное время работы — 25,8%, полезность для общества — 18,5%.

В целях выявления наиболее значимых трудовых ценностей молодых специалистов они были сгруппированы следующим образом:

1. Базовые профессиональные трудовые ценности. В эту группу вошли наименее значимые для работающей молодежи ценности: хорошие товарищи по работе, интересная работа, полезность для общества.

2. Развивающие профессиональные трудовые ценности. Включает отсутствие чрезмерного давления, удобное время работы, возможность инициативы, а также надежное место работы.

3. Поддерживающие уровень профессионализма трудовые ценности — ценности достижения высокого общественного положения. К ним относятся: хороший заработок, соответствие работы способностям, возможность продвижения, возможность чего-то достичь.

Следует отметить специфические особенности структуры трудовых ценностей представителей работающей молодежи. Доминирование непрофессионально ориентированных трудовых ценностей над профессиональными может стать предпосылкой для возникновения сложностей при дальнейшем профессиональном становлении личности. При этом можно предположить, что чем более долгий период времени непрофессионально ориентированные трудовые ценности являются доминирующими в структуре ценностей, тем с большими сложностями могут столкнуться при трудовой социализации и адаптации молодые специалисты.

С опытом меняется отношение к работе, а соответственно меняется и трудовая активность молодых специалистов. В выборочной совокупности представлены следующие группы по продолжительности работы в данной должности: от 3 до 5 лет — 31,4%, от 7 месяцев до 2 лет — 28,4%, от 6 лет до 8 лет 20,1%. Мини-максные группы таковы: менее 6 месяцев — 10,1%, от 9 лет и более — 10,1%. Молодые работники используют данную работу как начало для старта карьеры, и период профессиональной деятельности соотносится с возрастом респондента: чем моложе работник, тем соответственно меньше работает в данной должности.

Причины трудоустройства молодежи

Причины трудоустройства молодых работников оказывают влияние на систему управления трудовой активностью молодежи, так как решающие факторы при выборе работы являются важными стимулирующими элементами. Согласно результатам проведенного исследования в качестве наиболее значимых преимуществ трудовой деятельности респонденты назвали высокую зарплату (23,9%); гарантии стабильности предприятия и занятости на нем (16%). Так что в период экономического кризиса и нестабильной ситуации существенным фактором является надежность предприятия, дающая уверенность в завтрашнем дне.

Также респонденты отметили такие преимущества работы, как удобный рабочий график (13,1%), перспективы карьерного роста (11,9%), престижная компания (10,5%), повышение профессионального и квалификационного уровня (7,1%), нетребовательное начальство (5,8%).

При выборе места работы решающей причиной, помимо высокой зарплаты, для мужчин является перспектива карьерного роста (14,9%), а для женщин — гарантия стабильности предприятия и занятости на нем (19%).

Уровень образования и профессиональной подготовки является определяющим в обеспечении трудоустройства молодежи. Образование и профессиональная подготовка дает молодому человеку квалификацию, развивает деловые навыки, восприимчивость к научным идеям и техническим инновациям, повышая таким образом его трудовую активность. Наиболее полное соответствие выбранной работы и профессиональных предпочтений у молодых работников напрямую влияет на повышение их трудовой активности.

Не всегда найденная работа удовлетворяет потребностям молодежи, что приводит к снижению трудовой активности. Основной причиной неудовлетворенности местом работы является удаленность работы от дома (29%). В условиях большого города время, затраченное на то, чтобы добраться на работу, существенно при выборе места работы. Помимо этого респонденты называют такие причины, как работа не по специальности (14,6%), плохой стиль работы руководителя (14,1%), нарушение трудовых норм (12,5%), выполняемая работа монотонная и скучная (8,1%). Только 5,9% респондентов отметили материальный фактор, указав на низкую зарплату.

Анализируя причины неудовлетворенности работой, можно сгруппировать их в три группы: условия работы, руководство/коллектив, внешние факторы (см. табл. 2).

Таблица 2

Причины неудовлетворенности работой

Причины неудовлетворенности работой	
Условия работы	Неблагоприятные санитарно-гигиенические условия
	Физическое переутомление
	Отсутствие достаточной социальной защищенности
	Низкая зарплата
	Отсутствие возможности самостоятельного принятия решений
	Удаленность работы от дома
Руководство / коллектив	Неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе
	Конфликтные ситуации с руководством
	Плохой стиль работы руководителя
Профессиональные факторы	Работа не по специальности
	Нарушение трудовых норм
	Работа не носит творческий характер
	Выполняемая работа монотонная и скучная

Чаще всего недовольны различными аспектами работы респонденты, которые работают от 3 до 5 лет — 31,4%. Приграничные значения имеют средний уровень напряженности: от 7 месяцев до 2 лет — 28,4%, от 6 лет до 8 лет — 20,1%. В начале работы и с получением опыта уровень неудовлетворенности трудом находится на достаточно низком уровне: менее 6 месяцев — 10,1%, более 9 лет — также 10,1%.

Таким образом, можно выделить определенный критический период, так называемую «точку снижения трудовой активности». Именно в этот момент работодателю необходимо применить ряд мотивационных мер для повышения уровня трудовой активности работников молодого возраста. Если не будет произведен ряд мер по улучшению социально-экономических условий трудовой деятельности, начнет снижение уровня трудовой активности, которое может привести к увольнению работника.

Что касается гендерных различий, то чаще всего оказываются неудовлетворенными работой женщины (61,3%), в отличие от мужчин (38,7%). Женщины, в силу своей эмоциональности, более тонко чувствуют обстановку в коллективе и социально-бытовые условия работы.

Имея личную заинтересованность, индивид подстраивается к окружающим ее условиям и полностью адаптировавшись, начинает перенимать правила поведения и работы в организации, переходя на новые уровни функционирования в организации. Успешный результат данного процесса является залогом повышения уровня трудовой активности.

Молодежь, включенная в процесс изменения качественных характеристик трудовой активности, испытывает состояние неопределенности и дискомфорта. Сложность трансформации трудовой активности заключается в том, что в данном процессе происходит изменение мировоззрения личности, ее отношения к труду, имеет место факт управления новым типом профессионально-трудовой самореализации.

Существенными аспектами, при повышении трудовой активности, выступают социальные и правовые институциональные механизмы.

Рассмотренные позиции респондентов отразились на их оценках устойчивости настоящих мест работы. В этом отношении, согласно самооценкам, выделяются три группы опрошенных:

1. Устойчивая:

- «работа вполне устраивает, переходить не собираюсь» — 5,6%,
- «настоящая работа меня в основном устраивает, о переходе не думал (а)» — 12,3%.

2. Относительно устойчивая:

- хотел (а) бы перейти, да некуда — 45,5%. Эта преобладающая группа составляет практически половину опрошенных.

3. Крайне неустойчивая:

- «при первой благоприятной возможности обязательно перейду» — 5,2%.

Не дали ответа на данный вопрос 31,4% опрошенных — те, кто недавно работает в организации.

Еще одной существенной причиной смены работы является неудовлетворенность условиями труда. Причем работники с начальным образованием, а также со средним профессиональным образованием указывают эту причину реже, а специалисты с высшим образованием чаще.

Во многих случаях негативные оценки являются следствием значительных отклонений от норм по санитарно-гигиеническим и психофизиологическим элементам условий труда, низкого уровня социально-бытовых условий в организации. Очень часто причиной неудовлетворенностью работой называют несоблюдение работодателем Трудового кодекса, особенно не предусмотренные контрактом сверхурочные работы, которые лишают работника полноценного отдыха и отрицательно сказываются на его здоровье. Также работников не устраивают постоянно возникающие кризисные условия, среди которых были указаны неоплачиваемый отпуск, задержка заработной платы, игнорирование предусмотренных законами социальных льгот и гарантий.

Многие молодые работники отмечают напряженные или конфликтные взаимоотношения с руководством предприятия или коллегами. Эта причина наиболее характерна для молодых работников с начальным профессиональным и незаконченным высшим образованием. Данная причина менее значима для респондентов широкого образовательного диапазона, некоторое повышение ее весомости выявлено только в группе лиц с высшим образованием. И в то же время работники с высоким уровнем образования чаще недовольны работой в связи с переменой места жительства, что свидетельствует о более высоком уровне мобильности данной категории занятых, которая проявляется в готовности и способности учиться, повышать квалификацию, перенимать новое, сменить в случае необходимости профессию или специальность, род деятельности, место работы и даже место жительства и привычный образ жизни.

Образовательные планы стали важным мотивом снижения уровня занятости среди молодежи. Этот вывод хорошо иллюстрирует резкое сокращение доли лиц, которые прекратили работу для того, чтобы продолжить обучение, в когортах респондентов со средним и незаконченным высшим образованием.

Факторы удовлетворенности трудом

Для определения условий и факторов трудовой активности необходимо выявить удовлетворенность респондентов своей работой. Респонденты представлены в равной степени теми, кто в той или иной степени удовлетворен и неудовлетворен своим трудом: скорее удовлетворен(а), чем не удовлетворен(а) (38,6%) и скорее не удовлетворен(а), чем удовлетворен(а) (32,2%). Респондентов, полностью

удовлетворенных своим трудом, 10%, и это означает, что их основные потребности удовлетворены. Но 15,2% респондентов высказали крайнюю степень неудовлетворенности работой, которая зависит от объективных и субъективных факторов.

Среди опрошенных удовлетворены условиями труда занятые в промышленности (27,3%), государственном управлении (18,2%), финансовом секторе (14,5%). Большая степень удовлетворенности молодых работников именно этих сфер трудовой деятельности по-видимому объясняется тем, что эти организации отличаются надежностью и стабильностью, а также более высокой заработной платой и социальными гарантиями.

Выше удовлетворенность своей работой тех, кто работает на основе трудового договора на неопределенный срок (50,9%), так как в таких условиях молодой человек чувствует себя защищенно и уверенно, тем самым повышается трудовая активность молодежи.

Удовлетворены условиями труда те респонденты, которые уже получили первичный опыт работы в организации от 7 месяцев до 2 лет — 23,6%, а также те, кто давно работает в данной организации — от 9 лет и более (24,5%).

По уровню образования больше удовлетворенных работой респондентов с высшим образованием (43,6%). Это может объясняться лучшими условиями, создаваемыми на предприятиях для высококвалифицированных работников.

Тем не менее полностью удовлетворенных довольно мало. Больше всего удовлетворены следующими сторонами работы: режим работы (16,2%) и взаимоотношения в коллективе (15,3%). Помимо этого, молодые работники удовлетворены предоставленными социальными льготами и гарантиями (12,5%), уровнем технической оснащенности (12,2%), самостоятельностью в работе (9,9%), стилем и методами руководителя (7,8%).

Помимо факторов и характеристик, влияющих на трудовое поведение молодежи, важным моментом представляется выявление причин, затрудняющих поиск молодежью места работы.

Ключевыми проблемами, с которыми сталкивается молодежь на рынке труда, были названы следующие: не хватает информации о рынке труда, способах поиска работы (54,4%), везде требуется опыт работы (51,4%), предлагают низкую заработную плату (51%), отсутствие навыков делового общения, ведения переговоров, неуверенность.

По результатам проведенного социологического исследования группа социально-экономических факторов выдвинулась на первое место.

Это связано с тем, что трудовое поведение отражает степень участия работника в трудовом процессе, является реализацией его отношения к труду, что в большей мере определяется теми социальными условиями, в которых проходит жизнедеятельность молодых специалистов. Работа является источником жизненных средств. Это определяет огромное значение личных стимулов труда, личной материальной заинтересованности в улучшении результатов труда, обеспечивающих удовлетворение материальных и духовных потребностей молодежи. Для определенной части работников удовлетворенность заработной платой выступает главным фактором удовлетворения от работы. Поэтому личная материальная заинтересованность выступает важным фактором трудовой активности молодежи.

Исходя из понимания важности и содержания факторов, влияющих на трудовое поведение, представляется необходимым объединить их в четыре группы: социально-экономические, организационно-технические, социально-психологические и субъективные факторы (см. табл. 3).

Таблица 3

**Соотношение факторов и путей повышения
трудовой активности молодежи**

Факторы повышения трудовой активности молодежи	Пути повышения трудовой активности молодежи
Социально- экономические	Совершенствование путей воспроизводства рабочей, создание эффективной и прозрачной системы оплаты труда, возможность получения премий и дополнительного заработка на предприятии, средствам участия в проектах.
Организационно- технические	Повышение технического уровня труда, изменение содержания труда, внедрение прогрессивных форм организации труда, укрепление условий труда, организована развозка работников до места работы.
Социально- психологические	Оздоровление морально-психологического климата, изменение мотивов труда, повышение престижности профессии, совершенствование форм и методов рабочего процесса.
Субъективные	Эффективный подбор персонала в соответствии индивидуальным особенностям работника и должностным обязанностям.

Повышение уровня трудовой активности молодых работников, как одного из аспектов трудового поведения, имеет существенное значение в последующем улучшении социального и экономического положения, как на микроуровне — организациях, предприятиях, так и на макроуровне — регионе и стране в целом.

Для создания благоприятных условий, в которых трудовое поведение будет активным, необходим целый комплекс мер, также важна слаженная и взаимосвязанная работа всех социальных институтов молодежного рынка труда. Прежде всего, требуется объединение усилий всех уровней образования, начиная с общего и уровней профессионального образования, а также государственных служб, которые занимаются содействием занятости и трудоустройства, общественных организаций и молодежных объединений.

Выводы

Эффективное управление трудовой активностью молодежи играет значимую роль в дальнейшем улучшении социально-экономического положения, как на микроуровне — предприятиях, организациях, так и на макроуровне — регионе и стране в целом.

Для повышения уровня трудовой активности молодежи требуется объединение усилий общего и профессионального образования, государственных служб, занимающихся проблемами занятости и трудоустройства, а также общественных организаций и объединений.

Как показало исследование, в Санкт-Петербурге существуют только «двойные спирали»: государство — государственный сектор науки; государство — сырьевые отрасли промышленности; государство — остальной бизнес; наука — бизнес. Причем государство является участником каждой из них. Но из-за изменений в структуре экономики и общества в России государство уже не может играть доминирующую роль в инновационном развитии. Сами государственные институты сегодня часто нефункциональны и не соответствуют ускоряющемуся темпу, которого требует экономика.

В плане рекомендации по оптимизации трудового процесса молодежи в целях достижения максимально эффективной трудовой деятельности считаем первостепенным сосредоточить усилия на следующих направлениях.

На молодежь следует воздействовать в максимально ранние сроки, еще во время обучения в школе. Данные рекомендации направлены в адрес государственных институтов регулирования рынка труда

(государственная молодежная политика, трудовое законодательство, трудовая инспекция), которые являются важнейшими агентами в процессе управления трудовой активностью молодежи. Именно они задают основные направления взаимодействия, в том числе и на законодательном уровне. Предлагается проводить следующие мероприятия:

- закрепить в нормативно-правовых документах определение «молодого специалиста»;
- обеспечить меры материальной поддержки для молодых специалистов с первичным трудоустройством по всем направлениям специальностей;
- разработать меры поддержки работодателей, которые берут на работу молодых специалистов;
- разработать совместно с предприятиями и учебными заведениями программу эффективной адаптации молодых специалистов, включая развитие новых направлений наставничества;
- проводить профориентационные мероприятия в образовательных учреждениях при участии организаций и предприятий;
- осуществлять мониторинг дефицитных профессий на рынке труда.

Для создания эффективной системы управления трудовой активностью молодежи необходимо грамотное взаимодействие с работодателями. Проведенное исследование позволило сформулировать некоторые рекомендации, по формированию среды для сознательного, заинтересованного, инициативного труда молодых работников. Для этого необходимо:

- определять профессиональные интересы и потребности молодых работников и применять их в трудовой деятельности, соответствующей данным потребностям и интересам, одновременно создавая условия для проявления самостоятельности и творческого подхода;
- соотносить характер и содержание предлагаемой работы с профессионально-образовательным уровнем молодежи и не использовать персонал с высоким уровнем образования и квалификацией при выполнении работы, не требующей такого образовательного уровня;
- обеспечивать справедливую оценку вклада молодых работников и соответственное вознаграждение. Информировать молодежь о значимости ее трудового вклада в итоговый результат деятельности организации.

Развитие трудовой активности работающей молодежи — это сложный и многоплановый процесс, протекающий под воздействием целой системы взаимосвязанных факторов как субъективного, так и объективного характера. Повышение уровня трудовой активности работающей молодежи требует слаженной работы социальных институтов рынка труда.

Подводя итог, можно отметить, что в настоящее время в Санкт-Петербурге существует потребность в создании, развитии и совершенствовании социально-экономических, правовых, а также создании организационных условий для профессиональной самореализации и трудоустройства молодежи. Важной проблемой молодежного рынка труда является низкая эффективность системы социального партнерства. На сегодняшний день имеются все необходимые предпосылки для формирования социального партнерства в России, но существенным препятствием для его успешного развития и функционирования выступают слаженные действия органов управления. Отсутствие на молодежном рынке труда эффективных институтов вызывает необходимость формирования рынка услуг по содействию занятости — оказание трансакционных услуг (коммерческие организации трудового посредничества); становления социальных институтов, направленных на компенсацию недостатков молодежного рынка в сфере труда (страхование по безработице, служба занятости); трансформации профсоюзов в институт переговоров об условиях трудового контракта, заработной платы и занятости. Необходимо создание эффективных механизмов взаимодействия социальных институтов рынка труда, нацеленных на повышение уровня трудовой активности молодых специалистов.

Источники

Волков Ю. Е. Социально-политическая активность масс в развитом социалистическом обществе // Социологические исследования. 1974. № 2. С. 4–10.

Гордон Л. А. Потери и обретения в России девяностых. Т. 2: Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов // Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 511 с.

Лисовский В. Т. Молодежь: Любовь, брак, семья: социологическое исследование / Отв. ред. А. А. Козлов. СПб.: Наука, 2003. 367 с.

Лутوخина Э. А. Трудовая активность и заработная плата / Под ред. Г. П. Никитенко. Минск: Наука и техника, 1992. 199 с.

Мариненко Э. П. Трудовая активность молодежи — важный фактор ускорения социально-экономического развития страны. М., 1987. 86 с.

Нугаев М. А. Трудовая активность рабочего класса развитого социалистического общества // Теоретико-методологический аспект. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. 293 с.

Осипов Г. В. Российская социология в XXI веке // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 3–15.

Социологический мониторинг трудоустройства выпускников Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики: Коллективная монография / Под ред. д. с. н., проф. Р. А. Костина, к. с. н., доц. Е. В. Шишкиной. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2012. 322 с.

Тощенко Ж. Т. Социология труда: опыт нового прочтения. М.: Мысль, 2005. 333 с.

Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А. Г. Здравомыслова и др. М.: Мысль, 1967. 392 с.

References

Volkov Yu. E. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' mass v razvitom sotsialisticheskom obshchestve [Social and political activity of the masses in a developed socialist society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1974, no. 2, pp. 4–10. (In Russian)

Gordon. L. A., Klopov E. V. Poteri i obreteniya v Rossii devyanostyh. Vol. 2. Menyayushchayasya zhizn' v menyayushcheysya strane: zanyatost', zarabotki, potreblenie [Losses and finding in Russia in the nineties. Vol. 2. Changing life in a changing country: employment, earnings, consumption]. Moscow, Editorial URSS, 2001, 511 p. (In Russian)

Lisovskiy V. T. *Molodezh': Lyubov', brak, sem'ya: sotsiologicheskoe issledovanie* [Youth: Love, marriage, family: Sociological research]. Edit by A. A. Kozlov. Saint Petersburg, Science, 2003, 367 p. (In Russian)

Lutohina E. A. *Trudovaya aktivnost' i zarabotnaya plata* [Labor activity and wages]. Edit by G. P. Nikitenko. Minsk, Science and Technology, 1992, 199 p. (In Russian)

Marinenko E. P. *Trudovaya aktivnost' molodezhi — vazhnyy faktor uskoreniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany* [Youth labor activity is an important factor in accelerating the country's socio-economic development]. Moscow, 1987, 86 p. (In Russian)

Nugaev M. A. *Trudovaya aktivnost' rabocheho klassa razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva* [Labor activity of the working class of a developed socialist society]. *Teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Theoretical and methodological aspect]. Kazan, Kazan University, 1975, 293 p. (In Russian)

Osipov G. V. *Rossiyskaya sotsiologiya v XXI veke* [Russian sociology in the 21st century]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2004, no. 3, pp. 3–15. (In Russian)

Sotsiologicheskii monitoring trudoustroystva vypusnikov Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta servisa i ekonomiki: Kollektivnaya monografiya [Sociological monitoring of the employment of graduates of the St. Petersburg State University of

Service and Economics: Collective monograph]. Edit by doctor of technical sciences, prof. R. A. Kostina and Ph. D., Assoc. E. V. Shishkina. Saint Petersburg, Publishing House Higher School of Economics, 2012, 322 p. (In Russian)

Toshchenko Zh. T. *Sotsiologiya truda: opyt novogo prochteniya* [*Sociology of labor: experience of new reading*]. Moscow, Mysl, 2005, 333 p. (In Russian)

Chelovek i ego rabota: sotsiologicheskoe issledovanie [*Man and his work: a sociological study*]. Ed. A. G. Zdravomyslova etc. Moscow, Mysl, 1967, 392 p. (In Russian)

Лузгина Елена Николаевна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры «Социология и социальная работа» ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

Luzgina Elena N., Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Work, Petrozavodsk State University.
luzgina.e.n@gmail.com

А. Л. Темницкий

ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТРУДОВОГО ПОВЕДЕНИЯ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Трудовое поведение может исследоваться с применением различных теорий и моделей. В условиях стабильных обществ адекватными моделями исследования трудового поведения могут быть структурно-функциональный подход, модели социального механизма. В трансформирующихся обществах, к которым относится Россия, являются актуальными те модели, которые учитывают противоречивое столкновение традиций и инноваций, прозападных и просоветских ценностных ориентаций в сфере труда. Социокультурная модель, в которой культура рассматривается как способ реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций работников, а социальное отражает объективные условия, рамки, границы, структуру в целом, может рассматриваться как одна из наиболее перспективных в исследованиях трудового поведения работников в трансформирующемся российском обществе. Социологические исследования, проведенные с использованием социокультурной модели, позволяют утверждать о дефиците таких важных характеристик трудового поведения, как уверенность в занятости, самостоятельности в работе, терминального отношения к труду.

Ключевые слова: трудовое поведение, структурно-функциональный подход, социокультурная модель, самостоятельность в работе, терминальное и инструментальное отношение к труду, уверенность на рынке труда, наемные работники.

TEMNITSKIY ALEKSANDR L.

THE POTENTIAL OF THE SOCIO-CULTURAL MODEL IN STUDIES OF THE LABOR BEHAVIOR OF HIRED WORKERS IN MODERN RUSSIA

Labor behavior may be investigated using different theories and models. The structural and functional approach may be adequately used as models for study of labor behavior in conditions of stable societies. In transforming societies to which Russia belongs, those models that take into account the contradictory clash of traditions and innovations, pro-Western and pro-Soviet value orientations in the sphere of labor are relevant. A socio-cultural model in which culture is viewed as a way to implement subjective ideas, thoughts, abilities, and intentions of workers, while the social one reflects objective conditions, frameworks, boundaries, structure

as a whole, can be considered as one of the most promising in studies of labor behavior of workers in the transforming Russian society. Sociological studies conducted using the socio-cultural model suggest the lack of such important characteristics of labor behavior as confidence in employment, work independence, terminal oriented attitudes towards labor.

Keywords: labor behavior, structural-functional approach, socio-cultural model, work independence, terminal and instrumental attitude to work, confidence in the labor market, employees.

Обращение к трудовому поведению как объекту исследования предполагает уточнение его содержания, выявление социокультурного контекста реализации. Исследование трудового поведения уже не может замыкаться только уровнем предприятия, состоять из выявления и соотношения элементов, задаваемых с одной стороны требованиями рабочего места, а с другой — работника. Трудовое поведение в современных условиях не замыкается рамками организации. Оно может осуществляться как на условиях самозанятости, так и удаленной занятости по отношению к организации, с которой заключается трудовой договор. При этом было бы неверным рассматривать занятость работника вне организации как признак маргинальности или отклонения от нормы. Не может рассматриваться как отклоняющееся от нормы то, что составляет размеры, соотносимые с учитываемой занятостью¹. Тренд на отдаление работника от организации задается вступающей в силу постмодернистской реальностью с ее базовыми чертами неопределенности и непредсказуемости, когда разрушаются традиционные представления о порядке и хаосе, нарушается целостность традиционного линейного развития (Кравченко 2010: 12). Традиционный наемный труд с занятостью в организации, долгосрочными обязательствами и регулярной выплатой заработной платы ставится под сомнение. Современный работник скорее будет выполнять собственные задачи, выбирая гибкий график и удаленную работу (Кастель 2009: 465). В этой связи было бы чрезвычайно узким сводить трудовое поведение как в «основном рационально реализуемому комплексу действий и поступков работника, связанных с синхронизацией его профессиональных возможностей и интересов с функциональным алгоритмом производственного процесса» (Верховин 2003: 13).

¹ В апреле 2013 г. на XIV Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» вице-премьер РФ Ольга Голодец заявила, что 38 млн трудоспособных россиян непонятно где заняты, чем заняты, как заняты.

Подход, в котором уточняются, с одной стороны, требования, исходящие от организации, рабочего места, с другой, идущие от работника, его статусно-ролевых характеристик и квалификационных характеристик, профессиональных способностей, ценностно-нормативных установок, культурологических характеристик, мы называем структурно-функциональным. Причем роль определяющего фактора здесь выполняют предписания, идущие от организации. Именно технологические, экономические, организационно-управленческие, функциональные и социальные стандарты задают вектор поведению работника в организации. К числу ведущих исследовательских вопросов, вытекающих из структурно-функционального подхода к изучению трудового поведения, можно отнести вопрос о повышении уровня ответственности работника за предприятие². Предполагается, что на основе повышения идентификации работника с предприятием снижается дистанция между личностными притязаниями работника и требованиями рабочего места, тем самым облегчаются задачи менеджмента. Результаты поиска управляемых факторов могут стать основой для разработки управленческих решений с целью изменения трудового поведения работников (Татарова, Бессокирная 2015: 30). Между тем замечено, что высокий уровень идентификации работника с организационными целями, преданность собственной креативной идентичности зачастую становятся объектом эксплуатации и приводят к формированию культуры бесплатной работы в креативных индустриях (Слободская 2018: 56).

Позволяют ли исследования проблем идентификации работника с предприятием и других вопросов, связанных с практическим воплощением структурно-функционального подхода к трудовому поведению, раскрыть содержание и особенности поведения наемных работников в условиях современного трансформирующегося общества, в условиях, когда сменились и продолжают меняться и внешний характер, и внутреннее содержание трудового поведения?

Представляется, что использование положений структурно функционального подхода можно конструктивно использовать применительно к условиям стабильно функционирующего предприятия, когда влияние внешних по отношению к нему факторов либо строго контролируется централизованной властью (ситуация плановой экономики),

² Понятия «организация» и «предприятие» мы рассматриваем в данном случае как тождественные.

либо настолько прозрачно, что легко поддается учету и контролю со стороны самого предприятия (ситуация цивилизованного рынка). Не та, не другая ситуация не являются характерными для деловых организаций современной России.

В нашем понимании главным инициатором и носителем трудового поведения выступает работник, а не организация. Работать в организации или самостоятельно, ориентироваться на занятость в бюджетных организациях или на частных, работать на одну полную ставку по основной работе или искать другую дополнительную работу и приработки, работать по своей профессии и стараться не менять рабочие места, организацию или проявлять трудовую и профессиональную мобильность — такого рода дилеммы сейчас ставятся и решаются преимущественно самим работником с учетом его представлений о критериях личного и семейного материального благополучия и складывающейся ситуации на рынке труда.

Трудовое поведение следует рассматривать как вид экономического поведения, в котором выделяется самостоятельная роль оплачиваемого труда на условиях найма либо самозанятости и исключаются из анализа его другие формы: финансово-сберегательное, инвестиционное, рентоориентированное и т.п. Исходя из этого, можно дать рабочее определение трудовому поведению, понимая под ним осуществление и отношение работника к различным видам оплачиваемой работы как на предприятиях, так и помимо них, совершаемых на условиях найма к юридическим и частным лицам, как фиксируемого, так и устного, а также труд на условиях самозанятости и мелкого предпринимательства, исключая наем других лиц. Все дополнительные уточнения трудового поведения основываются на данном определении и предполагают, что в его содержание нельзя включать протестные формы активности работника, поведение безработных по поиску работы, поскольку в них нет оплачиваемого труда.

Предполагается, что в современных условиях является актуальным рассмотрение трудового поведения с учетом складывающегося социально-политического и социокультурного контекста. Содержание и направленность трудового поведения косвенно задается обострением геополитических отношений между Россией и Западом, которые отражаются в практиках управления и поведения на микроуровне повседневной трудовой жизни. Принципиально может быть поставлен вопрос: успех в модернизации вполне возможен

посредством усиления авторитарной власти, исторически естественной для российского общества, и как следствие работнику не надо проявлять излишней самостоятельности в трудовом поведении, надо довольствоваться небольшой, но стабильной зарплатой, проявлять преданность своему предприятию, руководству? Или же модернизация невозможна без демонстрации со стороны работника готовности к самостоятельному, инициативному поведению, мобильности на рынке труда? Двойственная постановка таких и подобных вопросов адекватна социокультурной модели, которая в отличие от структурно-функционального подхода заведомо имеет более сложный характер. Важнейшим принципом, включенным в механизм социокультурности, является принцип двойственности. Социокультурное как категория всегда предполагает и напряжение, и соотносимость социального культурного. Культура здесь рассматривается как способ реализации субъективных представлений, мыслей, способностей, интенций работников, а социальное отражает объективные условия, рамки, границы, структуру в целом (Темницкий 2011а). Особенностью социокультурной модели являются указания на первостепенную роль наемного работника, самостоятельно составляющего ценностные приоритеты, выстраивающего стратегии трудового поведения, а не исполнительски реагирующего на управляющие воздействия и рамочные условия трудовой деятельности. Социокультурный подход, на наш взгляд, может рассматриваться как один из наиболее перспективных подходов в исследованиях трудового поведения и трудовой культуры наемных работников. В нем не делается выбор в пользу преимуществ западного или просоветского, традиционного или инновационного.

Такой подход получил отчетливое выражение в публикациях в разгар осуществления рыночных реформ (середина 1990-х). В нем за основу берутся ценностные аспекты труда и неформальные нормы, характеризующие противоречивое взаимодействие старого (советского) и нового (постсоветского) или традиционного и рыночного (инновационного) в трудовых отношениях на предприятиях и трудовом поведении. В исследованиях с использованием социокультурного подхода делается акцент на проблемы увязки рыночных отношений с культурой патернализма (Плинер, Корсаков, Соболева 1992), на соотношение традиционного и рационального в трудовой культуре работников предприятий с разными формами собственности (Шершнева, Фельдхофф 1999), и более конкретно — на

взаимодействии патерналистских и партнерских ориентаций рабочих во взаимоотношениях с руководством (Патрушев, Темницкий 1995), коллективистских и индивидуалистических ориентаций во взаимоотношениях с товарищами по работе (Темницкий 2000). Использование социокультурного подхода создает возможности для тщательного анализа всех социальных фактов, имеющих отношение к формированию конкретного типа поведения (Тукумцев 2007). Потенциал его использования на высоком продуктивном уровне был показан в российско-канадском проекте исследования трудовых отношений (Становление... 2004).

Рассмотрим элементы применения социокультурного подхода к исследованию феноменов самостоятельности в работе, терминальности в отношении к труду, уверенности в занятости, которые отражают субъективные стороны трудового поведения. В каждом из анализируемых феноменов в соответствии с методикой дуальных социокультурных оппозиций (Ахиезер 1998: 160) выделяются и соотносятся друг с другом крайние, амбивалентные ценностные ориентации и поведенческие готовности, такие как ценностное и индифферентное отношение к самостоятельности в работе, терминально и инструментально значимое отношение к труду, демонстрация уверенности в занятости на внешнем по отношению к организации рынке труда и страх потерять работу. В каждой паре первая оппозиция рассматривается как культурное качество, т.е. редкое и дефицитное, но желательное для российского работника, вторая как социальное качество, т.е. реальное преобладающее, рамочное и избыточное.

Информационную базу исследования составили: 1) данные европейского социального исследования (European Social Survey, ESS) 2006 и 2016 гг.³, 2) данные повторных исследований отношения к труду в рамках Международной программы социальных исследований (International Social Survey Programme, ISSP)⁴, проведенных в 2005 и 2015 гг.

³ Данные ESS (Европейского социального исследования) находятся в открытом доступе. Официальный сайт European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/>. В России данный проект реализуется Центром сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Национальный координатор А.В. Андреев. См.: <http://cessi.ru/index.php?id=142> (дата обращения: 30.12.2019).

⁴ Данные исследований отношения к труду ISSP 2005 гг. находятся в открытом доступе Единого архива экономических и социологических данных: URL: <http://sophist.hse.ru/> (дата обращения 30.12.2019). Данные исследования 2015 г. доступны по адресу: URL: <http://sophist.hse.ru/archnews.shtml> (дата обращения 30.12.2019).

В качестве объектов анализа рассматриваются наемные работники, всех профессиональных групп, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу в организациях.

Дефицит самостоятельности в работе

Самостоятельность в работе может рассматриваться не только как показатель трудового поведения работника в организации, учитывающий степень свободы в планировании рабочего дня, определении темпа, порядка и временного графика выполнения работы, но и как его важная социокультурная характеристика. Так, показано, что самостоятельность в работе российских рабочих является одним из важных проявлений и факторов формирования их субъектности на уровне рабочего места и повседневных трудовых взаимоотношений (Темницкий 2011б).

Социокультурный подход к феномену самостоятельности в работе связывается с выявлением не только ее наличия, но и важности для работника в жизни и на работе. По технологическим условиям, служебному функционалу выполняемая работа может наделяться высоким уровнем самостоятельности, но для одних групп работников, в разных социальных контекстах это имеет большое значение, и работник будет искать такую работу, в других условиях, для других категорий такая самостоятельность будет рассматриваться как бремя. Социокультурное при таком подходе рассматривается как соотношение ценностных ориентаций и предпочтений работника с ограничениями, задаваемыми технологическими условиями и организацией труда.

Гармоничное сочетание признаков наличия и значимости самостоятельности может рассматриваться, на наш взгляд, как индикатор *воплощенной ценности*. Выраженное наличие самостоятельности в работе при ее незначительной роли как ценности рассматривалось как индикатор *данности*, т.е. самостоятельности, предписанной характеристиками рабочего места. Предполагается, что именно при таком сочетании, самостоятельность может стать бременем или балластом в работе. При слабой выраженности самостоятельности в работе в сочетании с повышенной значимостью самостоятельности как ценности можно утверждать о ее *дефицитности* для работников. Наконец, отсутствие или низкий уровень наличия самостоятельности в работе и незначимость самостоятельности как ценности является указанием на *индифферентное* отношение к ней.

Рассмотрим на примере данных международного проекта ESS, каков уровень разрыва между российскими наемными работниками и их западными коллегами⁵ в типологических проявлениях самостоятельности в работе⁶ в динамике 2006–2016 гг.

Между оценками наличия самостоятельности в работе и ее важности как жизненной ценности существует положительная корреляция, которая характерна для всех анализируемых стран⁷. Для сопоставления двух показателей результаты вычисления ценностного индекса самостоятельности в жизни были приведены в соответствие со шкалой измерения самостоятельности в работе⁸. Под невыраженностью самостоятельности в работе понимались ее значения от 0 до 5, набравшие в совокупности чуть менее 50%, а значения от 6–10 рассматривались как указания на ее выраженность⁹. На основе предварительно построенных таблиц сопряженности между двумя преобразованными показателями и последующего вычисления целевых переменных по заданным логическим условиям были определены искомые индикаторы.

Для российских работников характерно преобладание и рост в динамике анализируемых годов индифферентного отношения к самостоятельности и ее низкий уровень как воплощенной ценности, ее снижение в динамике (табл. 1).

⁵ Наемные работники России сравнивались с их западными коллегами других стран Европы, которые участвовали в опросе 2006 и 2016 гг. Это страны: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Словения, Финляндия, Франция, Швеция, Швейцария.

⁶ Указанные типологические проявления самостоятельности выявлялись на основе соотношения ответов на два вопроса. Формулировка вопроса о самостоятельности в планировании рабочего дня: «Насколько по правилам Вашей организации Вы можете решать, как организовывать свою повседневную работу»? Минимальное значение 0 (нет никакого влияния), максимальное 10 (это полностью зависит от меня). Для выявления ценности самостоятельности в жизни использовался предварительно вычисленный индекс ценности «Самостоятельность» на основе его соотношения с общей централизованной средней по всем 21 ценностям. Подробнее о процедуре вычисления см.: Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33–58 [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/313/878/1219/v22-6-finalx2bcorrectors_k_pravka.pdf (дата обращения: 30.12.2019).

⁷ Использовался метод парных корреляций (коэффициент Спирмана). Все корреляции значимы на уровне $p \leq 0,01$.

⁸ Значениям индекса «самостоятельность в жизни» посредством ранжирования были присвоены дробные ранги от 1 до 11.

⁹ Соответственно, такая же процедура использовалась при вычислении невыраженности и выраженности самостоятельности как жизненной ценности, только с другими диапазонами значений от 1 до 5 и с 6 до 11.

Таблица 1

Типологические группировки работников России в зависимости от соотношения наличия самостоятельности в работе и ее значимости как жизненной ценности, данные ESS, 2006, 2016 гг. (%)

Группировки	Индикаторы	Страна и годы опросов			
		Россия		Другие страны Европы	
		2006	2016	2006	2016
1. Есть самостоятельность в работе и важна ценность самостоятельности	Ценность	20	16	35	38
2. Есть самостоятельность, но она не очень важна	Данность	15	19	23	24
3. Нет самостоятельности, но она очень важна	Дефицитность	27	22	21	18
4. Нет самостоятельности, и она не важна	Индифферентность	38	43	21	20
Всего		100	100	100	100
Количество ответивших		1150	1215	16989	15036

За разнохарактерным соотношением наличия самостоятельности в работе и ее важности в жизни скрываются как общие для работников России и других стран Европы тенденции, так и специфические только для России. Выяснилось, что для всех стран наибольшим дифференцирующим потенциалом обладают только два индикатора самостоятельности: как воплощенной ценности и как индифферентности, являющимися полярными друг другу. С учетом этого основным объектом анализа стала типологическая категория работников с самостоятельностью как воплощенной ценностью. К числу общих для всех стран факторов повышения ее представительности можно отнести: наличие функции руководства другими людьми, более высокий профессиональный статус занятости, наличие высшего образования, принадлежность к старшим возрастным группам, более высокие субъективные оценки получаемого дохода. Обнаруженное сходство большинства тенденций позволяет утверждать, что российские работники отличаются от своих коллег на Западе только меньшей степенью

количественных проявлений, но не качественных различий. Таким образом, выявленный в сравнительном анализе дефицит самостоятельности в работе россиян не имеет преград радикального характера и может быть устранен при создании соответствующих условий труда и жизни¹⁰.

Дефицит терминальности в отношении к труду

Терминальные ориентации на труд связываются нами с приданием первостепенной роли самостоятельной значимости труда как важнейшей ценности жизни и как способа самореализации личности вне зависимости от уровня материального вознаграждения. За годы реформ российские работники весьма преуспели в возвышении ценности заработка над всеми остальными мотиваторами к труду. Несомненно, что это было связано, прежде всего, с проблемами адаптации к новым, рыночно окрашенным условиям труда и жизни, а также открывшимися возможностями зарабатывать, сколько сможешь, в том числе за счет вторичной, неформальной и самозанятости. Одновременно происходило «вымывание» ценностей, выходявших за рамки материального интереса, особенно тех, которые имели идеологическую подоплеку советского строя, таких как общественная польза труда, бескорыстная взаимопомощь. В итоге терминально значимые ценности оказались на периферии ценностного выбора.

Ситуация, при которой труд утрачивает смыслообразующие функции, трансформируется лишь в средство достижения посредством заработка других целей либо просто адаптации и выживания, рассматривается нами как кризисная. Потеря значимости труда как терминальной (конечной) ценности чревата для полноценного развития человека и общества, особенно в условиях перехода к его постиндустриальной стадии.

Для того чтобы рассмотреть, как соотносятся терминальные и инструментальные ориентации на труд у работников России в сравнении с другими странами, обратимся к данным повторных исследований отношения к труду в рамках Международной программы социальных исследований (ISSP), проведенных в 2005 и 2015 гг. Из массивов данных отбирались только те респонденты, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу.

¹⁰ Более подробно см.: *Темницкий А. Л.* Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 37–49.

Наиболее очевидным индикатором терминальности в отношении к труду как ценности является высокая степень согласия респондентов с суждением «Хотели бы работать даже в том случае, если бы не нуждались в деньгах». Индикатором инструментальности в отношении к труду как ценности может выступать высокая степень согласия с суждением «Работа — это только способ заработать деньги, и ничего более»¹¹.

Для большей части российских работников (от 51% в 2005 г. до 56% в 2015 г.) работа — это только способ заработать деньги. Суждение, выражающее терминальность в отношении к труду: готовность работать без денежной оплаты, поддерживает, примерно, одна треть. За период наблюдений произошло значительное снижение данной установки (с 43% в 2005 г. до 35% в 2015 г.). С учетом социокультурного подхода терминальность в отношении к труду рассматривалось как культурное, редкое качество, а инструментальность как социальное, ставшее очевидной данностью и социальной нормой для большинства наемных работников.

Чтобы более иллюстративно показать специфику в соотношении терминальных и инструментальных ценностных ориентаций, на основе взаимосвязи ответов на вопросы о согласии с анализируемыми суждениями были вычислены две противоположные типологические категории работников и показано их распределение в России в сравнении с другими странами мира (табл. 2).

По уровню выраженности терминальности в труде российские работники (по данным 2015 г.) отстают от всех включенных в анализ стран мира за исключением Филиппин — среди работников ее представительство еще ниже (9%), весьма близки по значениям с работниками стран Южной Африки, Суринам (15%) и Венесуэлы (18%) и весьма далеки от таких стран, как Норвегия (68%), Исландия (62%), Швейцария (56%) и Дания (54%).

Страны с максимальным выражением терминальных ориентаций работающего населения на труд, такие как Норвегия, Дания, Швеция, относятся к числу наиболее эффективно модернизированных стран Европы с преобладанием постиндустриального уклада в экономике (Лапин 2012: 24). Уже этот факт указывает на то, что демонстрация готовности работать даже в том случае, если бы не нуждались в деньгах, является не инерционным отголоском господства идеологически

¹¹ Для ответа на эти вопросы использовалась пятичленная шкала, которая после перекодировки значений получила выражение: 1) совершенно не согласен, 5) полностью согласен.

окрашенных ценностей бескорыстного труда советского времени, а признаком, по крайней мере, более высокого уровня развития экономики и связанного с ним социального самочувствия работающего населения.

Таблица 2

Типологические проявления отношения к труду работающего населения России и других стран мира по соотношению терминальных и инструментальных ценностных ориентаций на труд, данные ISSP, 2005, 2015 гг. (%)

Группировки	Индикаторы *	Страна и годы опросов			
		Россия		Другие страны мира**	
		2005	2015	2005	2015
1. Хотели бы работать даже в том случае, если бы не нуждался в деньгах и не рассматривают работу только как способ заработать деньги	Терминалисты	29	13	50	36
2. Рассматривают работу только как способ заработать и не хотели бы работать, если бы не нуждались в деньгах.	Инструменталисты	37	28	17	10
3. Терминальность в одном случае, инструментальность в другом	Смешанная группа	34	59	33	54
Всего		100	100	100	100
Количество ответивших		669	897	17561	17209

* При вычислении типологических категорий исключались промежуточные позиции (код 3).

** Наемные работники России сравнивались с их коллегами из других стран мира, которые участвовали в опросе 2005 и 2015 гг. Это страны: Бельгия, Великобритания, Венесуэла, Греция, Дания, Исландия, Латвия, Литва, Новая Зеландия, Норвегия, ОАЭ (Эмираты), Словения, Суринам, Тайвань, Филиппины, Финляндия, Франция, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Южная Африка, Япония.

То, что дефицит терминальных ценностей среди работающего населения России, по данным исследования ISSP, в 2015 г. оказался максимально значимым по сравнению с абсолютным большинством стран мира, рассматривается нами как весьма тревожный факт и как важный объект для управления со стороны государства и бизнеса.

К числу общих для всех стран факторов, способствующих повышению терминальности, относится более высокий уровень достигнутого образования. Из числа субъективных факторов росту терминальности способствуют: высокий уровень идентификации с предприятием (готовность работать ради успеха предприятия более напряженно, чем требуется), нежелание менять свою работу при предоставлении такой возможности, а также такие характеристики рабочего места, как выполнение интересной работы и возможность работать самостоятельно. Вместе с тем предположение, что терминальное отношение к труду «исчезает» под влиянием невозможности обеспечить своим трудом достойный для жизни заработок, оказалось правомерным к таким эффективно модернизированным странам, как Дания, Финляндия, Бельгия, Великобритания, и не подтвердилось в отношении России. Для указанных стран характерно суждение: «Чем меньше дефицит ценности высокого заработка в выполняемой работе, тем выше уровень терминальных ориентаций на труд в целом». В России только связь терминальных ориентаций на труд с выполняемой интересной по содержанию работой оказалась статистически значимой, а со всеми остальными ценностями труда, включая высокий заработок, — нет¹².

Дефицит уверенности на рынке труда

Уверенность на рынке труда рассматривается как обнаружение потенциала мобильности работника в возможной занятости на внешнем по отношению к своей организации рынке труда в том, что ему будет достаточно легко найти работу не хуже нынешней. Мы исходим из того, что уверенность на рынке труда не является исключительно психологическим качеством личности. Она достигается в результате практического опыта смены работы, профессии, накопления профессиональных навыков, повышения квалификации, постоянного рефлексивного мониторинга своего социального капитала в сравнении

¹² Более подробно см.: Темницкий А. Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 144–162.

с капиталом других. Уверенность на рынке труда нельзя рассматривать вне связи с признаками угрозы безработицы, атмосферы страха потери работы в обществе и в организациях, которые стали в настоящее время социальным фактом. При этом нельзя относить страх потери работы к преимущественно психологическому явлению, основанному на индивидуальных переживаниях и эмоциях, так же как недостаточно видеть в нем только проявление экономических механизмов регулирования рынка труда. Предполагается, что социокультурная природа и содержание страха потерять работу имеет не меньшее, если не большее значение по сравнению с психологической и экономической составляющими. Все те факторы взаимосвязи работника с организацией, которые являются результатом соотношения требований администрации предприятия и изменившихся условий на рынке труда с ресурсным потенциалом, индивидуальными ценностями и коллективными привычками со стороны самих работников, можно назвать социокультурными. В содержании этих факторов роль социального выполняет реальная практика управления, укрепляющая атмосферу страха потери работы среди работников при отсутствии признаков ее формальной институализации. В этой связи на роль культурного начала будут указывать как признаки готовности «затянуть пояса» ради сохранения рабочего места, так и демонстрация своей уверенности в занятости на внешнем по отношению к организации рынке труда, готовности покинуть ее при удобном случае.

В целях выявления степени дефицитности в уверенности на рынке труда обратимся к данным Международного исследования ISSP 2005 и 2015 гг. Объектом анализа стали наемные работники различных стран мира, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу.

В качестве индикатора страха потери работы будут рассматриваться ответы на вопрос: «В какой степени Вы сейчас опасаетесь потерять свое основное место работы»¹³. В качестве индикатора уверенности на рынке труда будут рассматриваться ответы на вопрос: «Как Вы думаете, насколько трудно или легко было бы Вам найти работу, по крайней мере, не хуже нынешней»¹⁴?

Между ответами респондентов о том, насколько их беспокоит то, что они могут потерять работу, и о том, насколько они уверены, что в случае ее потери смогут найти работу не хуже имеющейся,

¹³ Для ответа использовалась четырехчленная порядковая шкала: 1. В очень большой мере, 4. Совсем нет.

¹⁴ Для ответа использовалась пятичленная порядковая шкала: 1. Очень легко, 5. Очень сложно.

существует значимая положительная корреляция, характерная для работников всех анализируемых стран. Она отражает простой факт: те, кто больше опасается потерять нынешнюю работу, как правило, сильнее боятся, что не смогут найти новую. На основе выявления взаимосвязей оценок страха потери работы и уверенности на рынке труда можно выделить четыре типологические категории работников, более детально раскрывающие изучаемый социокультурный феномен¹⁵. Их распределение по годам опросов в России, в сравнении с другими странами, показывает явное отставание российских работников от коллег из других стран по показателю прочной уверенности на рынке труда (табл. 3).

Таблица 3

Типологические группировки работников России и других стран в зависимости от соотношения страха потери работы и уверенности на рынке труда, данные ISSP, 2005, 2015 гг. (%)

Группировки	Индикаторы	Страна и годы опросов			
		Россия		другие страны	
		2005	2015	2005	2015
Есть страх потери работы, и нет уверенности на рынке труда	Выраженный страх потери работы	48	51	21	26
Нет страха потери работы, но и нет уверенности на рынке труда	Локальная уверенность в занятости	35	28	45	45
Есть страх потери работы, и есть уверенность на рынке труда	Инструментальная уверенность в занятости	4	8	7	6
Нет страха потери работы, и есть уверенность на рынке труда	Прочная уверенность в занятости	13	13	27	23
Всего		100	100	100	100
Количество ответивших		708	594	17347	12397

По уровню выраженности уверенности на рынке труда российские работники (по данным 2015 г.) отстают от абсолютного большинства стран мира, за исключением Венесуэлы, где уверенность еще

¹⁵ При построении типов объединялись крайние позиции шкал и исключалась промежуточная позиция (код 3) по шкале уверенности на рынке труда.

ниже (6%), Филиппин (7%), Японии (9%) и весьма далеки от таких стран, как Дания, Швеция, Исландия (36%).

К числу объективных факторов, способствующих повышению уверенности в занятости, относится половозрастная принадлежность. Молодым мужчинам и женщинам в возрасте 17–29 лет чаще свойственна уверенность в занятости по сравнению с представителями старшего возраста. По мере повышения возраста уверенность в занятости снижается. Эта тенденция характерна для работников всех стран, за исключением ОАЭ, Венесуэлы, Суринам, а также Швеции и Бельгии. Максимальному росту уверенности на рынке труда способствует принадлежность к категории профессионалов с высшим образованием, минимум уверенности замечен среди неквалифицированных рабочих. Однако в России связь уверенности в занятости с принадлежностью к профессиональным группам оказалась статистически незначимой.

В большей мере по сравнению с объективными факторами росту уверенности в занятости способствуют всякие проявления трудовой мобильности — как потенциальной, так и реальной. Демонстрация уверенности в занятости в наибольшей мере характерна для тех работников, которые утверждали, что для них в последующие 12 месяцев весьма вероятна ситуация поиска работы на другом предприятии или в другом учреждении. Эта тенденция оказалась значимой для всех стран. Можно утверждать, что уверенность в занятости — это функция динамичности, а не статичности в положении и трудовом поведении работника. Различные проявления удовлетворяющей работника стабильности в занятости, такие как гарантии в сохранении рабочего места, гордость за свое предприятие, удовлетворенность выполняемой работой, способствуют снижению страха потерять работу при одновременном снижении уверенности в занятости. В наибольшей мере это характерно для работников Японии.

Особую роль играет принадлежность к типологической категории работников, которые боятся потерять имеющуюся работу, и при этом в высокой степени уверены, что найдут другую, не хуже нынешней. Предполагается, что такие работники в большей мере, чем другие типологические категории, дорожат своим рабочим местом, поскольку у них должна быть более высокая оплата труда. Эта гипотеза подтвердилась в России, но не нашла подтверждения в других странах. Данный факт может рассматриваться как дополнительное проявление максимальной инструментальности в отношении к труду российских работников. Именно поэтому такое проявление было

названо инструментальной уверенностью. В целом по проявлениям уверенности в занятости во взаимосвязи со страхом потери работы российские работники мало чем отличаются от своих коллег из других стран мира. Это позволяет утверждать о наличии количественных различий, а не о качественных отличиях изучаемого феномена уверенности в работе.

Выводы

Потенциал использования социокультурного подхода возрастает в условиях трансформирующихся обществ, когда обостряются конфликтные взаимодействия между трудовыми практиками и ценностями прошлого и настоящего, традиционного и инновационного, просоветского и прозападного и понижается в стабильно функционирующих обществах.

Принцип двойственности, заложенный в природу социокультурного (неразделимость, паритетность и вместе с тем и противоречивость социального и культурного), определяет и действенность данной категории как адекватной теоретико-методологической позиции для выявления взаимосвязей между ключевыми для современного российского общества социокультурными дуальными оппозициями. В стратегиях занятости — это ориентации на самозанятость либо занятость в организациях, на мобильную либо стабильную занятость. В отношении к труду — это терминальные и инструментальные ценностные ориентации, ориентации на самостоятельность — исполнительность в работе, достижительность — избегательность в труде. В трудовых отношениях — это партнерские — патерналистские ориентации на взаимоотношения с руководством, индивидуалистические — коллективистские отношения с товарищами по работе.

Ограничения в использовании социокультурной модели обусловлены сложностью в выделении социального и культурного в изучаемых феноменах, сведением проявлений культурного к личностным аспектам, приданием большей значимости контексту трудовой деятельности, нежели ей самой, необходимостью обращения к истории и генезису образования изучаемых феноменов.

Рассмотренные в статье с использованием данных сравнительных межстрановых исследований феномены самостоятельности в работе, терминальности в отношении к труду, уверенности на рынке труда показали высокую степень дефицитности данных качеств у российских

работников в сравнении с коллегами из других стран мира, прежде всего, из стран Северной Европы.

Однако все выявленные различия носят преимущественно количественный характер, не являются необратимыми, неподвластными воздействию глубинными социокультурными признаками особой трудовой культуры и поведенческих образцов поведения российских работников. Главное, что для российских работников их коллеги с ярко выраженными качествами самостоятельности в работе, терминальности в отношении к труду и уверенности на рынке труда являются референтными группами, а не маргинальными категориями. При выполнении более интересной по содержанию работы, с ростом материального благополучия и социального самочувствия указанные признаки дефицитности будут исчезать.

Литература

Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.

Верховин В. И. Трудовое поведение: Учеб. пособие. М.: Изд-во РУДН, 2003. 114 с.

Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Пер. с фр.; общ. ред., ред. пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.

Кравченко С. А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. М.: МГИМО-Университет, 2010. 396 с.

Латин Н. И. Человеческие измерения модернизации России в международном контексте // Инновации. 2012. № 5. С. 19–26.

Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 33–58. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/313/878/1219/v22-6-finalx2bcorrectorsk_pravka.pdf (дата обращения: 30.12.2019).

Патрушев В. Д., Темницкий А. Л. Реальное поведение рабочих промышленности в сфере труда в период перехода к рыночным отношениям. М.: Институт социологии РАН, 2005. 67 с.

Плинер Ю. Е., Корсаков А. В., Соболева О. А. Патернализм как парадигма отношений на производстве (pro и contra) // Изменения в мотивации труда в новых условиях. М.: НИИ труда, 1992. С. 21–32.

Слободская А. В. Прекариат и креативный класс: сравнительный анализ паттернов социальной структуры постиндустриального общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 51–59.

Становление трудовых отношений в постсоветской России / Под ред. Дж. де Барделебен, С. Г. Климовой, В. А. Ядова. М.: Академический проект, 2004. 320 с.

Татарова Г. Г., Бессокирная Г. П. Идентификация с предприятием: классификация работников и выявление управляемых факторов трудовой деятельности. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН 2015. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3335> (дата обращения: 30.12.2019).

Темницкий А. Л. Дилеммы индивидуализма-коллективизма и партнерства-патернализма в сфере трудовых отношений / Под ред. Р. М. Нуреева // Трансформация экономических институтов в постсоветской России (микро-экономический анализ). М.: Московский общественный научный фонд, 2000. С. 123–136.

Темницкий А. Л. Самостоятельность в работе как фактор формирования субъектности рабочих России // Социологические исследования. 2011б. № 12. С. 35–42.

Темницкий А. Л. Соотношение терминальных и инструментальных ориентаций на труд у работающего населения России // Социологический журнал. 2017. Т. 23, № 3. С. 144–162.

Темницкий А. Л. Социокультурное в условиях сложного общества: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестник МГИМО-Университет. 2011а. № 4. С. 180–188.

Темницкий А. Л. Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 37–49.

Тукумцев Б. Г. Социокультурный подход к анализу трудовой деятельности // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2007. С. 46–60.

Шершинева Е. Л., Фельдхофф Ю. Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999. 127 с.

References

Ahiez A. S. Rossiya: *Kritika istoricheskogo opyta* [Criticism of historical experience]. Vol. 1. *Ot proshlogo k budushchemu* [From the past to the future]. Novosibirsk, Sibirskiy hronograf, 1998, 804 p. (In Russian)

Verhovin V. I. *Trudovoe povedenie: Ucheb. posobie* [Labor behavior]. Moscow, RUDN University, 2003, 114 p. (In Russian)

Kastel' R. *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Hronika naemnogo truda* [Metamorphosis of the social issue. Chronicle of hired labor]. Translated and edit by N. A. Shmatko. Saint Petersburg, Aletheia, 2009, 574 p. (In Russian)

Kravchenko S. A. *Sotsiologicheskii postmodernizm: teoreticheskie istochniki, kontseptsii, slovar' terminov* [Sociological postmodernism: theoretical sources, concepts, glossary]. Moscow, MGIMO University, 2010, 396 p. (In Russian)

Lapin N. I. Chelovecheskie izmereniya modernizatsii Rossii v mezhdunarodnom kontekste [Human Dimensions of Russia's Modernization in the International Context]. *Innovatsii [Innovation]*, 2012, no. 5, pp. 19–26. (In Russian)

Magun V., Rudnev M. Zhiznennye tsennosti rossiyskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami [Vital values of the Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]*, 2008, no. 1, pp. 33–58. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/313/878/1219/v22-6-finalx2bcorrectorsk_pravka.pdf (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Patrushev V. D., Temnitskiy A. L. *Real'noe povedenie rabochih promyshlennosti v sfere truda v period perekhoda k rynochnym otnosheniyam* [The real behavior of industrial workers in the world of work during the transition to market relations]. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2005, 67 p. (In Russian)

Pliner Yu. E., Korsakov A. V., Soboleva O. A. Paternalizm kak paradigma otnosheniy na proizvodstve (pro i contra) [Paternalism as a paradigm of relations in the workplace (pro and contra)]. *Izmeneniya v motivatsii truda v novykh usloviyakh [Changes in labor motivation in new conditions]*. Moscow, Research Institute for Labour, 1992, pp. 21–32. (In Russian)

Slobodskaya A. V. Prekariat i kreativnyy klass: sravnitel'nyy analiz patternov sotsial'noy struktury postindustrial'nogo obshchestva [Prekariat and Creative Class: Comparative Analysis of the Patterns of the Social Structure of the Post-Industrial Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]*, 2018, no. 42, pp. 51–59. (In Russian)

Stanovlenie trudovykh otnoshenij v postsovetsoj Rossii [Formation of labor relations in post-Soviet Russia]. Edit by J. de Bardeleben, S. G. Klimova, V. A. Yadov. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004. 320 p. (In Russian)

Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. *Identifikatsiya s predpriyatiem: klassifikatsiya rabotnikov i vyyavlenie upravlyaemykh faktorov trudovoy deyatel'nosti* [Enterprise Identification: Classification of Employees and Identification of Managed Factors of Labor Activity]. Institute of Sociology RAS, 2015. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3335> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Temnitskiy A. L. Dilemmy individualizma-kollektivizma i partnerstva-paternalizma v sfere trudovykh otnosheniy [Dilemmas of individualism-collectivism and partnership-paternalism in the field of labor relations]. *Transformatsiya ekonomicheskikh institutov v postsovetsoj Rossii (mikroekonomicheskij analiz). [Transformation of economic institutions in post-Soviet Russia (microeconomic analysis)]* Edit by R. M. Nureev. Moscow, MPSF, 2000, pp. 123–136. (In Russian)

Temnitskiy A. L. Samostoyatel'nost' v rabote kak faktor formirovaniya sub'ektnosti rabochih Rossii [Independence in work as a factor in the formation of the subjectivity of workers in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2011b, no. 12, pp. 35–42. (In Russian)

Temnitskiy A. L. Sootnoshenie terminal'nyh i instrumental'nyh orientatsiy na trud u rabotayushchego naseleniya Rossii [The ratio of terminal and instrumental orientations

of labor among the working population of Russia]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2017, vol. 23, no. 3, pp. 144–162. (In Russian)

Temnitskiy A. L. Sotsiokul'turnoe v usloviyakh slozhnogo obshchestva: ot nerazschlenenogo ponyatiya k dual'nym oppozitsiyam [Socio-cultural in a complex society: from an undifferentiated concept to dual oppositions]. *Vestnik MGIMO-Universitet* [Bulletin of MGIMO University], 2011a, no. 4, pp. 180–189. (In Russian)

Temnitskiy A. L. Sotsiokul'turnyy fenomen samostoyatel'nosti v rabote rossiyan v mezhstranovom sravnenii [Socio-cultural phenomenon of independence in the work of Russians in cross-country comparison]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2019, no. 6, pp. 37–49. (In Russian)

Tukumtsev B. G. Sotsiokul'turnyy podhod k analizu trudovoy deyatel'nosti [Socio-cultural approach to the analysis of work]. *Problemy truda, trudovykh otnosheniy i kachestva zhizni* [Problems of labor, labor relations and quality of life]. Samara, Univers. Group, 2007, pp. 46–60. (In Russian)

Shershneva E. L. *Fel'dhoff Yu. Kul'tura truda v protsesse sotsial'noekonomicheskikh preobrazovaniy: opyt empiricheskogo issledovaniya na promyshlennyykh predpriyatiyakh Rossii* [Labor culture in the process of social and economic transformations: the experience of empirical research at industrial enterprises in Russia]. Saint Petersburg, Petropolis, 1999, 127 p. (In Russian)

Темницкий Александр Лазаревич, кандидат социологических наук, доцент Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Temnitskiy Alexandr L., Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Sociological Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.
taleksandr@list.ru

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.j3da-p711

Н. А. НЕЧАЕВА

ГЕНДЕРНАЯ КАРТИНА МИРА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ И ЕГО СТРУКТУРЫ

В статье анализируется понятие «гендерная картина мира». В рамках трех моделей — традиционно-патриархатной, переходно-амбивалентной и современно-эгалитарной — рассматривается ее структура и основные характеристики. На основе ряда эмпирических исследований, проведенных с 1996 по 2014 гг., зафиксировано, что гендерная картина мира целостна, ее характеристики взаимосвязаны и упорядочены. Статистические связи между структурными элементами носят устойчивый характер. В качестве одной из главных характеристик гендерной картины мира предлагается понятие «гендерная доминанта сознания». Показано, что она представляет собою интегральное отношение к положению мужчины и женщины в семье и обществе. На эмпирическом материале продемонстрировано, что гендерная доминанта сознания специфически проявляется на каждом из трех уровней системы — на уровне гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок, но при этом сохраняет основное для каждой модели содержание — традиционное или современное.

Ключевые слова: гендерная картина мира, гендерная доминанта сознания, гендерные идеалы, общие гендерные диспозиции, ситуационные гендерные установки.

NECHAEVA NATALIA A.

GENDER WORLDVIEW: DEFINING A CONCEPT AND ITS STRUCTURE

The article examines the concept of gender worldview. Its structure and basic characteristics are studied within the framework of three models — traditionally patriarchal, ambivalent and modern. Based on a number of empirical studies conducted from 1996 to 2014, it was observed that gender worldview is holistic, its characteristics interconnected and streamlined. Statistical relationships between

structural elements are stable. The concept of “gender dominant of consciousness” is proposed as one of the main characteristics of the gender worldview. The article demonstrates that it’s an integral attitude to the position of men and women in the family and society. The empirical material demonstrated that the gender dominant of consciousness specifically manifests itself at each of the three levels of the system — at the level of gender ideals, general gender dispositions and situational attitudes, but at the same time retains the main content for each model — traditional or modern.

Keywords: gender worldview, gender dominant of consciousness, gender ideals, general gender dispositions, situational gender attitudes.

Постановка проблемы. Цель и задачи исследования

Понятие «гендерная картина мира» в настоящее время постепенно обретает научный статус, используется в теоретических работах, начинает применяться в эмпирических исследованиях. Однако, несмотря на некоторую активность его использования, данное понятие нельзя еще считать вполне устоявшимся и однозначно интерпретируемым различными авторами: существует значительная разнородность научных языков, категориальных схем и соответствующих методических подходов. Наличие различных углов зрения, их широта оборачиваются чрезмерной расплывчатостью определения гендерной картины мира и ее структуры, трудностью более или менее однозначной операционализации, без которой невозможны ни серьезные эмпирические исследования, ни тем более сравнимость их результатов. Некоторые положения часто используются лишь как метафоры, не имея эмпирического обоснования, что не способствует прояснению сути дела, поскольку «метафоризм, когда он выступает под маской моделей и научных определений, особенно коварен» (Лотман 2019: 32). Все это обуславливает необходимость дальнейшего анализа того, что представляет собою гендерная картина мира, каковы ее базовые структурные элементы и релевантные методы исследования. Отдельные аспекты, которые могут быть объединены в рамках единого подхода, отличаются совершенно различной степенью разработанности в социологии, психологии, семиотике и пр. Все это свидетельствует о том, что дальнейший анализ этого понятия и особенно эмпирическая проверка выдвинутых теоретических положений остаются актуальной задачей.

Недостаточно изученных эмпирических вопросов до сих пор еще много. Что представляет собою гендерная картина мира? Каковы ее главные характеристики? Является ли она системой в научном смысле

этого слова? Если «да», то что объединяет и упорядочивает ее характеристики? Каковы структурные элементы, уровни этой системы и их взаимосвязи? Каков механизм трансформации гендерной картины мира, как происходят изменения? В данной работе мы попытаемся обобщить результаты исследований гендерных картин мира, проведенных нами с 1996 по 2014 гг., чтобы на основе полученных данных приблизиться к ответам на некоторые из поставленных вопросов, касающихся данного понятия.

В целом были проведены следующие исследования под общим названием «Гендерная картина мира»: 1) Первый пилотажный опрос населения Санкт-Петербурга, N = 400, 1994 г.; 2) Второй пилотажный опрос населения Санкт-Петербурга, N = 304, 1995 г.; 3) Массовый опрос населения Санкт-Петербурга (выборка репрезентативна по полу и возрасту), N = 1070, 1996 г.; 4) Опрос жителей Тулы (выборка репрезентативна по полу и возрасту), N = 700, 1999 г.; 5) Опрос студентов вузов Санкт-Петербурга, N = 213, 2007 г.; 6) Опрос студентов вузов Санкт-Петербурга, N = 122, 2014 г. Все указанные исследования проведены по единой методике.

Цель данной работы заключается в том, чтобы на основе полученных эмпирических данных подтвердить (или опровергнуть) ряд теоретических положений, описывающих понятие «гендерная картина мира». Эта цель конкретизировалась в следующих задачах: 1) зафиксировать, образуют ли выделенные нами структуры гендерного сознания *упорядоченное единство*, являются ли они *целостностью*; 2) если «да», то насколько эта целостность *константна*, то есть устойчива во времени; 3) можно ли считать, что ее интегральной характеристикой является *гендерная доминанта сознания*; если «да», как она проявляется на различных уровнях системы.

Гендерная картина мира является «тематической составляющей», частью общей картины мира человека, поэтому чтобы попытаться ответить на поставленные вопросы, при анализе в каждом случае сначала будем обращаться к этому более общему понятию — «картина мира», в отношении которого накоплен значительный объем знаний в различных науках — философии, истории, психологии, семиотике. Поскольку нас интересуют основные характеристики анализируемого понятия, сконцентрируем внимание на том главном, что проясняет и определяет суть гендерной картины мира. С нашей точки зрения, в итоге можно выделить по крайней мере семь аспектов, являющихся основополагающими как для определения данного понятия, так и для его эмпирической фиксации. Они таковы: 1) картина мира — это *образ, модель*

действительности; 2) она обладает определенной *иерархической структурой*, в которой представлены базовые элементы и различные уровни; 3) картина мира является *системой*, ее элементы упорядочены и взаимосвязаны; 4) ее интегральная характеристика представляет собою *общее отношение* к миру; 5) картина мира имеет свои границы; в ней можно выделить центр (ядро) и периферию; она внутренне неоднородна и асимметрична; 6) служа системой координат, картина мира выполняет *регулятивную роль* в оценке предметов и явлений окружающей действительности и поведении человека; 7) картина мира выступает важнейшей *дифференцирующей характеристикой* человека и социальных групп. На основе полученных нами эмпирических данных обоснуем некоторые из этих теоретических положений на примере гендерной картины мира.

Гендерная картина мира — модель отношения к положению женщины и мужчины в мире

В целом картина мира понимается как *образ, модель* окружающей человека действительности. «Картина мира — пространственно-временная индивидуальная модель окружающего мира, калиброванная «масштабной сеткой» в индивидуальной системе координат (смыслов и значений)» (Коваль 2008: 415).

На основании этого положения мы предполагали, что гендерная картина мира в целом представляет собою определенную *модель отношения к положению мужчины и женщины в семье и обществе*. При этом необходимо было найти такое отношение, которое являлось бы интегральным, выражало достаточно общие гендерные позиции респондентов и являлось настоящим водоразделом, определяющим границы различных моделей. Наше первое исследование проводилось в 1994 г. — в начале тех общественных преобразований, которые были названы позднее «тектоническими сдвигами» и затрагивали все сферы жизни, в том числе и гендерные отношения. Рыночные реформы способствовали созданию новых образов женщин и мужчин, ускоряли процессы эмансипации. Вместе с тем известно, что культурные паттерны обладают высокой стабильностью и часто остаются устойчивыми в новых условиях. Исходя из этого в качестве главного отношения, лежащего в основе моделей, была выбрана ось «традиционность — современность». В проведенных исследованиях теоретически и эмпирически были представлены три модели: традиционно-патриархатная, переходно-амбивалентная и современно-эгалитарная. В основе каждой из них лежат различные представления.

Традиционное отношение базируется на признании гендерного неравенства; поддержке разделения гендерных ролей; убеждении в том, что главная, активная роль должна принадлежать мужчине; основная сфера самореализации женщины — семья, рождение и воспитание детей.

Современно-эгалитарное отношение к положению женщин и мужчин в семье и обществе основано на отрицании неравноправного, подчиненного положения женщины; непризнании разделения гендерных ролей; утверждении важности для женщины внесемейной, профессиональной самореализации.

Мы отдавали себе отчет в том, что данные модели являются идеальными типами в веберовском понимании. В действительности — на эмпирическом уровне — гендерная картина мира представляет собой «...гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое» (Лотман 1996: 296). Тем не менее нами предполагалось, что «концентрация» традиционно-патриархатного и современно-эгалитарного содержания в разных моделях различна и это можно зафиксировать эмпирически. Это позволит как определить состояние гендерного сознания в определенной временной точке, так и проследить динамику его изменения, причем сделать это не на примере отдельных, разрозненных индикаторов, а в рамках указанных моделей.

Структура гендерных картин мира

Структура гендерных картин мира является, пожалуй, одним из наименее разработанных теоретически и подтвержденных или опровергнутых эмпирически аспектов анализируемого понятия. Это делает обсуждение данного вопроса особенно актуальным.

Сложность изучения любых структур сознания связана в первую очередь с тем, что они (эти структуры) никак не представлены исследователю морфологически. В настоящее время наука не располагает методологией, на основе которой можно доказательно фиксировать количество базовых элементов, уровней и пр. этих структур. Их выделение в лучшем случае опирается на те или иные логические обоснования.

При разработке структуры гендерных картин мира предполагалось, что ее принципиальными моментами являются иерархичность и наличие как максимально общего уровня, задающего главный вектор направленности отношения к положению женщины и мужчины в мире, так и такого уровня, который связан с поведением в конкретных жизненных ситуациях. Для реализации этих аспектов мы опирались на теоретические положения диспозиционной теории личности

В. А. Ядова. Согласно ей диспозиционная система включает четыре уровня: 1) элементарные фиксированные установки, 2) социально фиксированные установки, 3) общую (доминирующую) направленность интересов личности в определенные сферы социальной активности и 4) систему ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности... 2013: 35–36). Однако В. А. Ядов справедливо полагал, что это лишь принципиальная структура диспозиционной системы. «Наличие в ней четырех описанных, — а, скажем, не трех или пяти-шести — уровней далеко не бесспорно» (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности... 2013: 37).

В апробированных нами моделях верхний уровень гендерной картины мира образуют *гендерные идеалы*. В широком смысле идеал — это «образец, прообраз, высшая цель стремлений, совершенное воплощение чего-либо, представление о высшем совершенстве в каком-либо отношении» (Энциклопедия эпистемологии и философии науки... 2009: 295). Гендерные идеалы — идеализированные представления о предназначении, поведении и чувствах мужчин и женщин, свойственные данной культуре (Смелзер 1994: 330, 332, 651). «В нашей работе мы рассматриваем их как эталонные образы мужчины и женщины, обладающие определенной структурой, представленной набором качеств, связанные между собою неслучайным образом. Гендерный идеал — общий ориентир, путеводная звезда, которая хотя и не достижима в реальной жизни, но придает ей смысл и указывает путь, направление устремлений» (Нечаева 2017). Второй уровень предполагаемой системы — *общие гендерные диспозиции*, в рамках рассматриваемых моделей представляющие собой общее отношение к гендерным ролям и нормам, регламентирующим поведение мужчин и женщин в семье и обществе. Третий, нижний уровень образуют *ситуационные гендерные установки*, на основе которых человек осуществляет выбор того или иного поведения в разнообразных ситуациях. При регуляции поведения такая структура позволяет «спускаться» с абстрактных вершин гендерных идеалов к конкретным действиям в сложных жизненных коллизиях. Предполагалось, что верхние этажи гендерной картины мира, опирающиеся на базовые элементы традиционной культуры, обладают большей устойчивостью во времени.

Таким образом, структура каждой из моделей включала три уровня: 1) гендерные идеалы, 2) общие гендерные диспозиции и 3) ситуационные гендерные установки.

Для эмпирической фиксации эти уровни были представлены набором индикаторов. В свою очередь каждый из них отражал какой-либо

содержательный аспект традиционно-патриархатного и современно-эгалитарного отношения к положению женщины и мужчины в семье и обществе. В совокупности методика включала 55 индикаторов: 16 из них фиксировали структуру предпочитаемого идеала; 23 использовались для выявления общих диспозиций и 16 — для определения выбора того или иного поведения в сложных жизненных ситуациях.

Упорядоченность и взаимосвязанность характеристик гендерной картины мира

При определении картины мира как модели окружающей действительности подчеркивается, что она представляет собою *целостность*, характеристики которой являются упорядоченным единством, поскольку «всякое проявление жизни развивается в одно целое, в котором структурно связаны одни и те же отношения к миру. Так и мировоззрения представляют собой правильные системы, в которых проявляется это строение нашей духовной жизни. Основа их есть всегда некоторая картина мира, которая возникает в результате последовательной закономерной работы нашего познания» (Дильтей 1995: 221).

Чтобы понять, образуют ли характеристики наших моделей гендерных картин мира *целостность* не только теоретически, но и эмпирически, следовало установить, во-первых, существуют ли между ними взаимосвязи (статистически значимые корреляции); во-вторых, зафиксировать характер этих взаимосвязей; в-третьих, выявить их устойчивость во времени.

Корреляционный и факторный анализы показали, что отдельные характеристики (индикаторы) неслучайным образом связаны между собой — они образуют синдромы на каждом уровне гендерной картины мира. Всего таких взаимосвязанных групп выделилось семь — одна на уровне гендерных идеалов; четыре представляют собою общие гендерные диспозиции и две — ситуационные установки (рис. 1, рис. 2, рис. 3).

В свою очередь эти синдромы, каждый из которых отражает *традиционно-патриархатное* или *современно-эгалитарное* отношение к положению женщины и мужчины в семье и обществе, связаны между собой «внутри» соответствующего уровня. Эти связи можно назвать *горизонтальными*. Наконец, оказалось, что взаимосвязаны и синдромы всех трех уровней — гендерные идеалы (уровень III) с общими гендерными диспозициями (уровень II) и ситуационными установками (уровень I), а также и синдромы двух последних уровней. Это связи *вертикальные*.

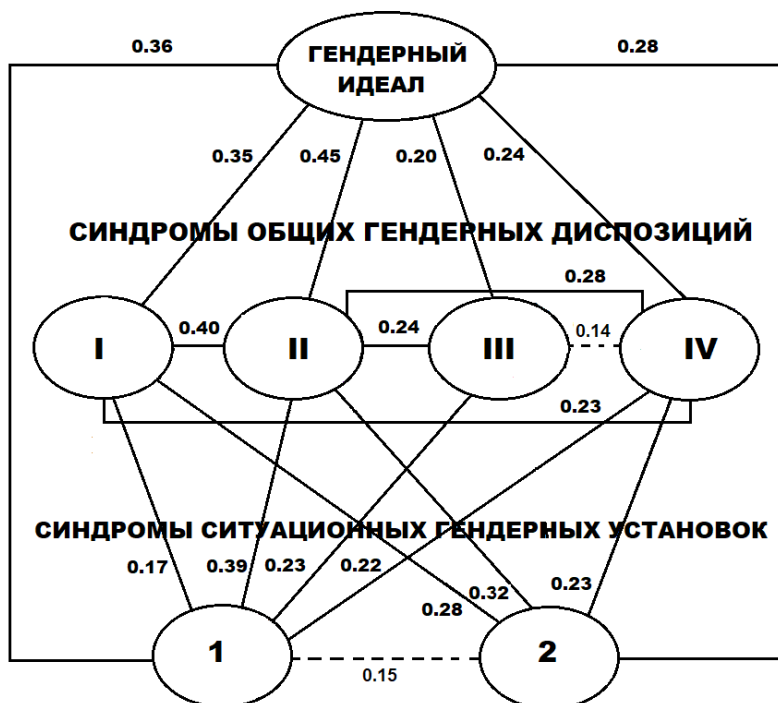

Рис. 1. СТРУКТУРА ГЕНДЕРНЫХ КАРТИН МИРА:

взаимосвязи между синдромами характеристик гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных гендерных установок, 1996 г. N = 156

Синдромы общих гендерных диспозиций (ОГД): ОГД I — отрицание/оправдание доминирующего положения мужчины и разделения гендерных ролей; ОГД II — отрицание/принятие того, что главное в жизни женщины — материнство и семья; ОГД III — принятие/отвержение роли домашней хозяйки; ОГД IV — отрицание/оправдание традиционных ролей мужчины в семье.

Синдромы ситуационных гендерных установок (СГУ): СГУ1 — важность/неважность внесемейной, профессиональной самореализации женщины; СГУ2 — отрицание/поддержка двойной морали.

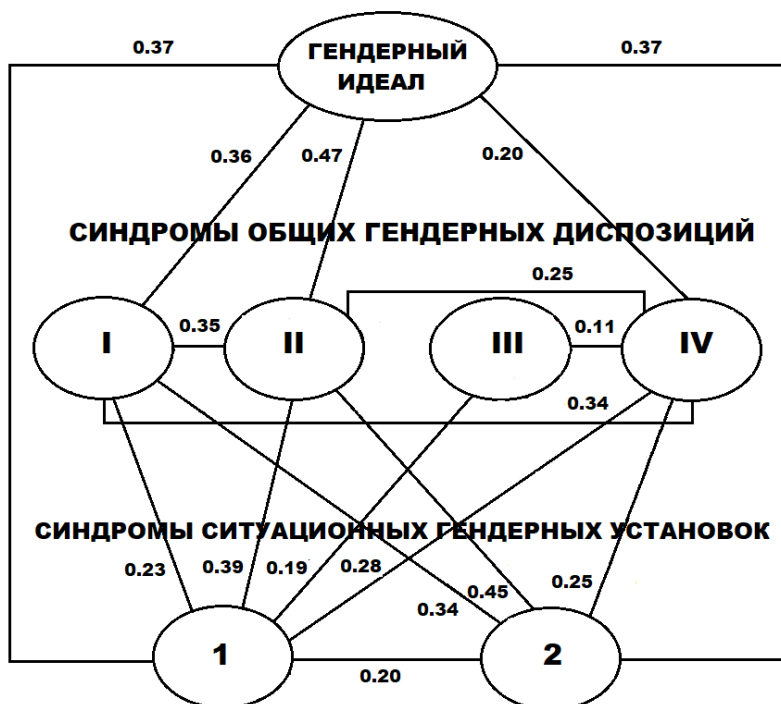

Рис. 2. СТРУКТУРА ГЕНДЕРНЫХ КАРТИН МИРА:
взаимосвязи между синдромами характеристик гендерных идеалов,
общих гендерных диспозиций и ситуационных гендерных установок,
2007 г. N = 213

Синдромы общих гендерных диспозиций (ОГД): ОГД I — отрицание/оправдание доминирующего положения мужчины и разделения гендерных ролей; ОГД II — отрицание/принятие того, что главное в жизни женщины — материнство и семья; ОГД III — принятие/отвержение роли домашней хозяйки; ОГД IV — отрицание/оправдание традиционных ролей мужчины в семье.

Синдромы ситуационных гендерных установок (СГУ): СГУ1 — важность/неважность внесемейной, профессиональной самореализации женщины; СГУ2 — отрицание/поддержка двойной морали.

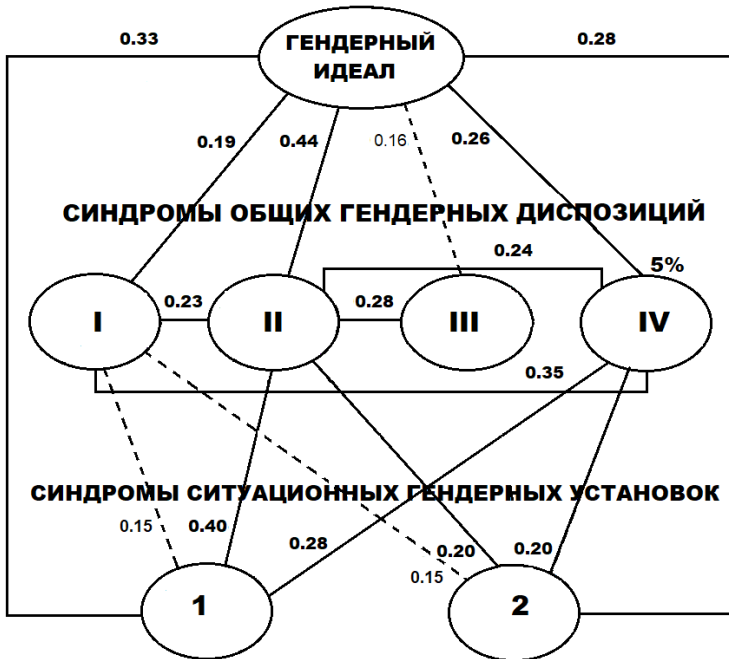

Рис. 3. СТРУКТУРА ГЕНДЕРНЫХ КАРТИН МИРА:
взаимосвязи между синдромами характеристик гендерных идеалов,
общих гендерных диспозиций и ситуационных гендерных установок,
2014 г. N = 122

Синдромы общих гендерных диспозиций (ОГД): ОГД I — отрицание/оправдание доминирующего положения мужчины и разделения гендерных ролей; ОГД II — отрицание/принятие того, что главное в жизни женщины — материнство и семья; ОГД III — принятие/отвержение роли домашней хозяйки; ОГД IV — отрицание/оправдание традиционных ролей мужчины в семье.

Синдромы ситуационных гендерных установок (СГУ): СГУ1 — важность/неважность внесемейной, профессиональной самореализации женщины; СГУ2 — отрицание/поддержка двойной морали.

Подробное описание содержательных аспектов всех зафиксированных групп характеристик — индикаторов, входящих в соответствующие факторы, — было представлено нами ранее (Нечаева 1997; 1999). В контексте же обсуждаемой темы подчеркнем, что выявленные горизонтальные и вертикальные структурные связи на эмпирическом уровне свидетельствуют о взаимосвязанности и упорядоченности характеристик гендерной картины мира и подтверждают высказанные ранее теоретические положения.

Более того, представленные на указанных рисунках структуры гендерных картин мира студенческой молодежи, фиксирующие их состояние в течение длительного временного периода (18 лет), демонстрируют высокую стабильность меры взаимосвязей как между синдромами характеристик в рамках различных уровней, так и между ними — эти корреляции на каждом временном «срезе» почти одинаковы, колебания их незначительны. Например, гендерные идеалы (ГИ) в 1996, 2007 и 2014 гг. оказались связанными с четырьмя синдромами общих гендерных диспозиций (ОГД) следующим образом: ГИ — ОГД1 — $r = 0.35$; $r = 0.36$; $r = 0.19$; ГИ — ОГД2 — $r = 0.45$; $r = 0.47$; $r = 0.44$; ГИ — ОГД3 — $r = 0.20$; —; $r = 0.16$; ГИ — ОГД4 — $r = 0.24$; $r = 0.20$; $r = 0.26$. Аналогичная картина наблюдается, если речь идет о связях между гендерными идеалами и ситуационными установками (СУ): ГИ — СУ1 — $r = 0.36$; $r = 0.37$; $r = 0.33$; ГИ — СУ2 — $r = 0.28$; $r = 0.37$; $r = 0.28$. В итоге можно констатировать, что характер ни горизонтальных, ни вертикальных взаимосвязей за указанный период принципиально не изменился.

Другие эмпирические данные также свидетельствуют в пользу этого факта. Сравнение корреляционной структуры гендерной картины мира студенческой молодежи (1996 г.) с описанной ранее структурой гендерной картины мира населения Санкт-Петербурга (1996 г.) (Нечаева 1999: 14) вновь показывает, что взаимосвязи, характеризующие разные объекты (различные социально-демографические группы респондентов), носят аналогичный характер.

Таким образом, получены эмпирические обоснования, позволяющие говорить не только о взаимосвязанности и упорядоченности характеристик гендерных картин мира, а, следовательно, об их целостности, но и о высокой устойчивости горизонтальных и вертикальных взаимосвязей как между синдромами свойств, так и между различными уровнями, что свидетельствует в пользу стабильности структуры рассмотренных моделей.

Гендерная доминанта сознания

Описывая картины мира, лежащие в основе хозяйственной этики мировых религий, М. Вебер полагал, что в каждой из них заложено различное отношение к миру. В одном случае это могло быть приспособление к нему, в другом — овладение миром, в третьем — бегство от него (Вебер 1985). Однако в контексте нашего обсуждения важно не столько то, каково конкретное содержание этого отношения, сколько сама идея, заключающаяся в том, что картина мира базируется на определенном отношении к окружающей действительности, причем у Вебера речь идет не о частном, а о некотором обобщающем, интегральном свойстве. Для социальной группы или отдельного человека оно служит системой координат, через призму которой оцениваются явления мира. По сути дела это интегральное отношение выражается в той позиции, которую занимает субъект.

Анализируя наследие М. Вебера, В. Шлюхтер справедливо подчеркивает именно этот аспект данного понятия (Шлюхтер 2004: 47–48). «Главное, что, согласно Шлюхтеру, отличает “картину мира” в аспекте веберовского, то есть социологического..., подхода к ней — это определенное *отношение* к миру, воссоздаваемому в ней. “Мир”, синтезируемый в картине мира, истолковывается под углом зрения определенной его оценки, что в свою очередь “задает” человеку соответствующий способ действия, поведения в этом мире» (Давыдов 1990: 760).

Независимо от идей М. Вебера в другой области научных исследований (физиологии) появилось понятие, в основе которого тоже лежит некое интегральное отношение к окружающей действительности. Это понятие *доминанты сознания*, введенное А. А. Ухтомским.

Несмотря на то, что эти понятия возникли в разных науках, по сути дела оба они с разных сторон выражают *целостную позицию*, которую занимает субъект, поскольку в основе доминанты сознания лежит главное, основное отношение к тому, что окружает человека в мире, и к себе самому. А. А. Ухтомский подчеркивал, «всякий интегральный образ, которым мы располагаем, является <...> продуктом пережитой нами доминанты. В него отлилась совокупность впечатлений, приуроченных к определенной доминанте, которая имела в нас свою историю» (Ухтомский 2018: 41).

Опираясь на эти идеи, в наших исследованиях мы использовали понятие *гендерная доминанта сознания* в качестве объединяющей, «стержневой» характеристики гендерной картины мира.

Таким образом, гендерную доминанту сознания мы определяем как системообразующую сквозную характеристику, которая пронизывает все уровни гендерной картины мира и является *интегральным отношением* к тому положению, которое, с точки зрения ее носителя, должны занимать и занимают в мире женщина и мужчина. Она, с одной стороны, упорядочивает спектр взаимосвязанных характеристик каждого уровня системы, а с другой — сама является интегральным свойством, порождаемым ими.

Нами предполагалось, что содержательно гендерные доминанты проявляются по-разному на каждом из уровней гендерной картины мира, но при этом сохраняют основополагающее для соответствующей модели смысловое значение — традиционно-патриархатное или современно-эгалитарное отношение к положению женщины и мужчины в семье и обществе. Во всех проведенных нами исследованиях это предположение подтвердилось. Эмпирически это проявилось следующим образом.

Во-первых, гендерные доминанты сознания — традиционность и эгалитарность — являются латентными переменными, которые на каждом уровне системы объединяют характеристики в синдромы, полученные в результате факторного анализа. Далее, на каждом из уровней анализируемой картины мира гендерная доминанта сознания «раскрывалась» в соответствии с его спецификой. На уровне гендерных идеалов подробно их содержательная структура и динамика были представлены нами ранее (Нечаева 2017) она проявилась как большая приверженность традиционному или современному образу мужчины и женщины.

На уровне общих гендерных диспозиций каждый из четырех синдромов (см. рис. 1, рис. 2, рис. 3) отличается по содержанию — объединяет индикаторы, раскрывающие разные «темы» (отрицание или оправдание доминирующего положения мужчины и разделения гендерных ролей; отрицание или принятие того, что главное в жизни женщины материнство и семья; принятие или отвержение роли домашней хозяйки; оправдание или отрицание традиционных ролей мужчины в семье), но одновременно вновь содержит «объединяющее начало» — традиционное или современное отношение к семейной и общественной жизни мужчин и женщин. Однако это интегральное отношение проявляется уже на другом уровне и к другим жизненным аспектам — на уровне общих гендерных диспозиций. Это отношение выражено как в каждом синдроме, так и на уровне в целом — о чем свидетельствуют значимые статистические связи.

Аналогичная картина зафиксирована и на последнем уровне, образованном ситуационными установками. Здесь гендерная доминанта сознания отражается в вербальном поведении, к которому в сложных жизненных ситуациях, требующих определенного выбора, более склонны респонденты — традиционно-патриархатному или современно-эгалитарному. Ситуации, в которых опрашиваемым предлагалось действовать, оказались объединенными по темам (внесемейная самореализация женщины, двойная мораль) и в то же время связанными между собой, как и на уровне общих гендерных диспозиций. Это свойство гендерной картины мира мы назвали *содержательной гендерной субдоминантностью*. Оно отражает содержательную структуру «внутри» общих доминант традиционности или эгалитарности на каждом уровне системы. Подчеркнем, что в данном случае принципиальное значение имеет само эмпирическое подтверждение наличия гендерной доминанты сознания и ее «разбиение» на субдоминанты внутри уровней системы. Самих же субдоминант может быть столько, сколько содержательных микротем будет содержать исследовательская модель гендерной картины мира.

Наличие не только горизонтальных значимых связей в пределах каждого уровня, о которых шла речь выше, но и вертикальных — уже между самими уровнями системы — свидетельствует о том, что гендерная доминанта сознания — тот «стержень», который пронизывает гендерную картину мира. Она является той характеристикой, которая и объединяет отдельные содержательные «составляющие» системы и, вероятно, сама «выкристаллизовывается» в результате их объединения.

Так гендерная доминанта сознания эмпирически «раскрывается» на всех уровнях традиционно-патриархатной и современно-эгалитарной моделей. Тем самым она и создает интегральный гендерный образ мира — его гендерную картину, в которой мужчинам и женщинам приписываются определенные гендерные идеалы, требуется выполнение определенных ролей и норм, обнаруживается склонность к различным образцам поведения в разных жизненных коллизиях.

Понятия «граница», «внутренняя неоднородность», «асимметрия строения», «центр (ядро) — периферия системы»

Теория семиотического пространства, связанная, прежде всего, с именем Ю. М. Лотмана, содержит целый ряд теоретических аспектов, важных для понимания структуры картины мира, в том числе

и гендерной. Это понятия *«граница»*, *«внутренняя неоднородность»*, *«асимметрия строения»*, *«центр (ядро) — периферия системы»*.

Семиотическое пространство — единое, взаимосвязанное целое, его модель — множество связанных, но различных систем. Единство достигается, во-первых, единством отношения к границе, отделяющей внутреннее пространство семиосферы от внешнего; во-вторых, метаструктурными построениями, вертикальными и горизонтальными взаимосвязями отдельных систем внутри этого пространства (Лотман 1996: 165–167). Выше мы рассмотрели такие взаимосвязи на примере гендерных картин мира. Обратимся теперь к тому, что позволяют сказать эмпирические данные о ее границе.

Границу семиосферы Ю. М. Лотман определяет как черту, которая отделяет «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» пространство от противостоящего ему «их-пространства», «чужого» «враждебного», «опасного», «хаотичного». Такое разбиение есть универсалия — «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”)» (Лотман 1996: 175). Иными словами, существует механизм, благодаря которому культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней «дезорганизации». «Они» — это конструкт, который построен как собственное перевернутое отражение культуры. «Они» — это «мы» с противоположным знаком (Лотман 1996).

Данная универсалия выделена очень точно. Она эмпирически ярко подтверждается и на примере гендерной картины мира. Полученные на основе факторного анализа структуры традиционно-патриархатного и современно-эгалитарного гендерных идеалов включают одобряемые и отвергаемые — взятые с противоположным знаком — свойства. Для тех, кто придерживается традиционных взглядов, наиболее привлекательна женщина верная, преданная, скромная, бескорыстная, способная пожертвовать многим ради семьи, мягкая, нежная, терпимая. Одновременно не приветствуется, если она активна, энергична, убеждена, что главное в жизни — реализовать свои способности, знания, хороший профессионализм, стремится к самостоятельности и экономической независимости, сильна, уверена в себе, стремится ни в чем не уступать мужчинам (в факторное решение эти качества вошли с отрицательными факторными нагрузками). Прямо противоположна картина у сторонников современно-эгалитарного гендерного идеала. Синдром привлекательных женских черт имеет у них обратную, «перевернутую» структуру: то, что считается важным в традиционно-патриархатной картине мира, отвергается, а то, что в ней не принимается, становится идеалом.

Так одновременно существуют различные гендерные картины мира, в рамках которых идеалы противоположны и содержат своеобразные «культурные перевертыши» — то, что для одних «наше», «свое», «привлекательное», для других уже становится «чужим», «не своим», «отвергаемым».

Внутреннее пространство семиосферы характеризуется неоднородностью, которая определяется *гетерогенностью и гетерофункциональностью* входящих в нее подсистем. Однако эта неоднородность *не должна превышать некоторую границу меры*. Излишнее разнообразие внутри семиосферы представляет для нее угрозу — система может потерять единство и «расползтись» (Лотман 1996: 166, 171). Как эмпирически определить эту «границу меры»? Где та грань, за пределами которой система «расползается»? На примере полученных нами данных, как было показано выше, можно видеть, что в течение длительного времени связи между подструктурами гендерной картины мира статистически значимы, устойчивы, но преобладают среди них не слишком сильные ($r = 0.2-0.5$). Таким образом, гендерная картина мира обладает *нежесткой структурой*. Этим, вероятно, с одной стороны, *обеспечивается гибкость, значительная вариативность поведения, а с другой, — гендерное «Я» удерживается от энтропии*. Можно предполагать, что мера взаимосвязей (уровень корреляций) является одним из эмпирических показателей той границы (в данном случае — не пространственной, а статистической), за пределами которой гендерная картина мира (как и любая другая) перестает существовать как таковая. Когда нет значимых, устойчивых связей между подструктурами, — тогда нет и оснований говорить о какой бы то ни было целостности, а, следовательно, и о картине мира как системе.

Неоднородность семиосферы проявляется также в том, что ее структура *асимметрична*. Эта асимметрия обусловлена соотношением центр — периферия. Центр (ядро) образуют традиционные структуры — то, что в первую очередь связано со стабильностью семиотического пространства в целом. Ю. М. Лотман многократно подчеркивает, что на периферии системы постоянно протекают противоречивые процессы, «кипит разнообразие тенденций», происходит вторжение «чужих» норм, в целом иной культуры. Иными словами, именно здесь — на периферии семантического пространства — запускается механизм его изменения (Лотман 1996). Полученные данные подтверждают, что одним из критериев отнесения тех или иных содержательных аспектов гендерной картины мира к центру, «ядру» является их историческая устойчивость, сохранность, относительная

неизменность в течение длительных временных периодов, способность «сопротивляться» внешним воздействиям. В нашем случае к таким воздействиям относятся прежде всего общественные трансформации. Изучение данного аспекта не являлось специальной задачей нашего исследования, однако некоторые результаты говорят в пользу этого положения. Согласно им традиционный взгляд на различные аспекты положения женщины и мужчины *в обществе* разделяет значительно меньшее число людей (четверть опрошенных), чем на их положение *в семье* (половина респондентов и более). Отношение к гендерным ролям в семье изменяется, но значительно медленнее, чем «вне дома». Такая неоднократно зафиксированная устойчивость дает не только теоретические, но и эмпирические основания считать, что семейная сфера входит в «ядро» гендерной картины мира.

Выводы

Данные, полученные на основе ряда эмпирических исследований, позволили подтвердить следующие теоретические положения. Гендерная картина мира является *моделью* отношения ее носителя к положению мужчины и женщины в мире. По сути дела в нашей работе она представляет собою *обыденную концепцию гендера*, поскольку в качестве объектов исследования в них выступали как население города (Санкт-Петербург, Тула), так и отдельная социально-демографическая группа (студенческая молодежь). Таких моделей представлено три — традиционно-патриархатная, переходно-амбивалентная и современно-эгалитарная. Структура каждой из них содержит следующие уровни: гендерные идеалы, общие гендерные диспозиции и ситуационные гендерные установки. Во всех проведенных исследованиях зафиксировано, что характеристики каждого уровня объединены в синдромы. Выявленные горизонтальные (между синдромами свойств) и вертикальные (между различными уровнями) структурные взаимосвязи свидетельствуют о том, что гендерная картина мира *целостна, ее характеристики упорядочены и образуют единство*. Эти взаимосвязи носят устойчивый характер: за 18-летний период они принципиально не изменились. Это свидетельствует в пользу *стабильности структуры* рассмотренных моделей.

В качестве объединяющей, «стержневой» характеристики гендерной картины мира выступает *гендерная доминанта сознания*. Это системообразующая, сквозная характеристика, которая проходит через все уровни и является *интегральным отношением к положению женщины*

и мужчины в семье и обществе. В ней в сжатом виде выражена общая позиция индивида. Подтверждено, что содержательно гендерная доминанта сознания по-разному «раскрывается» на каждом из уровней системы в соответствии с его спецификой, но при этом всегда сохраняет интегральное для модели значение — традиционный или современный взгляд на гендерные отношения.

Большую, мало изученную в отечественной социологии лакуну образуют проблемы, связанные с *регуляторной функцией* гендерной картины мира. Хотя считается само собой разумеющимся, что она эту функцию выполняет, в действительности в этой сфере больше вопросов, чем ответов. Как убедительно свидетельствуют исследования (Росс, Нисбет 1999), реальное поведение людей довольно слабо связано с разделяемыми ими ценностями и идеалами, а власть ситуации, в которой оказывается человек, напротив, очень велика. Ситуационные факторы зачастую играют решающую роль в выборе того или иного поведения. Именно поэтому, с нашей точки зрения, специальной дальнейшей разработки заслуживает уровень ситуационных установок гендерных картин мира, поскольку он служит тем ближайшим «переходным мостом», который соединяет гендерное сознание и реальное гендерное поведение.

Изменяются взгляды людей, трансформируется конкретное содержание гендерных картин мира, а та структура, в рамках которой это происходит, остается прежней. Вместе с тем вслед за В. А. Ядовым подчеркнем, что подтвержденное наличие в гендерном сознании описанных моделей не означает того, что они исключают наличие каких-либо других. Их обнаружение потребует лишь нового доказательства взаимосвязанности, упорядоченности уже других структурных характеристик — в целом того, что они действительно являются моделью и содержат какое-то другое интегральное отношение к положению женщины и мужчины в мире.

Источники

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Введение // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М., 1985. С. 40–75.

Давыдов Ю. Н. «Картины мира» и типы рациональности (Новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 736–769.

Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в методологических системах // Культурология XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 213–255.

Коваль В. М. Картина мира как концептуальная основа деятельности и сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Вып. 3. СПб., 2008. С. 412–417.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Издательство АСТ, 2019. 256 с.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради / СПб филиал Института социологии РАН. Вып. первый. СПб., 1997. С. 17–44.

Нечаева Н. А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради / СПб филиал Института социологии РАН. Вып. второй. СПб., 1999. С. 5–19.

Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодежи (1999–2014 гг.) // Петербургская социология сегодня / Социологический институт РАН. Вып. 8. СПб., 2017. С. 160–178.

Росс Л., Нисбет Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс. 1994. 688 с.

Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Издательство Юрайт, 2018. 310 с. (Антология мысли). [Электронный ресурс] // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: <https://biblio-online.ru/bcode/416216> (дата обращения: 30.12.2019).

Шлюхтер В. Действие, порядок и культура: основные черты веберианской исследовательской программы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Том VII, № 2. С. 22–50.

Бажанов В. А., Баранец Н. Г., Тихонов А. А. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 1248 с.

References

Weber M. Hozyaystvennaya etika mirovyh religiy. Vvedenie [The economic ethics of world religions. Introduction]. *Raboty M. Vebera po sotsiologii religii i ideologii* [M. Weber's works on the sociology of religion and ideology]. Moscow, 1985. pp. 40–75 (In Russian)

Davydov Yu. N. “Kartiny mira” i tipy ratsional’nosti (Novye podhody k izucheniyu sotsiologicheskogo naslediya Maksa Vebera) [“Worldviews” and types of rationality (New approaches to the study of the sociological heritage of Max Weber)]. *M. Veber. Izbrannnye proizvedeniya* [M. Weber. Selected works]. Moscow, Progress, 1990, pp. 736–769. (In Russian)

Dil'tey V. Tipy mirovozzreniya i obnaruzhenie ih v metodologicheskikh sistemah [Types of worldview and their detection in methodological systems]. *Kul'turologiya 20-y vek: Antologiya* [Cultural Studies of the 20th Century: Anthology]. Moscow, Yurist, 1995, pp. 213–255. (In Russian)

Koval' V. M. Kartina mira kak kontseptual'naya osnova deyatel'nosti i soznaniya [Worldview as a conceptual basis of activity and consciousness]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo*

universiteta. Ser. 12 Vyp. 3 [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 12, iss. 3.]. Saint Petersburg, 2008, pp. 412–417. (In Russian)

Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, AST, 2019, 256 p. (In Russian)

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow, Russian Culture Languages, 1996, 464 p. (In Russian)

Nechaeva N. A. *Patriarhatnaya i feministskaya kartiny mira: analiz struktury massovogo soznaniya. Gendernye tetradi* [Patriarchal and feminist worldviews: analysis of the structure of mass consciousness. Gender Notebooks], Iss. 1. Saint Petersburg, Institute of Sociology RAS, 1997, pp. 17–44. (In Russian)

Nechaeva N. A. *Ideal zhenshchiny v strukture gendernykh kartin mira. Gendernye teradi* [Women's ideals in the structure of gender pictures of the world. Gender Notebooks], Iss. 2. Saint Petersburg, Institute of Sociology RAS, 1999, pp. 5–19. (In Russian)

Nechaeva N. A. *Gendernye idealy molodezhi (1999–2014 gg.)* [Youth's gender ideals (1999–2014)]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Sociology of Saint-Petersburg today]. Iss. 8. Saint-Petersburg, Institute of Sociology RAS, 2017, pp. 160–178. (In Russian)

Ross L., Nisbet R. *Chelovek i situatsiya. Perspektivy sotsial'noy psikhologii* [The man and the situation. Prospects for social psychology]. Moscow, Aspekt Press, 1999, 429 p. (In Russian)

Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual: A dispositional concept]. Moscow, CSPiM, 2013, 376 p. (In Russian)

Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow, Feniks, 1994, 688 p. (In Russian)

Uhtomskiy A. A. *Uchenie o dominante* [Doctrine of dominant]. Moscow, Urait, 2018. 310 p. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/416216> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Shlyuhter V. *Deystvie, poriyadok i kul'tura: osnovnye cherty verberianskoy issledovatel'skoy programmy* [Action, Order, and Culture: Key Features of the Weberian Research Program]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2004, vol. VII, no. 2, pp. 22–50. (In Russian)

Bazhanov V. A., Baranets N. G., Tihonov A. A. *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, Kanon+, Reabilitatsiya, 2009, 1248 p. (In Russian)

Нечаева Наталья Александровна, научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Nechaeva Natalia A., Researcher,

The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of Russian Academy of Sciences.

n_nechaeva@yahoo.com

О. Н. БУРМЫКИНА

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ МЕЖПОКОЛЕННЫХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Трансформации современной российской семьи, специфика которых состоит в сохранении традиционности и преемственности, и в то же время — открытости новому, происходят на фоне социальных изменений, связанных с поколенческими сдвигами. В жизнь вступает поколение с другими ценностями и взглядами. При сохранении высокой значимости семьи и межпоколенных отношений меняются поведенческие паттерны. В последние годы возникли как абсолютно новые явления и формы поддержания семейной коммуникации, так и относительно новые, не имевшие ранее широкого распространения. На материалах эмпирического исследования представлений петербургских студентов о семье и их взаимодействий с родителями доказывается одновременное существование старых и новых явлений и тенденций межпоколенных отношений. Делается вывод о сохранении межпоколенной преемственности. Однако неоднозначность оценок молодых свидетельствует об усилении прагматичного подхода. Большую роль в межпоколенных отношениях начинают играть внешние обстоятельства и конкретные ситуации.

Ключевые слова: семья, межпоколенные отношения, специфика трансформаций, представления, молодое поколение, преемственность поколений, межпоколенная солидарность.

BURMYKINA OLGA N.

TRENDS OF CHANGES OF INTERGENERATIONAL FAMILY RELATIONS

Transformations of the modern Russian family, the specificity of which consists in the preservation of traditionalism and continuity, and at the same time — the openness to new things, occur against the background of social changes associated with generational shifts. A generation enters life with different values and attitudes. While maintaining the high significance of the family and intergenerational relationships, behavioral patterns change. In recent years, both absolutely “new” phenomena and forms of maintaining family communication have emerged, as well as relatively “new” ones that did not have wide distribution earlier. The materials of an empirical study of Petersburg students' ideas about the family and their interactions with parents prove the simultaneous existence of “old” and “new” phenomena and tendencies of intergenerational relations. The conclusion is made about the preservation of intergenerational continuity. However, the ambiguity of the assessments of young people suggests a more pragmatic approach. External circumstances and specific situations are beginning to play a big role.

Keywords: family, intergenerational relations, the specifics of transformations, representations, the young generation, continuity of generations, intergenerational solidarity.

Институт семьи — о чем свидетельствует его многовековая история — оказался наиболее стабильной общностью (Голод 1998: 49). Ее роль становится все более значимой в странах, переживающих глубокие социальные трансформации. Именно семья обеспечивает экономическую и психологическую безопасность существования человека и устойчивость социальной структуры общества за счет своего воспроизводства. Одним из основных факторов, поддерживающих стабильность самой семьи как социального института и малой группы, являются межпоколенные семейные отношения, которые выполняют важнейшую функцию — трансляцию ценностей из поколения в поколение, обеспечивающую культурную непрерывность общества и социализацию молодых людей. Взаимодействие разных поколений происходит на всех стадиях жизненного цикла семьи. Межпоколенные отношения долгосрочны, часто непрерывны на протяжении всей жизни человека и семьи, динамичны и разнообразны. Межпоколенные отношения имеют специфику на разных стадиях развития семьи, включая структуры возможностей для взаимодействия. Они отражают поведенческие и эмоциональные аспекты, касаются обменов разнообразными ресурсами и поддержанием норм, принятых в обществе относительно взаимных обязательств.

Семья является одной из основных ценностей, которые устойчивы и мало подвержены изменениям. Вместе с тем современная семья, как и все общество, изменяется: наблюдается многообразие семейных типов и конфигураций, меняются матримониальные и прокреационные установки и поведение, институциональные аспекты брака становятся менее важными, проявляется вариативность представлений в сфере родительства и разнообразие отношений между разными поколениями членов семьи. Претерпевают значительные изменения и ее традиционные функции — репродуктивная, экономическая, социализации и др. «Эти изменения, во многом определяющие современные нормы жизнедеятельности и направленность развития семьи, вызваны как общими процессами, характерными для всех развитых стран, так и колоссальными сдвигами, инициированными радикальными реформами в постсоветском обществе» (Козырева, Лежнина 2014: 192). Трансформационные процессы в семейной сфере, происходящие в контексте глобальных вызовов и в ходе структурных преобразований российского общества, признаются всеми отечественными исследователями (Гурко 1995, 2017; Голод 1996, 1998, 2003; Захаров 2006; Вишнеvский, Захаров, Иванова 2008; Кон 2011;

Козырева, Лежнина 2014; Жизненные миры современной российской семьи... 2015; Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире... 2015; Настоящее и будущее российской семьи... 2018; Кучмаева, Ростовская 2019). Изменения современной семьи напрямую отражаются на межпоколенных взаимодействиях. Происходит уход от традиционной патриархальной семьи, в основе которой лежит жесткое главенство старшего поколения, уважение к традициям и безусловная забота детей о родителях. Трансформируются супружеские отношения и отношения детей, родителей и прародителей. Существование разнообразных семейных форм приводит к разнообразию паттернов межпоколенных взаимодействий: от солидарности (Синявская, Гладникова 2007; Корчагина, Прокофьева 2007, 2009; Миронова 2014; Судьин, Кутявина, Курамшин 2018), амбивалентности, сочетания близости и дистанции (Климантова 2015) до межпоколенных конфликтов (Вдовина 2005), кризисов (Синельников 2015), разрывов (Даффлон 2008), дистанцирования (Старчикова 2012).

Таким образом, семья и межпоколенные семейные взаимодействия — это те сферы жизни, в которых сохраняются традиционность и преемственность, и в то же время они открыты новому, которое во многом определяется особенностями демографических и социально-экономических структур и процессов. *Специфика трансформаций семьи и межпоколенных отношений проявляется в сочетании, одновременном существовании старых и новых явлений и трендов их развития.* Устоявшиеся, старые понятия и отношения, изменяясь в современных условиях, наполняются новым содержанием. Наблюдается разнообразие и вариативность поведенческих предпочтений в отношениях между старшим и младшим поколением семьи. В последние годы возникли как абсолютно новые явления, например, расширился потенциальный круг родственников, появились новые формы поддержания семейной коммуникации с помощью современных телекоммуникационных технологий, так и относительно новые, не имевшие широкого распространения ранее, но проявляющиеся уже в других масштабах, например, тенденции замещения функций нукlearной семьи.

Особенностью современного этапа развития России является то, что в жизнь вступает поколение, социализация которого пришлась на начало нового века. Появляются молодые люди с другими поведенческими практиками, ценностями, взглядами на социальную реальность. Молодежь не только отражает современное восприятие семейных ценностей и отношений между разными поколениями членов семьи, но и является основным источником семейного воспроизводства в настоящем и будущем. Отечественные исследователи дают разностороннюю картину представлений молодых людей о семье и межпоколенных отношениях,

браке, сексуальности, рождаемости, родительстве (Гурко 2006; Козырева, Лежнина 2014; Гурко, Хромачева 2015; Жизненные миры современной российской семьи... 2015; Ростовская, Заярская 2017; Зубок, Чупров 2018; Яковлева 2018; Радаев 2018). При сохранении высокой значимости семьи и детей меняются поведенческие паттерны. К числу наиболее важных из них относятся: более позднее вступление в брак и время оставления родительского дома, рост числа неполных семей, увеличение числа разводов и необязательность совместного проживания супругов, распространение малодетности и увеличение числа детей, родители которых живут в незарегистрированном браке (Козырева, Лежнина 2014: 219; Радаев 2018); увеличение доли расширенных семей (супружеские пары или матери с детьми, живущие с родителями или другими родственниками). Изучение представлений российского населения в целом и в частности — молодежи относительно родственных обязательств, ответственности и поддержки между разными поколениями членов семьи показали их стабильность, высокую степень согласия с общими положениями о моральном долге, обязанности, ответственности, взаимной заботе (Корчагина, Прокофьева 2007, 2009, 2013; Бурмыкина 2017). Однако мнения молодых относительно готовности к действиям противоречивы, связь между декларируемыми ценностями межпоколенной поддержки и поведением не безусловна, а зависит от конкретной жизненной ситуации. В целом их взгляды на окружающую действительность, свое место и действия в ней поляризованы. Так, исследование общих жизненных установок петербургских студентов показало, что «активному, рациональному началу почти в той же мере противопостоят пассивность и эгоцентризм. Но большую часть составляют те, кто является носителем не столь однозначно выраженных жизненных установок» (Нечаева 2018: 24). Противоречивость и поляризованность взглядов в немалой степени обусловлена социальным неравенством среди молодого поколения, выраженность которого высока. Российская молодежь дифференцирована по разным основаниям — по доступу к материальным благам, культурным ценностям, по месту проживания (мегаполисы / малые города, села), по возможностям самореализации (обучение и трудовая сфера).

Проведенное нами исследование¹ было направлено на изучение проблемы преемственности поколений в современных российских семьях.

¹ Эмпирическое исследование «Молодежь и современная семья» проведено в октябре–ноябре 2017 г. В исследовании приняли участие 132 студента вузов Санкт-Петербурга, средний возраст 19 лет. Большая часть респондентов (90%) еще не создали своей семьи, лишь единицы из них были женатыми или замужними людьми. В гражданском браке состояли 8%. 46% опрошенных были коренными петербуржцами и уроженцами других крупных городов, 54% — выходцами из средних и малых городов, а также сельских районов.

Объектом выступало молодое поколение (студенты вузов). Выбор студенческой молодежи в качестве объекта исследования обусловлен тем, что это социально продвинутая группа, которая формирует образ будущего и несет функцию его социального воспроизводства. Считается, что представления студенческой молодежи являются прогностическим источником информации о тенденциях развития семьи и брака, а также о взаимоотношениях между поколениями в начале XXI в. (Гурко, Хромачева 2015: 61). Цель данной работы состояла в описании и анализе представлений молодого поколения — петербургских студентов о семье и межпоколенных взаимодействиях. Задачи исследования заключались в описании старых и новых явлений и тенденций развития семьи и межпоколенных отношений и в эмпирической проверке некоторых из них.

Результаты

1. Старые тенденции, касающиеся семьи и связей между поколениями

1.1. Тенденция неизолированности нуклеарной семьи от других родственных связей. Этот тезис был сформулирован В.Б. Голофастом (Голофаст 2006: 55). Нуклеарная семья сохраняет социально и психологически важные связи с другими родственными семьями, о чем свидетельствует разнообразный семейный контекст, включающий в себя различные типы конфигурации семей. Среди них представлены и те, которые не ограничены нуклеарной семьей, а состоят как из кровных, так и некровных родственников. Круг родства индивида или семейной группы значительно шире круга совместно проживающих членов семьи. Родственная сеть, по крайней мере, в ее наиболее прочных кровных и родственных элементах, играет активную роль в общей динамике отношений. В целом родственники рассматриваются как опора, на которую можно положиться в повседневной жизни и в трудной ситуации. Однако оценки тесноты родственных связей российских семей неоднозначны и противоречивы. Одни исследователи говорят, что родственные отношения остаются достаточно тесными и разнообразными, интенсивными и близкими (Синявская, Гладникова 2007: 520, 540). Другие — указывают на тенденцию некоторого ослабления родственных связей в современном обществе (Корчагина, Прокофьева 2013: 102). Третьи отмечают: «родственные связи россиян становятся все менее тесными, <...>, понятие «родные» постепенно утрачивает свои позиции, <...> с родственниками общаются только 79%» (Лежнина 2016: 70). Вряд ли можно согласиться с подобным обоснованием вывода автора об ослаблении позиций родственных взаимодействий, учитывая, что только каждый пятый человек не поддерживание отношения с родными.

1.2. Тенденция к симметрии моделей поведения и взаимозависимости, изменению направленности межпоколенной поддержки.

Главным во взаимоотношениях поколений в семье остается не только и не столько передача разнообразных ресурсов, а их коллективное использование в индивидуальных и семейных целях. В повседневной жизни российских семей практикуются достаточно разнообразные модели поведения, в основе которых лежат межпоколенные трансферты — материальные (деньги, продукты, вещи) и нематериальные (помощь по хозяйству, помощь по уходу за детьми и больными членами семьи и стариками и т.п.). Как правило, все практики симметричны, но неэквивалентны. Направленность межпоколенной поддержки меняется с изменением потребностей членов семьи, обусловленных стадией жизненного цикла разных ее поколений, и с возможностью оказать эту поддержку. Практически все мировые исследователи, в том числе и российские, приходят к выводу о том, что потоки материальной помощи идут от старшего поколения к младшему. Помощь со стороны последнего чаще всего осуществляется в форме инструментальных или функциональных трансфертов. Наблюдаются большие различия направленности поддержки в городе и сельской местности. Связанность межпоколенных отношений через «выравнивание отданного и полученного» дает человеку ощущение идентичности с семьей.

1.3. Тенденция сохранения гендерного дисбаланса в поддержке межпоколенных отношений. Традиционно женщины более, чем мужчины включены в поддержание родственных связей: они чаще встречаются и общаются, более эмоционально вовлечены в отношения с родственниками, больше помогают и поддерживают и больше получают в ответ. На женщинах лежит основная нагрузка по обеспечению ухода и предоставлению помощи разным поколениям семьи, хотя современные молодые люди и являются сторонниками скорее гендерного равенства, чем «разделения труда» относительно заботы о самых «малых» и «старых» членах семьи.

1.4. Тенденции сохранения эмоциональной привязанности разных поколений членов семьи и сохранения конфликтов между поколениями в семье. Семья и родственники делают жизнь полноценной и содержательной. Именно семья для большей части россиян является местом, где психологически комфортно жить, где близкие люди, которые тебя понимают и которым можно доверять. Наши исследования отношений петербургских студентов со своими родителями показали высокий уровень эмоциональных взаимодействий: члены семьи разных поколений затрачивают много душевных сил, чтобы поддержать друг друга в трудных ситуациях (потери близких людей, проблемы со

здоровьем) и в обыденной жизни (трудный день, плохое настроение) (Бурмыкина 2008; 2015: 227). Межпоколенческие взаимодействия в семье все в большей мере начинают основываться на эмоциональной коммуникации, нежели на экономическом обмене, хотя значимость последнего остается достаточно высокой. Эмоциональная окрашенность межпоколенных отношений в семье, в частности отношений между родителями и детьми, по-видимому, объясняется тем, что для большого числа людей именно дети становятся одной из главных ценностей в жизни. Сохранение и даже усиление эмоциональной привязанности разных поколений членов семьи возможно связано и с тем, что «у (пост) современной семьи остается одна важная, неотчуждаемая функция, которую практически невозможно передать на аутсорсинг другим социальным институтам — это интимность, психологически близкие отношения между членами семьи, не только между супругами, но и между родителями и детьми» (Чернова 2019: 225).

Для российских семей остается актуальной и проблема межпоколенческого конфликта, который выражается в сложных взаимоотношениях родственников, вызванных нарастанием межпоколенческих противоречий, материальных проблем, сложностью разрешения жилищных вопросов и т.д. Этот конфликт, играя неоднозначную роль в жизни личности, семьи и общества, зачастую имеет деструктивные формы (Вдовина 2008).

2. Новые явления и тенденции межпоколенных отношений

Представляется, что возникновение и развитие новых явлений в межпоколенных отношениях явилось отражением основополагающих трендов современного общества, касающихся семейной сферы — растущей ценности семьи и интимности, субъективного благополучия, автономии и значимости каждого члена семьи (Чернова 2019: 225) и релятивизацией нормативности (Голод 1998; Елисеева, Клецин 2010). «С социологической точки зрения обнаруживается неоднозначность, гибкость нормативной системы. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием. Не воспринимаются маргинальными дети, рожденные вне брака. Словом, современная нормативность, оставаясь общественным регулятором, в большей мере учитывает личностное своеобразие человека, чем нормативность традиционная» (Голод 1998: 60–61). Следствием подобного состояния является нарастание процесса многообразия в организации семейной и частной жизни в целом. Говоря о современной семье, исследователи употребляют множественное число (Гурко 1995: 96; Голод 1998: 240).

При оценке семейных отношений на первый план выходят качественные критерии — понятие субъективного благополучия каждого отдельного члена семьи (Кон 2011: 63). Мозаичность и всецветность современной семейной сферы, акцент на значимости членов семьи и проявляется в отношениях между разными поколениями членов семьи.

Как уже отмечалось, новые явления и тенденции развития межпоколенных семейных отношений во многом определяются особенностями демографических и социально-экономических структур и процессов и проявляются как в позитивных, так и в негативных формах. *Зачастую «новое» — это «старое» явление, не имевшее широкого распространения ранее и проявляющееся уже в других масштабах.* Отметим некоторые из них.

2.1. Тенденция расширения возможностей, поддержки и взаимного влияния между разными поколениями семьи. Демографические изменения — фундаментальные процессы снижения смертности, роста ожидаемой продолжительности жизни и снижения рождаемости — привели к необратимым изменениям возрастной пирамиды населения. Время жизни поколений увеличилось. Сегодня мы имеем более долгие годы «разделяемой жизни» нескольких поколений. Эти долгие годы «совместного проживания» разных поколений семьи обеспечивают преемственность и стабильность семьи во времени. Увеличение продолжительности жизни членов семьи ведет к увеличению доступности старших поколений, что предоставляет потенциальный ресурс благополучия и поддержки младших поколений в семье на протяжении всей их жизни. Родители и прародители как помогали, так и продолжают помогать своим детям, внукам и правнукам. В то же время долгие годы «разделяемой» жизни связаны с затяжными годами ухода за пожилыми родственниками. Появляются модели «двуцентристских» семей, отражающие заботу не только о детях, но и прародителях. Возникают проблемы среднего поколения, несущего двойную нагрузку.

2.2. Тенденция расширения потенциального круга родственников. Индивидуализация семейных отношений и плюрализация семейных форм, расширение числа жизненных устройств, явившихся следствием разводов и повторных браков, значимость разнообразия псевдородственных отношений, таких, в которых люди не связаны кровным или брачным статусом, но считают себя членами семьи, приводят к расширению круга родственников, которые становятся потенциальными источниками заботы и поддержки разных поколений семьи. Так, во многих случаях после развода отношения свойства — отношения между собой родственников каждого из супругов — сохраняются. Иногда именно бывшие невестки и зятья оказываются единственными

источниками помощи старшему поколению. Вместе с тем существуют и проблемы во взаимоотношениях разных поколений смешанных (сводных) семей (отношений сводных братьев и сестер, отчимов и мачех с пасынками и падчерицами и т.д.), которые приводят к конфликтам.

В нашем исследовании данная тенденция подтвердилась. Многообразие семей и стилей семейной жизни, важность псевдородственных отношений сделали неоднозначным очерчивание границ семьи и идентификацию ее членов. Определение членов семьи не ограничивается такими традиционными критериями, как роли нуклеарной семьи, ведение общего домохозяйства, совместное проживание и т.д. Категорией, позволяющей расширить представления о многообразии форм отношений между людьми, является категория «значимый член семьи». «*Значимый член семьи*» — это тот человек, который играл определенную роль в течение ряда лет жизни респондента и кого *он считал* членом своей семьи. Респондентов просили указать всех людей, которых они рассматривали как значимых членов своей семьи и дать точное описание своей связи с ними. Более половины участников опроса (52%) назвали значимыми членами семьи только кровных родственников (мать, отец, брат, сестра, бабушки, дедушки, тети, дяди, племянники, прабабушки, двоюродные и троюродные братья и сестры). Для остальных (48%) значимыми оказались не только кровные, но и названные родственники (мачехи и отчимы, жены/мужья братьев, сестер, дядь, тетя, родители мужа), а также люди, не связанные узами крови и родства (подруги, друзья, крестные, партнеры — молодые люди и девушки). В 2007 г. это соотношение составляло 73% к 27% (Бурмыкина 2018: 37–38).

В структуре значимых членов семьи четко выделилось **ЯДРО** — кровные родственники, члены нуклеарной семьи и прародители: первые ранговые места занимают мать (99%), отец (84%), бабушки по материнской (67%) и отцовской линии (37%), родные братья (36%) и сестры (27%), дедушка по материнской линии (33%); **ближняя периферия** — партнеры — молодой человек, девушка, гражданский муж (27%), кровные родственники — сверстники, двоюродные братья и сестры (17%) и **дальняя периферия** — друзья, подруги (13%), крестные родители (8%), отчимы — мачехи (8%), другие названные родственники — партнеры родственников респондента и родственники его партнеров (4% и 2%). Доминирующий тип семейного контекста по линиям родства — родственники по материнской и отцовской линиям, а также некровные родственники и партнеры.

Таким образом, семейная сеть включала: кровных родственников разных поколений семьи от племянников до прародителей; некровных родственников, связанных отношениями свойства; некровных

родственников, связанных узами дружбы и партнерства. Сохранение ядра значимых членов семьи — членов нуклеарной семьи — и прародителей свидетельствует о сохранении традиционных, основанных на родстве механизмов формирования чувства принадлежности к семье. В то же время значимость партнеров — людей, не связанных кровными или родственными узами, — говорит о трансформации этих механизмов.

2.3. Тенденция разнообразия и вариативности поведенческих предпочтений в межпоколенных отношениях. Временная, возрастная, территориальная свобода выбора форм и способов семейных отношений отражается в разнообразии и вариативности поведенческих предпочтений в межпоколенных отношениях. На фоне сохранения разделяемых всеми представлений о родственных обязательствах, моральном долге, ответственности, заботе молодое поколение демонстрирует новый тип поведения, а старшее — скорее придерживается традиций. Этот новый тип поведения во многом обусловлен *контекстуальными факторами, т. е. внешними обстоятельствами и конкретными ситуациями в личных отношениях разных поколений членов семьи*, когда жизнь заставляет действовать вопреки общим представлениям. В вопросах, касающихся материальной взаимопомощи, молодые люди прагматично считают, что помогать надо только при определенных условиях, по возможности. Несмотря на то, что молодое поколение экономически более активно и лучше адаптировано к условиям рынка, изменение потока материальной помощи от детей к родителям не происходит. Старшее же поколение придерживается традиционно сложившихся стереотипов поведения, например, в отношении обязательности помощи молодым семьям. Представления молодого поколения о потенциальной взаимной готовности к конкретным действиям (изменить свою жизнь, чтобы помочь друг другу, принять или отклонить предложение о выгодной работе в ущерб интересам семьи, поменять режим работы ради ухода за нездоровыми родственниками) амбивалентны. Отход от «безусловности» поддержки происходит и со стороны старшего поколения по отношению к взрослым детям. Изменение социально-экономического статуса может привести и к изменению модели поддержания межпоколенных и родственных отношений в целом, которые строятся по принципу «сочетания близости и дистанции».

Новой формой поддержания коммуникации разных поколений семьи стало использование современных телекоммуникационных технологий, например программы скайп. Межпоколенные контакты, осуществляемые в режиме online, дают ощущение близости с родными и близкими, как бы далеко они не находились, включенности в жизнь разных поколений семьи.

Исследование представлений петербургских студентов об их отношениях со своими родителями показало, что в указанной выше тенденции релятивизации нормативности в семейной сфере в целом есть исключение. Взаимопомощь разных поколений членов семьи сохранила свои традиционные черты: она принята в большинстве семей и по сути является нормой. Семейный долг и обязанности разных поколений членов семьи — не пустые слова. «Долговые обязательства» взрослых детей по отношению к родителям безусловны и более жесткие: независимо ни от каких обстоятельств и жизненных ситуаций они должны помогать своим родителям, брать на себя ответственность за заботу о них. Однако, признавая моральный долг перед старшим поколением семьи, молодое поколение не всегда готово поступиться собственными материальными и профессиональными интересами. Две трети молодых людей полагают, что даже при ограниченных возможностях следует помогать деньгами родителям, треть — только при наличии таких возможностей. Каждый пятый респондент затруднился ответить на вопрос, должны ли взрослые дети быть готовыми изменить привычную жизнь, сменить работу, жить вместе, чтобы заботиться о престарелых родителях. Готовность остальных не столько единодушна, что говорит скорее о нежелании терять профессиональный статус и доходы, менять сложившийся уклад жизни. При переходе от абстрактной ситуации к конкретной наблюдается рост прагматичных оценок. Возрастает роль внешних факторов и конкретных ситуаций в межпоколенных контактах.

Семейные связи не ограничиваются домашним хозяйством или нуклеарной семьей, а могут поддерживаться на расстоянии. Чувство семейной принадлежности может быть дистанционным, без регулярного совместного присутствия, но через посещения, телекоммуникационное общение. Семейные контакты участников нашего исследования измерялись на основе ответов на вопросы о частоте встреч и общения по телефону, электронной почте, скайпу и т.п. с матерью и отцом, которые проживают **отдельно** от респондентов. Ответы давались по трехбалльной шкале от «не реже одного раза в неделю» до «не реже одного раза в год». К шкале ответа на вопрос о частоте общения была добавлена графа «каждый день».

Исследование показало, что в повседневной жизни молодых людей происходит постоянное межпоколенное общение, особенно важное в ситуации раздельного от семьи проживания, чему в немалой степени способствуют современные телекоммуникационные технологии. Несмотря на то, что более половины молодых людей живет отдельно от родителей, связь с ними не прерывается. Частота непосредственных контактов с матерью и отцом подавляющего большинства студентов

невысока: несколько раз в год или реже виделись с матерью 68%; с отцом — 72%. «Компенсируют» редкость встреч опосредованные контакты, которые превалируют над прямыми. Разговоры по телефону с родителями постоянны, о чем говорит их частота в ежедневном режиме или несколько раз в неделю. Наиболее интенсивно общение с матерью: большая часть респондентов (92%) ежедневно или несколько раз в неделю разговаривает с ней по телефону или скайпу. Разговоры с отцом происходят реже (62%). Практически ежедневные телефонные разговоры молодых людей с родителями говорят об их включенности в жизнь друг друга. Для старшего поколения это общение не только источник информирования, моральной поддержки, но и избавления от социальной изолированности, что, по-видимому, особенно актуально, в первую очередь, для многих прародителей.

2.4. Тенденция замещения функций нуклеарной семьи. Нестабильность браков и рост разводов ослабляют способности нуклеарной семьи обеспечить процесс социализации и воспитания детей и необходимую поддержку членов семьи, что приводит к возрастанию значимости старших поколений в осуществлении семейных функций. Примером являются «прочие семьи» — в основном это семьи с «пропущенным поколением», в составе которых отсутствуют в силу разных причин родители, соответственно прародители и другие родственники вынуждены воспитывать внуков. Безусловно, и раньше существовали семьи, в которых дети воспитывались бабушками и дедушками, тетями и дядями, старшими сестрами и братьями. *Новым являются масштабы этого явления:* согласно переписи населения 2010 г., в структуре всех российских семей «прочие семьи» составили 9,6% (Итоги переписи населения 2010... Т. 6).

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий привело и к замещению репродуктивной функции нуклеарной семьи. Ближайшая кровная родственница (мать) становится суррогатной матерью ребенка для семьи своей дочери, которая в силу разных причин не может родить (Божко 2010; Бабушка родила себе... внуков 2010; Бабушки, родившие собственных внуков... 2013).

Выводы

Итак, подтвердилась общая закономерность развития семьи, своеобразный парадокс, отмечаемый исследователями: «семьи и семейные ценности меняются, оставаясь при этом неизменными. <...> Эта возвратно-поступательная динамика между непрерывностью и изменением всегда очевидна, <...> и, несомненно, будет продолжаться в течение ближайших десятилетий» (De Frain 2018: 74).

Исследование выявило специфику социальных трансформаций современной российской семьи и межпоколенных отношений, состоящую в сохранении традиционности, преемственности и открытости новому. Анализ полученных данных показал одновременное существование, наложение друг на друга старых и новых явлений и тенденций развития семьи и межпоколенных отношений. Сохранение ядра значимых членов семьи — членов нуклеарной семьи — и прародителей свидетельствует о сохранении традиционных, основанных на родстве механизмов формирования чувства принадлежности к семье и создания социальных связей. В то же время значимость партнеров — людей, не связанных кровными или родственными узами, — говорит о новом, свидетельствующем об изменении этих механизмов, возможности поддержки и взаимного влияния между разными поколениями семьи, в целом потенциальный круг родственников расширяется.

Взаимоотношения родителей со своими детьми, как маленькими, так и взрослыми, в течение последних десятилетий меняются, становясь все более эмоционально направленными, определяются глубиной взаимной привязанности друг к другу. Несмотря на раздельное проживание разных поколений членов семьи, характер и интенсивность межпоколенных отношений и трансфертов остаются высокими, что свидетельствует о более сложной организации межличностных взаимодействий в семье. Современные телекоммуникационные технологии в немалой степени способствуют постоянному общению, дают ощущение близости с родными и близкими, как бы далеко они не находились, включенности в жизнь разных поколений.

На фоне смены поколений в российских семьях сохраняется межпоколенная преемственность, о чем свидетельствует безусловное признание долга, ответственности, обязанности заботы о старшем поколении; постоянное общение и обмен всевозможными ресурсами. Однако оценки молодого поколения по многим показателям межпоколенных взаимодействий амбивалентны. Современная российская реальность порождает более прагматичный подход к жизни. Большую роль начинают играть контекстуальные факторы, т. е. внешние обстоятельства и конкретные ситуации в межпоколенных контактах. В целом же выводы относительно роли молодого поколения в развитии российской экономики справедливы и для развития сферы семьи и межпоколенных отношений: «Чувство нового, современного не исключает опору молодежной среды на традиционные смысло-жизненные основы своего существования. И в этом — залог преемственности поколений даже в условиях динамичного, прорывного развития» (Горшков 2018: 7).

Источники

Божско М. Бабушка родила себе внуков // Газета «Собеседник» [Электронный ресурс]. 2010. 7 сентября. URL: <http://sobesednik.ru/incident/sobes-34-10-babushka?quicktabs-1=0> (дата обращения: 30.12.2019).

Бабушка родила себе... внуков // Обозреватель [Электронный ресурс]. 2010. 6 сентября. URL: <https://www.obozrevatel.com/news/2010/9/6/388884.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Бабушки, родившие собственных внуков // Дети Mail.ru [Электронный ресурс]. 2013. 17 мая. URL: <https://deti.mail.ru/news/babushki-rodivshie-sobstvennyh-vnukov/> (дата обращения: 30.12.2019).

Бурмыкина О. Н. Семейные и межпоколенческие взаимодействия петербургских студентов начала XXI века // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 3 (44). С. 48–64.

Бурмыкина О. Н. Межпоколенные взаимодействия в семье: поддержка и социальные сети // Семья в России и Китае. Процесс модернизации / Под ред. И. И. Елисевой и Аньци Сюй. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 199–232.

Бурмыкина О. Н. Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 27–46.

Вишневский А. Г., Захаров С. В., Иванова Е. И. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 9. С. 4–9.

Вдовина М. В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102–104.

Вдовина М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2008. 35 с.

Горшков М. К. Молодежь и экономика будущего // Управленец. 2018. Т. 9. № 3. С. 2–7 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-ekonomika-buduschego/viewer> (дата обращения: 30.12.2019).

Гурко Е. М. Представления студенческой молодежи о браке // Актуальные проблемы семей в России / Ред. Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 200–210.

Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.

Гурко Т. А., Храмачева А. Ю. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям // Вестник Института социологии. 2015. № 15. С. 57–71.

Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110.

Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.

Даффлон Д. Молодежь России: портрет поколения на переломе // Вестник Общественного мнения. 2008. № 5 (97). С. 19–35.

Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья в России: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 127–136.

Жизненные миры современной российской семьи: монография / З. Х. Саралиева, В. А. Блонин, Н. Ю. Егорова и др. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73–112.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Отношение молодежи к семье в изменяющейся социальной реальности // Семья в современном обществе. Серия «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева, д. соц. н. Т. К. Ростовской. Т. 4, № 1. М.: Изд-во «Экон-информ», 2018. С. 103–108.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Том 6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (дата обращения: 30.12.2019).

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 51–65.

Козырева П. М., Лежнина Ю. П. Российская молодежь: семья, брак, сексуальность // Россия и Китай: молодежь XXI века: Монография / Отв. ред. М. К. Горшков, Ли Чунлинь, З. Т. Голенкова, П. М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 192–220.

Климантова Г. И. Семья в условиях мировых социальных трансформаций // Семья и семейное воспитание: кросс-культурный анализ на материале России и США. ООО «Квант Медиа», 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.rulit.me/books/semya-i-semejnoe-voospitanie-kross-kulturnyj-analiz-na-materiale-rossii-i-ssha-read-439969-23.html#section_30 (дата обращения: 30.12.2019).

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей, выпуск 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синавской. М.: НИСП, 2007. С. 313–344.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей. Вып. 2 / Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой и О. В. Синавской. М.: НИСП, 2009. С. 247–264.

Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Межсемейные отношения // Народно-население современной России: риски и возможности. М.: Экономическое обозрение, 2013. С. 96–108.

Кучмаева О. В., Ростовская Т. К. Российская семья и семейная политика: тенденции и оценки // Национальные демографические приоритеты: подходы

и меры реализации. Серия «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. Т. 5. № 4. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. С. 267–271.

Лежнина Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 70–90.

Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.

Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. 318 с.

Настоящее и будущее российской семьи в меняющемся мире. Т. 2: Коллективная монография / Под науч. ред. чл.-корр. РАН, проф. Н. М. Римащевской и проф. В. Г. Доброхлеб. М.: Экономическое образование, 2018. 216 с.

Нечаева Н. А. Общие жизненные установки студенческой молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях // Петербургская социология сегодня. 2018. № 9. С. 6–26.

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.

Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1. С. 75–85.

Синельников А. Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: Автореф. ... дисс. д-ра соц. наук. М., 2015. 50 с.

Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей. Вып. 1 / Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 517–544.

Старчикова М. В. Межпоколенное взаимодействие в современной России // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 140–144.

Судьин С. А., Кутявина Е. Е., Курамын А. В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56–71. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.3.4.

Чернова Ж. В. Незавершенная гендерная революция // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. 2019. № 2. С. 222–242. [Электронный ресурс]. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/11/10> (дата обращения: 30.12.2019).

Яковлева М. Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследования; Под общей ред. Ж. Т. Тощенко; ред.-сост. Д. Т. Цибикова. М.: РГГУ, 2018. С. 212–219.

DeFrain J. The State of American Family: The Paradox of How Families and Family Values are Changing While Staying the Same // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2018. Т. 18, № 1. С. 73–87. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87.

References

Bozhko M. Babushka rodila sebe vnukov [My grandmother gave birth to her grandchildren]. *Sobesednik [Conversationalist]*, 2010, September 7. URL: <http://sobesednik.ru/incident/sobes-34-10-babushka?quicktabs-1=0> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Babushka rodila sebe... vnukov [My grandmother gave birth to her grandchildren]. *Obozrevatel' [Observer]*, 2010, September 6. URL: <https://www.obozrevatel.com/news/2010/9/6/388884.htm> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Babushki, rodivshie sobstvennyh vnukov [Grandmothers who gave birth to their own grandchildren]. *Deti Mail.ru [Children Mail.ru]*. 2013, May 17. URL: <https://deti.mail.ru/news/babushki-rodivshie-sobstvennyh-vnukov/> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Burmykina O. N. Cemeynye i mezhpokolencheskie vzaimodeystviya peterburgskikh studentov nachala XXI veka [Family and intergenerational interactions of St. Petersburg students of the beginning of the XXI century]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of sociology and social anthropology]*, 2008, vol. XI, no. 3 (44), pp. 48–64. (In Russian)

Burmykina O. N. Mezhpokolennye vzaimodeystviya v sem'e: podderzhka i sotsial'nye seti [Intergenerational interactions in the family: support and social networks]. *Sem'ya v Rossii i Kitae. Protsess modernizatsii [Family in Russia and China. Modernization process]*. Ed. I. I. Yeliseyeva and Anqi Xu. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015, pp. 199–232. (In Russian)

Burmykina O. N. Dinamika predstavleniy peterburgskikh studentov o sem'e i mezhpokolennyh otnosheniyah (2007–2017 gg.) [Dynamics of St. Petersburg students' ideas about family and intergenerational relations (2007–2017)]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [St. Petersburg sociology today]*, 2018, no. 9, pp. 27–46. (In Russian)

Vishnevskiy A. G., Zaharov S. V., Ivanova E. I. Evolyutsiya rossiyskoy sem'i [The evolution of the family in Russia]. *Ekologiya i zhizn' [Ecology and life]*, 2008, no. 9, pp. 4–9. (In Russian)

Vdovina M. V. Mezhpokolennye konflikty v sovremennoy rossiyskoy sem'e [Intergenerational conflicts in the modern Russian family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2005, no. 1, pp. 102–104. (In Russian)

Vdovina M. V. *Funktsional'nye izmeneniya mezhpokolencheskogo konflikta v rossiyskoy sem'e [Functional changes in intergenerational conflict in the Russian family]*. Diss. ... Grand PhD. Moscow, 2008. 35 p. (In Russian)

Gorshkov M. K. Molodezh' i ekonomika budushchego [Young People and Future Economy]. *Upravlenets [The Manager]*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 2–7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-ekonomika-budushchego/viewer> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Gurko E. M. Predstavleniya studencheskoy molodezhi o brake [Students' ideas about marriage]. *Aktual'nye problemy semey v Rossii [Actual problems of families in Russia]*. Ed. T. A. Gurko. Moscow, Institute of Sociology RAS, 2006, pp. 200–210. (In Russian)

Gurko T. A. Transformatsiya instituta sovremennoy sem'i [Transformation of the modern family Institute]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 1995, no. 10, pp. 95–99. (In Russian)

Gurko T. A., Hromacheva A. Yu. Studenty-sotsiologi o sem'e, genere i otnoshenii k roditelyam [Students-sociologists about family, gender and attitude to parents]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of sociology]*, 2015, no. 15, pp. 57–71. (In Russian)

Gurko T. A. Novye semeynye formy: tendentsii rasprostraneniya i ponyatiya [New family forms: trends in the distribution and concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2017, no. 11, pp. 99–110. (In Russian)

Golod S. I. Sovremennaya sem'ya: plyuralizm modeley [Modern family: pluralism of models]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal], 1996, no. 3–4, pp. 99–108.

Golod S. I. *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskij analiz* [Family and marriage: historical and sociological analysis]. Saint Petersburg, Petropolis, 1998, 272 p. (In Russian)

Golod S. I. Perspektivy monogamnoy sem'i: sravnitel'nyy mezhkul'turnyy analiz [Perspectives of the monogamous family: comparative cross-cultural analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2003, vol. VI, no. 2, pp. 106–119. (In Russian)

Dafflon D. Molodezh' Rossii: portret pokoleniya na perelome [Youth of Russia: portrait of a generation at a turning point]. *Vestnik Obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public opinion], 2008, no. 5 (97), pp. 19–35. (In Russian)

Eliseeva I. I., Kletsin A. A. Gorodskaya sem'ya v Rossii: sovremennye tendentsii [Urban family in Russia: modern trends]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. Sbornik nauchnykh trudov Sotsiologicheskogo instituta RAN* [Petersburg sociology today. Collection of scientific papers of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2010, pp. 127–136. (In Russian)

Zhiznennyye miry sovremennoy rossiyskoy sem'i: monografiya [The life worlds of the contemporary Russian family: the monograph]. Z. H. Saralieva, V. A. Blonin, N. Yu. Egorova et al. N. Novgorod, Nizhni Novgorod University Press, 2015, 264 p. (In Russian)

Zaharov S. V. Noveyshie tendentsii formirovaniya sem'i v Rossii [The latest trends in family formation in Russia]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2007, no. 4, pp. 73–112. (In Russian)

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Otnoshenie molodezhi k sem'e v izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti [The attitude of young people to the family in a changing social reality]. *Sem'ya v sovremennom obshchestve. Seriya "Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika"* [Family in modern society. A Series of "Demographics. Sociology. Economy"]. Edit by S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya. Moscow, Ekon-inform, 2018, vol. 4, no. 1. pp. 103–108. (In Russian)

Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 [Results of the 2010 census]. Vol. 6. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Kon I. S. Tri v odnom: seksual'naya, gendernaya i semeynaya revolyutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2011, vol. 14, no. 1, pp. 51–65. (In Russian)

Kozyreva P. M., Lezhnina Yu. P. Rossiyskaya molodezh': sem'ya, brak, seksual'nost' [Russian youth: family, marriage, sexuality]. *Rossiya i Kitay: molodezh' XXI veka: Monografiya* [Russia and China: youth of the XXI century: Monograph] / Ed. M. K. Gorshkov, Li Chung-Lin, Z. T. Golenkova, P. M. Kozyreva. Moscow, Novyy hrongraf, 2014, pp. 192–220. (In Russian)

Klimantova G. I. Sem'ya v usloviyakh mirovykh sotsial'nykh transformatsiy [Family in the conditions of world social transformations]. *Sem'ya i semeynoe vospitanie: kross-kul'turnyy analiz na materiale Rossii i SShA* [Family and family education: cross-cultural analysis on the material of Russia and the USA]. Kvant Media, 2015. URL: http://www.rulit.me/books/semya-i-semeynoe-vospitanie-kross-kulturnyj-analiz-na-materiale-rossii-i-ssha-read-439969-23.html#section_30 (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Naselenie Rossii: o roli obshchestva i sem'i v podderzhke detey i prestarelyh [Population of Russia: on the role of society and family in supporting children and the elderly]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenschiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey, vypusk 1* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of

analytical articles, issue 1]. Edit by T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2007, pp. 313–344. (In Russian)

Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Rossiyanе o roli obshchestva i sem'i v podderzhke detey i prestarelyh: izmeneniya poslednih let [Russians on the role of society and the family in supporting children and the elderly: changes in recent years]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey, vypusk 2* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of analytical articles, issue 2]. Edit by S. V. Zakharov, T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2009, pp. 247–264. (In Russian)

Korchagina I. I., Prokof'eva L. M. Mezhsemeynnye otnosheniya [Inter-family relations]. *Narodonaselenie sovremennoy Rossii: riski i vozmozhnosti* [Population of modern Russia: risks and opportunities]. Moscow, Ekonomicheskoe obozrenie, 2013, pp. 96–108. (In Russian)

Kuchmaeva O. V., Rostovskaya T. K. Rossiyskaya sem'ya i semeynaya politika: tendentsii i otsenki [Russian family and family policy: trends and assessments]. *Natsional'nye demograficheskie priority: podhody i mery realizatsii. Seriya "Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika"* [National demographic priorities: approaches and implementation measures. A Series of "Demographics. Sociology. Economy"], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 267–271. (In Russian)

Lezhnina Yu. P. Institut sem'i v Rossii: na puti transformatsii [Family Institute in Russia: on the way of transformation]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2016, no. 2, pp. 70–90. (In Russian)

Mironova A. A. Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Related intergenerational solidarity in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2014, no. 10, pp. 136–142. (In Russian)

Nastoyashchee i budushchee sem'i v menyayushchemsya mire: Kollektivnaya monografiya [The present and future of the family in a changing world: a Collective monograph]. Moscow, Ekon-Inform, 2015. 318 p. (In Russian)

Nastoyashchee i budushchee rossiyskoy sem'i v menyayushchemsya mire: Kollektivnaya monografiya [The present and future of the Russian family in a changing world: a Collective monograph] Edit by prof. N. M. Rimashevskaya and prof. V. G. Dobrokhleb. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie, 2018, vol. 2, 216 p. (In Russian)

Nechaeva N. A. Obshchie zhiznennyye ustanovki studencheskoy molodezhi: ih rol' v semeynykh i gendernykh predstavleniyakh [General life attitudes of students: their role in family and gender representations]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 2018, no. 9, pp. 6–26. (In Russian)

Radaev V. V. Millenialy na fone predshestvuyushchih pokoleniy [Millennials against the background of previous generations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2018, no. 3, pp. 15–33. (In Russian)

Rostovskaya T. K., Zayarskaya G. V. Semeynnye ustanovki i semeynnye praktiki v sovremennoy rossiyskoy studencheskoy srede [Family attitudes and family practices in the modern Russian student environment]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2017, no. 1, pp. 75–85. (In Russian)

Sinel'nikov A. B. Krizis brachno-semeynykh i mezhpokolennykh otnosheniy i prioritetye napravleniya demograficheskoy politiki v Rossii [Crisis of marriage-family and intergenerational relations and priority directions of demographic policy in Russia]: Diss. ... Grand PhD. Moscow, 2015. 50 p. (In Russian)

Sinyavskaya O. V., Gladnikova E. V. Vzroslye deti i ih roditeli: intensivnost' kontaktov mezhdu pokoleniyami [Adult children and their parents: the intensity of intergenerational

contact]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniya. Sbornik analiticheskikh statey, vypusk 1* [Parents and children, men and women in the family and society. Based on one study. Collection of analytical articles, issue 1]. Edit by T. M. Maleva and O. V. Sinyavskaya. Moscow, NISP, 2007, pp. 517–544. (In Russian)

Starchikova M. V. Mezhpokolennoe vzaimodeystvie v sovremennoy Rossii [Intergenerational interaction in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2012, no. 5, pp. 140–144. (In Russian)

Sud'in S. A., Kutyavina E. E., Kuramshin A. V. Mezhpokolennye otnosheniya v sovremennoy nizhegorodskoy sem'e [Intergenerational relations in the modern Nizhny Novgorod family]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNIPU Bulletin. Social and economic sciences], 2018, no. 3, pp. 56–71. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.3.4. (In Russian)

Chernova Zh. V. Nezavershennaya gendernaya revolyutsiya [The Unfinished Gender Revolution]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion Economic and Social Changes]. VCIOM, 2019, no. 2, pp. 222–242. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/11/10> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Yakovleva M. N. Dinamika tsennostnykh orientatsiy sovremennoy molodezhi [Dynamics of value orientations of modern youth]. *Smysly zhizni rossiyskoy intelligentsii* [Meanings of life of the Russian intelligentsia]. Edit by Zh. T. Toshchenko, D. T. Tsibikova. Moscow, RSU for Humanities, 2018, pp. 212–219. (In Russian)

DeFrain J. The State of American Family: The Paradox of How Families and Family Values are Changing While Staying the Same. *Vestnik RUDN. Seriya "Sotsiologiya"* [Herald of RUDN University. Series "Sociology"], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 73–87. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-73-87.

Бурмыкина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.
Burmykina Olga Nikolaevna, PhD in Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
o_burmykina@mail.ru

Н. Н. ЦВЕТАЕВА

СЦЕНАРИИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ЖЕНЩИН: ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

В статье представлены результаты качественного исследования автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт, которые характеризуют эволюцию ценностных ориентаций в сфере семьи и брака. На основе характеристик, которыми женщины этих поколенческих когорт описывают в нарративах свой опыт семейных и гендерных отношений, автор выделяет четыре типичных сценария их семейной жизни и анализирует специфические характеристики этих сценариев. В статье обсуждаются следующие вопросы: устойчивость традиционных норм и ценностей в семейных и гендерных отношениях, противоречивое сочетание традиционных норм и ценностей с эгалитарными установками советской модернизации, а также наиболее значимые изменения, которые происходят в семейных и гендерных отношениях в постсоветское время. На основе анализа выделенных сценариев семейной жизни женщин автор делает выводы как о преемственности традиционных норм и ценностей, так и о произошедших в постсоветское время изменениях в этой сфере. Наиболее значимые изменения — это усиление прагматизма и индивидуализма в сценариях семейной жизни молодых женщин. Автор интерпретирует эти изменения как одну из определяющих тенденций демографической модернизации — усиливающуюся тенденцию индивидуализации частной жизни современного человека. Результаты проведенного исследования дают возможность расширить представление об эволюции ценностных ориентаций в сфере семьи и брака, показывая как универсальность изменений в этой сфере, их встроенность в глобальный процесс демографической и социокультурной модернизации, так и особенности этого процесса в российском контексте.

Ключевые слова: качественное исследование, автобиографические нарративы, сценарии семейной жизни женщин, семейные и гендерные отношения, эволюция ценностных ориентаций

TSVETAEVA NINA N.

SCENARIOS OF FAMILY LIFE IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES: EVOLUTION OF VALUE ORIENTATIONS

The article presents the results of a qualitative study of the autobiographical narratives of women of two generations that characterize the evolution of value orientations in the sphere of family and marriage. Based on the characteristics that women of these generations describe in their narratives their experience of family and gender relations, the author identifies four typical scenarios of their family life and analyzes the specific characteristics of these scenarios. The following issues are discussed in the article: the sustainability of traditional norms and values in family and gender relations, the contradictory combination of traditional norms and values with the egalitarian attitudes of Soviet modernization, as well as the most significant changes that occur in family and gender relations in the post-Soviet period. Based on the analysis of the identified scenarios of women's family life, the author draws conclusions both about the continuity of traditional norms and values, and about the changes that took place in the post-Soviet period. The most significant changes are the strengthening of pragmatism and individualism in the scenarios of the family life of young women. The author interprets these changes as one of the defining trends of demographic modernization, as an intensifying trend to individualize the private life of modern man. The results of the study provide an opportunity to expand the understanding of the evolution of value orientations in the sphere of family and marriage, showing both the universality of changes in this sphere, their integration into the global process of demographic and sociocultural modernization, and the features of this process in the Russian context.

Keywords: qualitative research, autobiographical narratives, scenarios of women's family life, family and gender relations, evolution of value orientations

Введение

В методологии качественного социологического исследования автобиографические нарративы рассматриваются сегодня как социальная конструкция и коммуникативная стратегия, отражающая многогранные связи между культурой общества и индивидуальным сознанием. Анализ таких нарративов дает возможность характеризовать культурно-историческую специфику локальных форм существования ценностных основ социальной жизни, динамику и особенности социальных представлений и ценностных ориентаций людей на уровне повседневности, тем самым расширяя горизонт видения и понимания происходящих в обществе социально-культурных изменений (Семенова

1998; Голофаст 2000; Майкл Рустин 2002; Козлова 2004; Готлиб 2004; Рождественская 2012).

В этой статье представлены результаты качественного исследования автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт, которые характеризуют эволюцию ценностных ориентаций в сфере семьи, брака и родительства. Исследование проводилось на материале автобиографических нарративов Биографического фонда Социологического института — филиала ФНИСЦ РАН¹. В исследовании использовался поколенческий подход, который дает возможности рассмотреть происходящие в ценностном сознании общества изменения через призму внутри- и межпоколенческой дифференциации. Из материалов фонда в типологическую выборку были включены автобиографические нарративы женщин двух поколенческих когорт². Формативный период жизни женщин старшей когорты (тех, которым за 50) пришелся на советское время, а формативный период жизни женщин более молодой когорты (тех, кому 20–30 лет) — на время реформ при переходе к рыночной экономике³. Предполагалось, что нарративы женщин этих поколенческих когорт в определенной мере репрезентируют характеристики семейного опыта и ценностных представлений о семейных и гендерных отношениях двух принципиально разных эпох в жизни российского общества и позволят увидеть, как меняются эти представления в постсоветское время⁴.

¹ Биографический фонд был создан в Социологическом институте РАН в 1989 г. (сейчас Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского центра РАН). В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеalogии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Собрание фонда постоянно пополняется, и сегодня фонд насчитывает более 800 единиц хранения.

² При устойчивости на протяжении долгого времени мужской роли *кормильца* в семье женская роль в больше мере и чаще подвергалась пересмотру как в советское, так и в постсоветское время. Таким образом, женщины предстают своего рода медиаторами изменений, происходящих в сфере семьи и брака, и их нарративы дают возможность увидеть не только структуру наличествующих в обществе ценностных представлений о семейных и гендерных отношениях, но и весь комплекс проблем, которые несут эти изменения.

³ Для концептуального обоснования отбора автобиографических нарративов женщин этих поколенческих когорт использовались понятия «эффект времени» и «формативный период», разработанные в социологии поколений (Семенова 2009: 17–24).

⁴ В типологическую выборку было включено по 20 автобиографических нарративов женщин каждой возрастной когорты. Все эти нарративы хранятся в Биографическом фонде и написаны в конце 1990-х — начале 2000-х гг.

Методика исследования была основана на одном из вариантов нарративного анализа⁵ с включением некоторых техник «обоснованной теории». Процедурами открытого и осевого кодирования анализировалось семантическое поле характеристик, которыми женщины этих когорт описывали опыт семейной жизни и опыт гендерных отношений в целом⁶. Затем определялись смысловые лексические конструкции, которые образуются при анализе отношений между рассказом женщины о сюжетах и практиках ее семейной жизни (отношения с родителями, брачные стратегии, решения о рождении детей, воспитательные практики, семейные конфликты и т. п.) и высказываемыми ею оценочными суждениями по поводу этих сюжетов и практик. На основе анализа и сравнения этих лексических конструкций, характеризующих опыт семейной жизни и гендерных отношений женщин каждой поколенческой когорты, были построены матрицы, включавшие следующие темы-концепты:

1 — характеристики родительской семьи (история семьи, включая описание или упоминание бабушек, дедушек, родственников, отношений с ними и их влияния на жизненный путь автора нарратива);

2 — характеристики родительства в собственной семье автора нарратива (дети, внуки, воспитательные практики);

3 — характеристики соотношения ценностей семьи и работы;

4 — характеристики сетевых взаимодействий (друзья, коллеги по работе, соседи, круг общения).

Затем эти матрицы анализировались по содержанию каждой темы-концепта, их наполнению смысловыми лексическими конструкциями, а также семантической связи между ними в рамках общего социально-культурного контекста времени создания автобиографического нарратива. На основе аналитического сравнения матриц, построенных для женщин каждой поколенческой когорты, были сконструированы четыре типичных сценария их поведения и ценностно-нормативных ориентаций в сфере семейных и гендерных

⁵ Нарративный (семантический) анализ — считается междисциплинарным методом анализа текстов и имеет довольно большую историю, хотя разные исследователи по-разному определяют и понимают теорию и практику такого анализа. В целом нарративный анализ представляет собой совокупность конкретных приемов работы с текстами, которые различаются по степени формализации и фокусу исследовательского интереса. О различных вариантах нарративного анализа (Троцук 2006).

⁶ Надо подчеркнуть, что опыт семейной жизни сегодня имеет разные формы и не всегда предполагает наличие собственной (традиционной) семьи автора нарратива, как в прошлом, так и на момент его написания. В этой связи в исследовании использовалось более емкое понятие — опыт семейных и гендерных отношений.

отношений. Два сценария описывают поведение и ценностные ориентации женщин старшей возрастной когорты и два — молодых женщин. Категориально каждый семейный сценарий определялся как структура и (иерархия) затронутых в нарративах тем-концептов и характеризовавших их смысловых лексических конструкций⁷.

Первый сценарий семейной жизни женщин старшей когорты — «Семья как традиция и долг»

Эмоциональная и мотивационная окраска этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты базируется на общинном стиле жизни, унаследованном от российского крестьянства, а также на трудовой этике долга перед обществом советского времени. Семейные отношения и опыт семейной жизни женщины представлены в этом сценарии во многом как традиционно-патриархатные, хотя и с разными акцентами и противоречиями, обусловленными как идеологией советского времени, так и радикальными социальными изменениями постсоветского времени.

Одной из определяющих характеристик этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты является довольно подробное описания детства в родительской семье, истории родительской семьи (в которой, как правило, присутствуют дедушки, бабушки и другие родственники), воспитательных родительских практик и их влияния на последующую жизнь женщины. Часто женщины этой когорты пишут также о своем крестьянском происхождении, особо подчеркивая честность и трудолюбие родителей в преодолении ими тягот жизни, которое ярко выражено в одном из нарративов следующей фразой: *«Родители — труженики до мозга костей, честные, добрые люди»* (Ж., 69 лет).

«Я родилась и выросла в крестьянской семье в поселке Вырица Ленинградской области. Мои предки пра-прадед и пра-прабабушка были основателями Вырицы... Закончили мои родители Церковно-приходскую школу в Вырице, отец после революции продолжал самостоятельное образование и почти до самой Отечественной

⁷ Подчеркнем, что сконструированные на основе анализа автобиографических нарративов женщин сценарии их семейной жизни представляют собой своего рода «идеал-типические» сценарии. Это значит, что каждый из этих сценариев отражает типичные характеристики, которыми женщины той или иной когорты характеризуют опыт своей семейной жизни. Но при этом структура и иерархия этих характеристик по их значимости целиком редко представлена в конкретном автобиографическом нарративе.

войны работал председателем колхоза. Мама была домохозяйкой, занималась воспитанием детей, а нас у родителей было 5 человек» (Ж., 69 лет).

Изложение биографии с обязательным описанием истории семьи и семейных корней в этом сценарии женщин старшей когорты говорит не только об их приверженности традиционным семейным ценностям, таким как преемственность и верность родительским традициям. Описание истории семьи, часто с включением таких табуированных в советское время тем, как национальная идентичность и религиозные верования, говорит также о возродившемся в постсоветское время интересе людей к истории их семей, к семейным корням и традициям и, тем самым, о расширении и легализации пространства частной (в том числе и семейной) жизни человека.

«Родилась я с Богом в душе, но наставников не было, мама держала иконки семейные, намоленные, в шкафу, в чистом полотенце завернутые, никогда со мной о Боге не говорила, молитвам не учила. Она и сама до переворота не успела получить знания, но с верой прожили все годы. Молилась втихомолку, боялась нашего общего господетрия и отца — атеиста. Наверное, это было правильно. А то ходят сейчас барышни, нательный крест демонстрируя на свитере, словно это “феничка” какая-то» (Ж., 59 лет).

«Все начинается с корней. Родители мои, слава богу, живы и сейчас, — люди очень разные во всем. Прошли они честную и в общем-то благополучную жизнь. Но мне от их непохожести часто было неудобно. Отец — еврей из трудовой многодетной семьи. Мама — дочь русского священника. Вследствие этого ни евреи, ни русские не считали и не считают меня своей. А я русская по воспитанию и вере, но с еврейским лицом. Сами понимаете... радость» (Ж., 57 лет).

Следующей важной характеристикой этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты и свидетельством традиционности их представлений о семье и семейных отношениях можно назвать устойчивость детоцентристского типа семьи, в которой наличие детей в семье выступает центральным образующим семью фактором (Голод 2003: 118). Для женщин этой когорты наличие в семье детей часто оказывается обязательным и необходимым условием ее сохранения, а также удержания в семье мужа. Причем даже в тех случаях, когда приходится прибегать к обману.

«Мне было уже 23,5 лет. И я решила оставить ребенка, так как это счастливый случай спасти семью. В противном случае — наоборот — остаться без мужа, но с ребенком. В то время еще считалось, что

рожать без мужа не очень приятно, какой-то стыд. Своему мужу я сказала, что ребенок от него» (Ж., 45 лет, среднее образование).

Однако детоцентристский тип семьи и, что важно, соответствующие этому типу семьи традиционные представления женщин старшей когорты о семье, браке и родительстве находятся в противоречии с еще одной значимой характеристикой этого сценария семейной жизни женщины. Роль мужчины и мужа как партнера в браке почти не упоминается в их нарративах и явно отступает на второй план. О мужьях женщины этой когорты, как правило, рассказывают в двух случаях. Когда речь идет о ранних этапах семейной жизни (заключении брака и романтической любви) или при неудачно сложившейся семейной жизни, когда речь идет о разводе с мужем, смерти мужа или алкоголизме мужа. И в целом, удельный вес описания собственной семейной жизни женщины в этом сценарии очень мал и нередко ограничивается такими фразами: *«вышла замуж за бывшего партизана»* (Ж., 69 лет).

«С мужем мы несколько раз сходились, расходились, я сделала много попыток сохранить семью, но ничего не получилось. Я решила посвятить всю жизнь дочери, она для меня стала единственной радостью и надеждой. Я уделяла дочери все свободное от работы время. По выходным мы всегда ездили за город или на каток в наш ледовый заводской дворец. По возможности занимались спортом» (Ж., 52 года).

«В 1992 г. пришлось уволиться по собственному желанию из-за задержки зарплаты. Нужны были деньги, ведь на иждивении у меня трое детей. На мужа надежды не было, очень пил и в 1994-м умер» (Ж., 50 лет).

Важно подчеркнуть, что социально-культурный контекст этого сценария семейной жизни женщин старшей когорты нередко выглядит как стратегия преодоления трудностей жизни и выживания в трудных условиях, вызванных войной, эвакуацией, бедностью, неустроенностью или отсутствием нормального жилья, пьянством мужей и другими коллизиями как личной, так и социальной жизни. Таким образом, в этом сценарии семейная жизнь женщин предстает отражением целого ряда коллизий и конфликтов, определяющим мотивом которой оказываются традиционные ценности, «сохранение семьи» и «служение семье», даже при всей сложности и неоднозначности ее реалий.

Второй сценарий семейной жизни женщин старшей когорты — «Семья и работа как самоочевидные ценности»

Этот сценарий семейной жизни женщин старшей когорты базируется на двух *самоочевидных* для них ценностях — семейных ценностях в их традиционно-патриархатном виде и ценностях профессиональной занятости в трудовой сфере. Важно подчеркнуть, что эти ценности предстают взаимосвязанными и неконфликтными и органично сосуществуют в этом сценарии семейной жизни женщин. Соответственно, женщина наряду с профессиональной занятостью и, в ряде случаев, активной общественной деятельностью, сохраняет (и даже утверждает) свою традиционную роль *хранительницы очага*, считая своим долгом *беречь* семью, совмещать все *обязанности женщины* по организации семейного быта и воспитанию детей, а также «*спасать*» мужей.

Во многом этот сценарий можно назвать наследием не только традиционной культуры, но и гендерной идеологии советского времени. Советское законодательство, провозгласив равенство женщин и включение их в профессиональную деятельность, сохранило в бытовой сфере патриархатную модель жизни, предполагавшую сочетание полной занятости женщины с ролями матери и домохозяйки. И советские женщины приняли эту «тройную нагрузку» как *естественный* порядок вещей и даже гордились своей способностью все «успевать» и «крутиться» (Ашвин 2000: 65).

«Вообще я была довольно деятельная и активная. Все вроде бы было хорошо, но тут пришла беда — муж начал пить. Мои уговоры, просьбы, скандалы ни к чему не приводили, оказалось и то, что отец у него был алкоголиком. Билась я за него как могла. Не знаю, почему я его не бросила, любви к нему никакой уже и не было, оставалось чувство долга и ответственности за человека, с которым связала меня судьба» (Ж., 53 года, главный инженер).

«В настоящее время я уже пенсионерка. Единственная дочь к моему уходу на пенсию подарила мне внучку. В основном мне приходится заниматься воспитанием внучки, и я совмещаю все обязанности женщины (магазины, очереди, приготовление пищи, уборки, стирки и пр.)» (Ж., 60 лет).

Следующая характеристика этого семейного сценария женщин старшей когорты тесно связана с первой характеристикой. Это значимость поддерживаемых на протяжении всего жизненного пути женщины отношений с коллегами по работе, описание общения с которыми занимает центральное место в их сетевых взаимодействиях, нередко

превалируя над родственными отношениями. Значимость этой характеристики жизненного опыта и мировосприятия старших советских поколений объясняется тем, что общинная модель жизнеустройства российского общества была переведена советской идеологией в термины коллективизма, когда трудовой коллектив и отношения с коллегами по работе стали не менее значимыми, чем отношения с родственниками (Козлова 1999).

«В 1967 г. меня наградили медалью “За трудовое отличие” (такая же медаль была у моей мамы). Не знаю, почему выбрали именно меня, хороших специалистов у нас было много. Почти весь наш отдел, а он доходил до 50 человек в лучшие годы, состоял, включая начальника, из выпускников нашего института. Это очень нас сближало и создавало особую дружескую атмосферу» (Ж., 62 года).

«Мне дали II группу инвалидности без права работы. Это повергло меня в страшное горе — мне только 30 лет! Врачи говорили, что это временно. Отношения на работе были всегда хорошими, директор оставил меня под свою ответственность. Во время болезни мне очень помогли мои друзья, на работе у меня было несколько близких подруг и очень много друзей» (Ж., 61 год).

Отношения с коллегами по работе остаются важными для женщин этой когорты, даже когда они уходят на пенсию. *«Работа мне нравилась, коллектив нашего отдела был хороший, дружный. Провожали меня на пенсию очень трогательно, и связь с товарищами по работе не прерывается до сих пор»* (Ж., 63 года).

И, наконец, еще одна значимая характеристика этого семейного сценария женщин старшей когорты. Даже при материальной неустроенности собственной семейной жизни свои родственные и внутрисемейные отношения, а также отношения друзьями и коллегами по работе они строят на утверждении приоритета ценностей культуры и *«духовной стороны жизни»* над ценностями материальными. Это посещение театров, музеев, концертов, путешествия по стране с описанием достопримечательностей и природы посещаемых мест, коллекционирование разного рода вещей и т.п.⁸. *«Почти все, о чем я мечтала, — сбывалось. Правда, у нас нет ни дачи, ни машины, так мы к этому не стремились. Зато за свою жизнь я много где бывала и много видела. Хожу*

⁸ Этот своеобразный идеализм в автобиографических нарративах женщин старшей когорты объясняется влиянием просветительской советской культуры, российских «волн Просвещения» (Козлова 1993), а не результатом экономических процессов, приводящих к сдвигу приоритета от материалистических ценностей к ценностям постматериальным (Инглхарт 1997).

в театры, музеи, концерты. Ездил отдыхать по туристическим путевкам. Такой отдых очень обогащает наш кругозор» (Ж., 62 года).

«Жаль, конечно, что мы не можем купить себе кое-что из мебели или ТВ цветной, ну разве в этом ценность жизни! Каждый день семья решает какие-то мелкие проблемы, каждый день делаем новый шагжок вперед, каждый из нас совершает свой маленький “подвиг”» (Ж., 53 года).

Итак, в этом сценарии семейной жизни женщин старшей когорты очевидна не только устойчивость традиционных семейных ценностей, которую мы видели и в первом сценарии женщин этой когорты. Очевидно и то, что здесь женщины считают *естественным* и должным соче тать традиционные семейные ценности с эгалитарными установками советской модернизации на независимость и активно-достижительные стратегии женщины в трудовой сфере. При этом ценностную основу этого сочетания «семьи и работы» определяет сохраняющееся влияние культурной модели советского времени, утверждавшей приоритет ценностей высокой культуры и духовности над ценностями материальными.

Важно подчеркнуть также, что оба сценария семейной жизни женщин старшей когорты свидетельствуют о своего рода идеологической нагруженности высказываемых ими ценностных суждений о семье, браке и родительстве, которая унаследована ими от общего стиля советской эпохи — множества табу на проявление гендерной самоидентификации женщин. По всей видимости, именно поэтому личностные проявления семейной жизни женщин этой когорты и их гендерная самоидентификация часто выстраиваются в рамках традиционных отношений и проявляются как жертвенность ради сохранения семьи и ориентация на детоцентристский тип семьи и при отсутствии партнерских отношений в семьях. Причем это выглядит привычной для женщин этой когорты нормой и не вызывает с их стороны протеста, даже когда им приходится поступаться личными интересами.

Первый сценарий семейной жизни молодых женщин — *традиционно-романтический*

В постсоветское время, когда рыночные реформы потребовали изменений в сторону прагматичного отношения к жизни, в сценариях семейной жизни молодых женщин, формативный период жизни которых приходится на это время, крен в эту сторону достаточно очевиден. Тем не менее одни из них выглядят больше традиционалистами

и романтиками, другие — больше прагматиками. В этом ценностном диапазоне мы и анализировали характеристики конструирования молодыми женщинами сценариев их семейной жизни.

Структуру первого, *традиционно-романтического*, сценария семейной жизни молодых женщин определяет замужество и семья, основанные на романтической любви. В то же время ориентации на романтическую любовь как основу брака имеют в этом сценарии вполне традиционно-патриархатную окраску, с традиционной ролью *мужа-кормильца*, который ограждает от всех забот и берет на себя решение всех проблем семейной жизни.

«Я верила в любовь, и эта вера со временем подарила мне счастье быть любимой и любить... Спустия некоторое время я познакомилась с ним. С тем, кто был послан мне Богом. Я очень его люблю, люблю так, что жизнь без него не имела бы смысла. Мой любимый оградил меня от всех забот, дал материальное обеспечение. Он такой сильный, умный, заботливый, что рядом с ним кажется, что нет никаких проблем, все будет хорошо» (Ж., 23 года).

«Почему у меня получается только про жизнь, ведь в ту пору уже вовсю шли перемены. Люди не только становились нищими, но и наживали капиталы. А я жила для любви и ради любви. Я всегда считала, что истинным тылом для человека является семья. И до сих пор (стыдно признаться) верю в эту скучную фразу: “не в деньгах счастье” и даже про рай в шалаше» (Ж., 27 лет).

В характеристики этого сценария семейной жизни молодых женщин входит и ожидание любви со стороны *«принца»*, который когда-то появится в их жизни. Но при этом о своей любви они не говорят. *«В своей жизни я хочу встретить человека, который бы сильно любил меня, чтобы я была для него всем и вся»* (Ж., 20 лет).

Еще одна характеристика этого сценария молодых женщин — разочарование в установках на сочетание романтической любви с традиционно-патриархатными ориентациями в семейных отношениях. *«Я поняла, что не “за — мужем”, что я одна. Было больно и страшно. Хотелось плакать, и так не хватало плеча, на которое можно опереться»* (Ж., 30 лет).

О традиционности ориентаций молодых женщин в этом сценарии свидетельствует и описываемое ими влияние родителей (как правило, матерей) на их семейную жизнь и жизненный путь в целом, например, при выборе вуза или принятии решений о замужестве и рождении детей. *«Я жила по маминой указке, узнав, что будет ребенок, я, прежде всего, подумала, что скажет мама»* (Ж., 22 года).

Традиционно-романтическую окраску этого сценария семейной жизни молодых женщин определяет также ценностный дискурс социальных взаимосвязей, унаследованных от стратегий и практик советского времени. Так, например, даже упоминаемая некоторыми из них *карьера* предстает как «*накатанные рельсы*», которые описываются ими как норма, как должное и не детализируются как результат их собственных устремлений и активности. «*После замужества все в моих планах должно было двигаться по накатанным рельсам: кончить институт, год проработать, потом родить ребенка и в декрет. А потом можно делать карьеру*» (Ж., 29 лет).

В целом достаточно очевидно, что ценностный дискурс этого сценария семейной жизни молодых женщин в основном остается в рамках тех же норм гендерной идеологии советского времени, которые характеризовали сценарии женщин старшей когорты. Тем не менее надо отметить и отличие этого сценария молодых женщин от сценариев женщин старшей когорты. Семейные и гендерные отношения при всей их традиционности представлены здесь как более значимые, чем ценности профессиональной занятости. Другими словами, в этом сценарии молодых женщин на первом месте оказывается мир частной жизни, мир семейных и гендерных отношений, хотя и в традиционно-романтической окраске.

Второй сценарий семейной жизни молодых женщин — прагматический

На смену традиционным представлениям о семье и гендерных отношениях в постсоветское время приходят прагматические ориентации современного, «*индивидуализированного*», общества, в котором каждый человек вынужден индивидуализироваться и быть прагматичным, и это не его выбор, а судьба, структурное принуждение (Бауман 2002: 66).

Этот, *прагматический*, сценарий семейной жизни молодых женщин свидетельствует, что они в ряде случаев понимают установку современности на прагматизм и индивидуализм и представляют ценностный порядок постсоветского времени как необходимость «*жить в отсеке сегодняшнего дня*», т.е. не строить долгосрочных планов, а подходить к жизни инструментально, используя подвернувшиеся возможности и не очень затрудняясь моральными оценками.

«*Эпоха перемен мне видится, прежде всего, в том, что нарушен привычный сценарий жизни людей. Раньше было примерно так: ясли — сад — школа — институт — брак — накопления — дети. В общем,*

планировать можно было на срок от 5 до 25 лет вперед. А сейчас, в период катаклизмов, нам рекомендуют “жить в отсеке сегодняшнего дня”. А люди-то полуграмотные. Они все понимают буквально: надо пропить деньги сегодня, а то завтра их не будет. Чтобы не работать, нужно найти богатого спонсора. Или забеременеть от кого попало и шантажнуть» (Ж., 25 лет).

Ценностные установки этого сценария семейной жизни молодых женщин на прагматизм и индивидуализм проявляются в целом ряде характеристик. Прежде всего, это очевидные изменения в нормах приватности/публичности. Они открыто, иногда даже цинично говорят о своих материальных интересах, что было немыслимо для поколения их родителей. Трудно, например, представить, чтобы советская девушка в возрасте двадцати с небольшим лет говорила о том, что *«нашла себе через газету немолодого друга с достатком»* и тем самым *«решила материальные проблемы»*, или же о том, что *«стыдно быть бедным»*.

При этом они не стесняются говорить не только о своих материальных интересах, но и об интимных переживаниях. *«Потом мы стали любовниками. Любила ли я его — не знаю. Он открыл для меня прелесть секса. Но мы должны были расстаться. Он сказал, что дома (на Украине) родители его женят. После него у меня были мужчины. Я пыталась любить по расчету. Меня могли содержать, платить деньги, но мне это было противно» (Ж., 23 года).*

Этот семейный сценарий молодых женщин подтверждает также, что наряду с официальным браком появляются разные формы сожительства и что родительство, супружество, любовные отношения и семья все больше отделяются друг от друга и становятся отдельными институтами (Захаров 2005; Чернова 2012). Причем ценностной основой этого разделения становится прагматизм.

«Моя близкая подруга тоже разошлась с мужем, тоже примерно такая картина семейной жизни, как и у меня. Она шьет, вяжет, стрижет, делает цветы декоративные, работает надомницей по чертежам. В общем, молодец! Живет с сыном 9-летним в общежитии семейного типа. Если у нее были мужчины, она находила им всем применение: ремонт окна, утюга, магнитофона и т.д. С пустыми руками не приходили. Она понимала, найти хорошего мужа очень сложно, а любовника поить и кормить — глупо. Поэтому придерживалась, чтобы мужчина хоть чем-то был полезен» (Ж., 29 лет).

Необходимо отметить также, что в этом сценарии молодых женщин активно-достижительные ориентации советского типа,

предполагающие в той или иной мере последовательное движение по карьерной лестнице, у них приобретают вид зигзагообразной карьеры, также основанной на рациональных основаниях. Они более подвижны в социальной мобильности, чаще меняют род деятельности, чем их родители.

«Я реально оцениваю свои силы — без денег и связей поступить на “модный” факультет в государственном вузе мне, как я тогда полагала, не светило. Но я была уверена, что обязательно выучусь — ведь это был единственный шанс в будущем реализовать свои мечты об интересной и комфортной жизни» (Ж., 27 лет).

Важная характеристика этого сценария семейной жизни молодых женщин, что желание иметь детей не всегда связывается ими с созданием семьи и традиционным замужеством, и решения о рождении ребенка они могут принимать самостоятельно.

«Я решила рожать. Но рожать нужно было с умом. Я попросила у отца будущего ребенка разрешения. Мы были друг другу никто в смысле законно. Отягощать жизнь я никому не хотела. Но и оставаться без поддержки одна тоже не хотела. Мое к нему обращение за разрешением тогда было зовом о помощи, сейчас воспринимаю это как фарс. На работу вышла через год после рождения дочери и перестала нуждаться (как в спонсоре и как в мужчине) в ее отце, который часто жаловался, что ему трудно материально. Оплачиваю свои счета сама» (Ж., 25 лет).

При этом, даже родив ребенка, молодые женщины говорят о том, что они не собираются *«замыкаться только на семье и доме»* и считают необходимым продолжать учебу или работу. *«До рождения ребенка я вела очень активный образ жизни. Кроме учебы в техникуме я занималась большим теннисом, ходила на курсы английского языка. И теперь я очень хочу учиться. Желание получить настоящее юридическое образование меня не оставило» (Ж., 23 года).*

В этот сценарий семейной жизни молодых женщин входят и такие характеристики, как планирование и откладывание рождения ребенка до обретения ими самостоятельности в обеспечении материального благосостояния, а также необязательность традиционного замужества. Можно сказать, что традиционное родительство и детоцентризм женщин старшей когорты сменяется у них эмоциональной потребностью в детях (Чернова 2012: 104). Кроме того, как кажется, для них уже не стоит вопроса, что предпочтительней для самореализации женщины — удачное замужество или хорошая работа (Вовк 2006). И в целом они демонстрируют большую свободу и независимость в выборе партнеров

для совместной жизни, и роль мужа в этом сценарии семейной жизни молодых женщин предстает вероятностной.

«Хотелось бы и в 40–45 лет иметь рядом с собой приятного и надежного спутника, с которым будет не так трудно растить детей, который будет поддерживать в трудные и счастливые минуты жизни» (Ж., 27 лет).

Таким образом, этот сценарий семейной жизни молодых женщин не только свидетельствует об изменениях ценностных ориентаций в семейных и гендерных отношениях, но и по своим характеристикам наиболее приближен к одной из определяющих тенденций глобального процесса демографической и социокультурной модернизации — индивидуализации частной жизни современного человека (Демографическая модернизация России... 2006).

Заключение

Качественное исследование автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт, на основе которого конструировались сценарии их семейной жизни, позволяет наметить некоторые тенденции, значимые для описания эволюции ценностных ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений как движения от культуры традиционалистского типа к современной культуре с ее ценностями индивидуализма, прагматизма и личностного развития. Тем не менее, как показало исследование, это движение трудно назвать линейным.

Достаточно очевидно, что сценарии семейной жизни женщин старшей когорты подтверждают устойчивость патриархатной культуры и традиционных семейных ценностей⁹. Очевидно также противоречивое сочетание этих ценностей с эгалитарными установками советской модернизации и, в целом, пролонгированное влияние норм гендерной идеологии советского времени. Сценарии семейной жизни женщин более молодой когорты, жизнь которых складывалась в постсоветское время, уже дают основания говорить не только о преемственности традиционных семейных ценностей, но и об изменении ценностных ориентаций в этой сфере. Наиболее значимые изменения, усиление прагматизма и индивидуализма в семейных и гендерных отношениях

⁹ О том, что традиционные ценности преобладают в российском обществе, несмотря на воздействие идущих в стране за годы реформ преобразований, свидетельствуют результаты целого ряда исследований как этой сферы, так и социокультурной модернизации России в целом.

представлены в семейном сценарии молодых женщин, который в исследовании назван «*прагматическим*» сценарием. И эти изменения вполне вписываются в анализируемые исследователями тенденции, характерные для процессов демографической и социокультурной модернизации (Елисеева, Клецин 2010; Гурко 2011; Носкова 2015; Лезина 2016; Цветаева 2018).

Еще раз подчеркнем, что выявленные на основе анализа автобиографических нарративов женщин двух поколенческих когорт сценарии их семейной жизни являются своего рода «*идеал-типическими*» сценариями. Каждый из этих сценариев отражает типичные характеристики, которыми женщины той или иной когорты характеризуют свой опыт семейной жизни и ценностных ориентаций в этой сфере. Но связи между характеристиками каждого из этих сценариев носят более сложный характер, и в нарративах женщин обеих поколенческих когорт обнаруживаются скорее смешанные, чем чистые типы поведения.

Тем не менее выявление и анализ этих сценариев семейной жизни женщин позволяет проследить постепенную трансформацию характеристик семейного опыта и ценностных ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений в поколенческом срезе, свидетельствуя в тоже время об инерционности социокультурных процессов, их зависимости от культурного наследия и социального контекста в целом. Таким образом, результаты проведенного исследования дают возможность расширить представление об эволюции ценностных ориентаций в этой сфере, показывая как универсальность происходящих изменений, их встроенность в глобальный процесс демографической и социокультурной модернизации, так и особенности этого процесса в российском контексте.

Источники

- Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
- Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3 С. 61–73.
- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.
- Голофаст В. Б. Ветер перемен в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 4. С. 122–139.
- Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004. 448 с.

Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4 (13). С. 26–42.

Демографическая модернизация России. 1990–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

Елисеева И. И., Клецин А. А. Городская семья: современные тенденции // Петербургская социология сегодня. 2010. Вып. 2. С. 127–146.

Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.

Козлова Н. Волны российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 48–59.

Козлова Н. Н. Сцены из частной жизни периода «застоя»: семейная переписка // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 3. С. 120–134.

Козлова Н. Н. Методология анализа «человеческих документов» // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.

Лежнина Ю. П. Институт семьи в России: на пути трансформации // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 2. С. 70–90.

Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 177–185.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом «Высшей школы экономики», 2012. 381 с.

Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция, интервью, интерпретация. М.: INTER, 2002. Т. 1, № 1. С. 7–24.

Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет, 1998. 289 с.

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271 с.

Троцук И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006. 207 с.

Цветаева Н. Н. От традиции к индивидуализации: автобиографические нарративы об изменениях в семейных и гендерных отношениях // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 186–203.

Чернова Ж. В. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 1. С. 103–122.

References

- Ashvin S. Vliyanie sovetskogo gendernogo poryadka na sovremennoe povedenie v sfere zanyatosti [Influence of the Soviet gender order on modern behavior in the sphere of employment]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2000, no. 11, p. 63–72. (In Russian)
- Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos, 2002, 390 p.
- Chernova Zh. V. Semeynaya politika v zapadnoevropeyskikh stranah: modeli otstvstva [Family policy in Western European countries: models of paternity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2012, vol. 15, no. 1, p. 103–122. (In Russian)
- Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1990–2000* [Demographic modernization of Russia. 1990–2000]. Ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2006. 608 p.
- Eliseeva I. I., Kletsin A. A. Gorodskaya sem'ya: sovremennyye tendentsii [Urban family: current trends]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [Petersburg sociology today], 2010, iss. 2, p. 127–146. (In Russian)
- Golod S. I. Sotsiologo-demograficheskiy analiz sostoyaniya i evolyutsii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2008, no. 1, p. 40–49. (In Russian)
- Golofast V. B. Veter peremen v sotsiologii [Wind of changes in sociology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2000, vol. III, no. 4, p. 122–139. (In Russian)
- Gotlib A. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatel'nye i ekzistentsial'nye gorizonty* [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. Samara, Univers-grupp, 2004. 448 p. (In Russian)
- Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obshchestvakh [Family institute in post-industrial societies]. *Tsenosti i smysly* [Values and meanings], 2011, no. 4 (13), p. 26–42. (In Russian)
- Inglhart R. Postmodern: menyayushchiesya tsennosti i izmenyayushchiesya obshchestva [Postmodern: Changing values and changing societies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 1997, no. 4, p. 6–32. (In Russian)
- Kozlova N. Volny rossiyskogo prosveshcheniya, ili Zachem lyudi igrayut v slova [Waves of Russian enlightenment, or why people play words]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 1993, no. 6, p. 48–59. (In Russian)
- Kozlova N. N. Stseny iz chastnoy zhizni perioda «zastoya»: semeynaya perepiska [Scenes from the private life of the «stagnation» period: family correspondence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 1999, vol. II, no. 3, p. 120–134. (In Russian)
- Kozlova H. H. Metodologiya analiza «chelovecheskih dokumentov» [Methodology of the analysis of “human documents”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2004, no. 1, p. 14–26. (In Russian)
- Lezhnina Yu. P. Institut sem'i v Rossii: na puti transformatsii [The Institute of the family in Russia: on the transformation path]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2016, no. 2, p. 70–90. (In Russian)
- Noskova A. V. Novye metodologicheskie podhody, issledovatel'skie fokusy, diskussionnye problemy sotsiologii sem'i [New methodological approaches, research focus, debatable problems of family sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2015, no. 10, p. 177–185. (In Russian)

Rozhdestvenskaya E. Yu. *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [*Biographical method in sociology*]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2012, 381 p. (In Russian)

Rustin M. Razmyshleniya po povodu povorota k biografiiam v sotsial'nykh naukakh [Reflections on the turn to biographies in the social sciences]. *Interaktsiya, interv'y, interpretatsiya* [*Interaction, interviews, interpretation*], Moscow, INTER, 2002, vol. 1, no. 1, pp. 7–24. (In Russian)

Semenova V. V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu. Ucheb. posobie* [*Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology. A textbook*]. Moscow, Dobrosvet, 1998. 289 p. (In Russian)

Semenova V. V. *Sotsial'naya dinamika pokoleniy: problema i real'nost'* [*The social dynamics of generations: the problem and reality*]. Moscow, ROSSPEN, 2009. 271 p. (In Russian)

Trotsuk I. V. *Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sotsiologii* [*Theory and practice of narrative analysis in sociology*]. Moscow, RUDN University, 2006, 207 p. (In Russian)

Tsvetaeva N. N. Ot traditsii k individualizatsii: avtobiograficheskie narrativy ob izmeneniyakh v semeynykh i gendernykh otnosheniyakh [From tradition to individualization: autobiographical narratives about changes in family and gender relations]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya* [*Petersburg sociology today*], 2018, iss. 10, p. 186–203. (In Russian)

Vovk E. Gendernaya asimmetriya i zhenskie roli v sovremennoy Rossii [Gender asymmetry and female roles in modern Russia]. *Sotsial'naya real'nost'* [*Social reality*], 2006, no. 3, p. 61–73. (In Russian)

Zakharov S. Perspektivy rozhdachnosti v Rossii: vtoroy demograficheskiy perekhod [Prospects for fertility in Russia: the second demographic transition]. *Otechestvennye zapiski* [*Domestic notes*], 2005, no. 3 (24), p. 124–140. (In Russian)

Цветева Нина Николаевна, научный сотрудник Социологического института РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Tsvetaeva Nina Nikolaevna, Researcher,
Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences.
tsvetni12@mail.ru

А. Г. ЩЕЛКИН

**«КАЖУЩЕЕСЯ ПРАВДОПОДОБИЕ»:
ЧТО НЕ ТАК С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ
ОДНОПОЛЫХ БРАКОВ?**

В статье предпринята попытка ответить на вопрос, почему значительная часть современного западного общества придерживается иллюзии относительно того, что, легализуя однополые браки, социум не только не подвергает себя деструктивным последствиям, но, напротив, совершает акт справедливости по отношению к геем и лесбиянкам. Как считает автор, причина этой иллюзии лежит в ложном понимании принципа «равенства прав», в данном случае, «равенства прав» на традиционные и однополые браки. На самом же деле, по мнению ряда ведущих социологов, приравнивание к основным правам человека «прав меньшинств», в том числе и сексуальных, является симптомом опасности, ведущей к деструктивным последствиям для общества. Опасность состоит в том, что легализация однополых браков идет по юридической формуле «Брак для всех», то есть традиционный брак подверстывается под этот новый формат, куда он может вмещаться только ценой неприемлемой деконструкции.

Ключевые слова: Гей-браки, лесби-браки, гей-лоббизм, гендерное равенство, «брак для всех» как «ложная форма сознания», легитимизация гей-браков, антигейский протест.

SHCHELKIN ALEXANDER G.

**“APPEARING RESEMBLANCE TO THE TRUTH”:
WHAT IS WRONG WITH THE LEGALIZATION
OF SAME-SEX MARRIAGE?**

The article studies the tendency of a growing and large-scale phenomenon — the legalization of same-sex marriages in many modern countries. At one time it seemed that the struggle of gay men against the criminal prosecution of homosexuals gave its results — homosexuality is decriminalized, one-sex partnership is not prosecuted by law. But the LGBT movement did not stop there. The goal is to legitimize at the state level same-sex marriages and the right to adopt children in them. The phenomenon is unprecedented, breaking the continuity of the entire civilizational process. Children without a full pair of parents. Uncontrolled explosion of the reproductive technologies market. Conceptual chaos in the dictionary of family relations. And the most important claim of the LGBT movement is the “equalization” of the constitutional and legal status of homosexual and traditional marriages.

The heterosexual majority starts vigorously to oppose the explicit search of demands from gay activists. Today the main strategy of LGBT activists is to rely not so much on public opinion and referendums, as on appealing to the political establishment of their countries.

Keywords: gay marriage, gay lobbying, gender equality, “marriage for all” as a “false form of consciousness”, a mechanism to legitimize gay marriage, anti-gay protests and discussions in intellectual circles.

Введение

Одно время казалось, что борьба геев против уголовного преследования гомосексуалистов дала свои результаты — гомосексуализм декриминализован, однополое партнерство перестало преследоваться законом. Но движение ЛГБТ на этом не остановилось. Его цель — легитимизировать на государственном уровне однополые браки и право усыновления в них детей. Феномен беспрецедентный, ломающий преемственность всего цивилизационного процесса. Дети без полноценной пары родителей. Бесконтрольный взрыв рынка репродуктивных технологий. Концептуальный хаос в словаре семейных отношений. И самая главная претензия ЛГБТ-движения — «выравнивание» конституционного и юридического статуса гомосексуального и традиционного браков.

Постановка проблемы

Вопрос, с которого приходится начинать исследование, лежит на поверхности. Почему при том, что можно наблюдать значительные протесты гетеросексуального большинства против легализации гей-браков, а также при том, что в серьезных интеллектуальных дискуссиях доказывается теоретическая непроработанность феминистской доктрины «равенства полов», — почему все-таки растущее большинство населения на Западе не видят в легализованных гей-браках никакой ненормальности. Объяснить этот факт только изощренным и сильным гей-лоббизмом едва ли было бы возможно, не обладая требование легализации однополых браков, требование «брака для всех» тем, что иногда называют «кажущимся правдоподобием». Действительно, как ставит вопрос ЛГБТ-сообщество? Если у гетеросексуалов есть признаваемые обществом и узаконенные браки, то почему гомосексуалы должны быть лишены такой возможности? Здесь же в одной связке идут вопросы о «правах сексуальных меньшинств»

как «правах человека», о «праве на счастье» иметь детей в однополых браках, о необходимости признать тот факт, что мы живем в «новой реальности» — реальности «плюрализма» и «демократизма» сексуальных отношений и т. д., и т. д. Кажется, что это вполне правдоподобные вопросы. А то, что представляется правдоподобным, обычно не вызывает ни протеста, ни критики. Отсюда и наблюдаемая, особенно в молодежной аудитории, беспечность и даже игривость в восприятии этого гей/лесби-феномена.

Ницше на склоне своей философской карьеры предупреждал, что «реальность очень даже правдоподобна». Продолжим эту мысль на единственно приемлемый лад. Кроме наблюдаемой и своеобразной реальности есть и «онтологическая подлинность», есть «природа вещей», есть «аутентичность», есть «подлинная действительность». Именно она не обманет. Именно она обеспечивает устойчивость и приемлемость социального бытия и его институтов, несмотря на изобилие ложных «проб» и тупиковых ошибок, которые сопровождают жизнь и историю человеческого общества. С этой точки зрения теперешнее «триумфальное шествие» легализации однополых браков представляется совсем в ином свете, как-то исключаящее уже отмеченную беспечность и игривость.

«Брак для всех» — ловушка для повседневного сознания

Дело в том, что феномен «однополых браков» в плане когнитивного восприятия — довольно коварное явление. Это действительно так, потому что гей-тема полна «эпистемологических ловушек», которые в общественной науке называются все той же «кажущейся правдоподобностью», «призрачной объективностью», «обманчивой видимостью» и т. д. В самом деле, с внешней стороны в логике гей-лоббизма есть своя «правда»: мы, геи, де не просим ничего лишнего: дайте нам, сексуальным меньшинствам, то, что есть у вас, у гетеросексуального большинства, — право быть супругами.

Адекватно ориентироваться в этих «миражах» — это, конечно, работа не для массового и повседневного сознания. Как выразилась Г. Куби, «население очень смутно ощущает случившиеся изменения» (Куби 2008). Это труд для профессионального и опытного социолога.

Итак, с какой «самоочевидности» начинается гей-дискурс? Право на «брак для всех» является якобы «основным правом человека». Действительно, вопрос о том, относится ли «право» на гей-брак к разряду универсальных прав человека, или это, в лучшем случае, «льгота»

и «экссклюзив» для гомосексуального минорити, составляющего 1–1,5% в демографии современного общества, — вопрос этот мог бы быть хорошей иллюстрацией уже упомянутой «гносеологической» коварности гей-реальности.

Права сексуальных меньшинств и «права человека»

Обращение к теме «прав человека» со стороны представителей секс-меньшинства выглядит, на первый взгляд, довольно логично. Правовое и демократическое сообщество всегда предполагает сохранение и соблюдение не только прав большинства, но и прав меньшинств. Однако, как бы логически непротиворечиво ни смотрелся этот аргумент, мы имеем самую настоящую коллизию не без деструктивных последствий для социума (Новоселова 2013: 109).

Коллизия состоит в том, что «универсальные права человека» и «права меньшинств» — это совершенно разные вещи. «Права человека» потому и называются «универсальными», что они принадлежат каждому человеку независимо от национальности, места проживания, пола, этнической принадлежности, цвета кожи, религии, языка или любых других признаков, включая сексуальную ориентацию. Однако приравнять на этом основании «правовые» претензии геев на суб/контркультуру в «публичном пространстве» (гей-парады), на кардинальное изменение институтов семьи и супружества (гей-браки и усыновление детей в этих браках), — приравнять эти «права» к «правам человека» — это явная подмена понятий, чреватая цивилизационным и антропологическим «суицидом».

«Права человека» — это всегда «права» на что-то, и это «что-то» в современном мире отчетливо и строго кодифицировано. Сошлемся, например, на «Всеобщую декларацию прав человека» (1947): право на жизнь, на свободу, на личную неприкосновенность, право свободно передвигаться в пределах каждого государства, право на гражданство, право владеть имуществом и т. д. Если «право геев» означает «право не быть преследуемым» за гомосексуальность — это одно, и в этом смысле это «право» может с полным основанием быть отнесено к «правам человека». О праве же геев на брак можно говорить, скорее, как о привилегии, как об эксклюзиве. Но здесь уже вступает в силу другая логика: не «прав человека», а «прав меньшинств».

Многие исследователи в последнее время как раз и обращают внимание на прискорбный факт «понятийного кризиса» в теме «защиты прав меньшинства». Суть последнего состоит в том, что «частное»

возводится в ранг «универсального», частные интересы той или иной «группы меньшинства» подверстываются под «универсальные права человека», в результате чего конструкция «универсальных прав» рушится на корню.

Дело в том, что декларация защищает универсальные (всеобщие) права, которые являются, так сказать, «цивилизационным минимумом» современности, в то время как «культурные традиции», на которых иногда спекулируют в том числе и «меньшинства» (или политические режимы), собственно к культуре и цивилизованности отношения не имеют. Совсем не всегда можно говорить об уважении прав личности посредством «уважения культурных различий». «А что если культура, которую призывают уважать релятивисты, предполагает неуважение прав отдельной личности и проповедует подавление инакомыслящих? Когда девушка пытается защитить себя от обычаев уродовать женские гениталии, перетягивать ступни или выдавать за назначенного в детстве мужа; когда вдова не хочет быть сожженной в погребальном костре вместе с покойным супругом, — такой релятивист предлагает “уважать” культурные традиции и обычаи, от которых стремится бежать отдельная личность. Поступая так, релятивист не только не уважает права этой личности, но и дает безусловное моральное одобрение пыткам, насилию и убийству» (Сяорон Ли 2000).

Не «релятивизировать», не «плюрализировать» и т. д. этот свод «универсальных прав человека», не размывать «золотой фонд» этих классических прав человека и гражданина отдельными претензиями со стороны его «миноритариев» — вот императив, который бы позволил бы современному социуму удержаться на уровне стандартов, которые бы прямо соответствовали его цивилизационному содержанию.

Вместе с тем у социологов есть основания для тревоги. И в самом деле, сегодня фактически мы имеем чисто механическое и аддитивное наращивание «прав» тех или иных социальных групп, в результате чего под угрозой оказывается, как уже отмечалось, сам этот базисный концепт «прав человека». Все желают привилегий по частным основаниям, в то время как речь должна идти, действительно, о защите универсальных *humana conditio*, условий человеческого существования. Видный американский социолог А. Этциони в работе «Дух общности» (1993) даже заговорил о моратории на расширение списка «прав человека», поскольку «инфляция прав» приводит к девальвации современной практики «прав человека», а вместе с этим к деградации моральных и социальных основ социума (Etzioni 1996). Почти

слово в слово эту же мысль высказал такой маститый наблюдатель за современной человеческой культурой, как К. Леви-Стросс: «Права человека были четко определены в американской и французской конституциях. В настоящее время открывают новые и новые права, даже само представление о правах человека становится расплывчатым или даже объявлено ничтожным, в то время как их [права человека] в реальности подчиняют определенным интересам» (Барлевен К. фон. Книга знаний... 2010).

Похоже, что теперешняя либеральная культура — именно культура в отличие от экономики и даже политики — пожинает плоды того, что видный французский интеллектуал Пьер Манан назвал «неограниченным суверенитетом личности», что в более точном социологическом переводе, скорее, звучало бы правильнее, как «неограниченный эгоизм/нарциссизм личности». Развивая эту мысль, другой французский автор, Гийом де Премар, считает, что «в диалектике меньшинств смысл закона [об однополых браках] в том, чтобы обеспечить социальное признание индивида во всех его проявлениях. По такой логике всем нужен статус, хотя он у них уже есть: это статус человека и гражданина. Каждый требует для себя новых прав, которые не опираются ни на какие общие реалии. Логика меньшинств — это безумное движение к некоему фиктивному обобщенному равенству, которое ведет к войне всех против всех. И мы видим, как расшатываются принципы совместной жизни в обществе: все сейчас задаются вопросом, как жить вместе» (Однополые браки... 2016).

С автором только что цитированной мысли солидарен известный немецкий социолог У. Бек, который справедливо рассматривает триумф ЛГБТ-сообществ в контексте такого стихийного бедствия, как солипсизм и эгоизм социальных групп, сформированных не только по гендерному принципу. В частности, он не без тревоги пишет о «проявлении некой постмодернистской романтики», устремленной на «сохранение идентичности, проводимой различными меньшинствами в Соединенных Штатах: черными, женщинами, гомосексуалистами, латиноамериканцами и т. д.» (Бек 2008: 48).

Очевидный диагноз складывающейся ситуации с дроблением объектов «защиты прав человека» вплоть до самых незначительных *minorities* может быть обозначен следующим образом. Эти «минорити», опираясь (а скорее, паразитируя на постмодернистской редакции принципа «толерантности», «локальности» и т. д.), доводят положение дел фактически до того, что теперь называют «обратной дискриминацией» и необходимостью «защиты прав большинства».

Обратная дискриминация и защита прав большинства

В литературе, посвященной теме «обратной дискриминацией», принято ссылаться на хрестоматийный случай, когда в 2003 г. городской пожарный департамент Нью-Хейвена (США) аттестовал служащих на офицерские должности. Экзамен успешно прошли только белые и ни одного негра. Городской совет по делам государственной службы отверг результаты тестирования. Белые соискатели нашли в этом признаки «обратной дискриминации» и подали в суд. В итоге дело дошло до Верховного суда США. Последний нашел требования белых истцов справедливыми: «Верховный суд недвусмысленно указал работодателям, что награждать негров и другие меньшинства только за то, что они не белые, неверно. Наблюдатели заговорили о “смене правил”, по которым ведется кадровая политика в стране» (Белые — тоже люди... 2009). Недовольство «обратной дискриминации» зафиксировано в ряде социологических опросов. В частности, «в США по данным за 2012 год 86% согласились с тем, что “мы должны сделать все необходимое, чтобы убедиться, что каждый имеет равные возможности для достижения успеха”, и лишь 33% согласились с тем, что “мы должны сделать все возможное, чтобы улучшить положение негров и других меньшинств, даже если это означает дать им преференции”» (De Silver D. As Supreme Court... 2013).

Как реакция на «обратную дискриминацию», довольно быстро возникает задача «защиты прав большинства». Задача защиты прав большинства относится не только к сфере сексуальных паттернов, но и к области экономической, религиозной, культурной жизни. Например, Л. Оргад рассматривает тревожную ситуацию с угрозой для национальной идентичности коренных народов в странах Западной Европы по причине беспрецедентного притока в эти страны мусульман: к 2051 г. в таких странах, как Австрия, Бельгия, Германия, Испания, национальный баланс радикально изменится — нынешнее большинство превратится в меньшинство в собственной стране. Значимое число мусульман, живущих в Западной Европе, не приемлет ее ценности и предпочитает нормы шариата. Л. Оргад предложил рассмотреть эту проблему терминах «либеральной теории прав большинства» (Кожокин 2017).

Новейшая история спасения «прав большинства» началась как реакция на указанные издержки защиты «прав меньшинства». Но и защита прав большинства не должна вернуть нас в исходное положение полного игнорирования прав меньшинства. Одним словом, не должно

быть «абсолютной победы» ни одной из сторон. В нашем случае, в случае единого «брака для всех» маятник сильно качнулся в сторону гей-минорити. Дело в том, что субъекты традиционного брака попадают в по-новому кодифицированную юридическую реальность: они теперь уже не «муж» (от слова «мужчина»), не «жена» (от слова «женщина»), а «супруг-1» и «супруг-2». Квир-доктрина не допускает половую дихотомию как основание для брака. Если в разнополом браке рождаются дети, то теперь взрослые люди, от которых эти дети произошли, уже не «отец» и «мать», а «родитель-1» и «родитель-2». И это не единственная цена «уравниловки», декретируемой законом «Браком для всех», то есть законом, ставящим «равенство» между гетеро- и гомосексуальными браками. Как быть?

Социальная мысль с драмой «несправедливого равенства» и «справедливого неравенства» столкнулась не сегодня. В социуме это тот один вид «справедливого» неравенства, на которое «согласны все». Критерий такой справедливости сформулировали классики, а в наше время его обосновывал Дж. Роулз (J. Rawls) (1921–2002): неравенство справедливо до тех пор и в том случае, когда оно результируется в «наибольшей выгоде наименее преуспевших». Грубо говоря, в этой игре «с ненулевыми суммами» нет безнадежно проигравших (Роулз 1995). Достигается это консенсусом и добровольностью. Область этого согласия не совпадает с юридическим полем, тип этого согласия ближе к сфере этики и здравого смысла.

Вот это-то умение договариваться и образует самую острую проблему для современных «меньшинств», в том числе сконструированных по гендерному принципу. Если кратко сформулировать «стратегему» для подобных «минорити», то она могла бы звучать банально просто и вечно: «Надо договариваться!» С кем? В нашем случае с «большинством». Потому что за «большинством» — право на «цивилизационную норму», а за (сексуальным) меньшинством — право на «культурный эксклюзив». При этом видно невооруженным глазом, на Западе ЛГБТ-сообщество совсем не склонно договариваться со своими оппонентами в гражданском обществе. Легче всего для геев обозвать тех, кто не согласен с гейской суперактивностью и их самой завышенной планкой требований, — обозвать противников «гомофобами» и не вступать с ними в контакт. Ставка со стороны гей-активистов делается на парламент, высшую исполнительную власть и суды, поскольку все эти власти идут на опережение и признают в законном порядке право геев на однополый брак и усыновление детей в нем.

Квир-концепция как оксюморон

Невероятно, но факт, все те же обыденные «современники» (о самоинтересованных гей-активистах говорить не приходится) не замечают той логической нестыковки, которая лежит в основе радикального феминизма. Речь идет буквально о «противоречии в определении» — «contradiction in adjective». Известно, что, с одной стороны, радикальные феминистки и ЛГБТ-активисты выступают за полное равенство и тождество «статусов» и «прав» мужчин и женщин, гетеросексуального большинства и гомосексуального меньшинства, за «брак для всех». Однако, с другой стороны, они, в полном соответствии с квир-теорией, категорично настаивают на своей «обособленности», на своей «несхожести», на «неодинаковости» своего мира с миром «остальных», «непохожести» их гей-поведенческих паттернов на каноны традиционной сексуальности. Радикальные феминистки начинали с сокрушительной критики брака. В 1984 г. одна из них, Глория Стайнем, прославилась знаменитым афоризмом: «Я не могу спариваться в неволе». К середине же 2010-х гг. дело закончилось легализацией однополых браков. Традиционный брак со всеми его юридическими и лингвистическими реквизитами стал триумфальной добычей для всех «квир-минорити». Правило непротиворечивости в нашем случае требует, как известно, держаться принципа «одно из двух»: или признание «суверенной обособленности» нетрадиционной сексуальности (и тогда неуместны претензии на «равенство» с традиционной гетеросексуальностью), или признание исторически сложившейся традиционной брачной доминанты (и тогда, скорее, уместным становится выбор и легализация однополых браков в формате так называемого гей/лесби-«партнерства»).

По существу говоря, это «концептуальная непроработанность» преследует гомосексуальное движение на всех этапах его восходящих претензий. Как пишет Е. Холмогоров, «Современное гей-движение имеет логическую нестыковку, при которой его конечные требования представляют собой отрицание начальных посылок» (Холмогоров 2011). И в самом деле «Требование для гомосексуалистов признания их “третьим полом”, “другими” и т. д. в логическом смысле уничтожает сами основания для подобных требований, поскольку уничтожает понятие гомосексуализма... Тема сексуального предпочтения мужчинами мужчин может существовать только в том случае, если есть... мужчины... [а это уже не “квир”, не “третий пол” и т. д.] ». Аналогичный «оксюморон» более лаконично подчеркивает и Г. Куби. Радикальные

феминистки, с одной стороны, утверждают, что нет различия между мужчиной и женщиной, а с другой — защищают права женщин (Куби 2012). О том же самом пишут и другие исследователи: «Идеологические лидеры гендер-движения, такие как, например, Джудит Батлер, путаются в противоречащих друг другу высказываниях. С одной стороны, они заявляют, что “не существует мужчин и женщин, пол — это фантазия”, а с другой, борются за права женщин <...> или утверждают, что гомосексуальную ориентацию изменить нельзя, хотя в сексуальности все вроде бы гибко и условно» (Око 2013). Можно привести множество «печальных парадоксов», которыми заканчивались на практике очередные победы гей-сообщества.

Претендуя на присутствие своих малочисленных и частных гомосексуальных практик в универсуме «остального» общества, они, если они открывают свои «ниши» для присутствия носителей гетеросексуальных практик, тут же подвергают себя тому, от чего они хотели бы защититься и быть «не как все», а «другими». Например, ссылаясь на «права человека», секс-меньшинства хотели бы, не теряя своей экстравагантной культурной атрибутики и идентичности, присутствовать во всех общественных местах «остального» общества, а не только в гей-кафе и прочих «своих» нишах. Но это автоматически означало бы (по принципу одинакового применения права), что и гетеросексуалы имеют права на посещение «закрытых» гомосексуальных гей-кафе и прочих мест, отмеченных гомосексуальным статусом. Желанного присутствия «на особицу» у секс-меньшинств при такой претензии на абсолютизацию своих прав не получается (Щелкин 2013).

В этой же связи надо сказать, что некоторые ЛГБТ-активисты готовы признать это *contradiction in adjecto*. По этой причине, например, «есть лесбиянки-феминистки, выступающие против однополых браков <...> Брак для них — институт, служащий интересам мужчин, а не женщин. Кроме того, по их мнению, брак «гетеронормативен», то есть представляет собой институт, где предпочтительной и нормальной сексуальностью является именно гетеросексуальность» (Гейгин 2013). По-видимому, отсюда в гей-сообществе можно наблюдать и более реалистическое понимание «равенства» традиционного и однополого браков в духе лозунга «раздельно, но равноправно».

Говоря о «логической нестыковке» в гей-доктрине, приходится сказать и нечто в методологическом разрезе. В понятийном поле, а тем более юридическом пространстве, любой феномен (в нашем случае, брак) существует, если он «определен» как термин, как понятие, как концепт. Известная формула Спинозы остается в силе — «определить

значит о (т) граничить». Если вы, как в случае с ЛГБТ-доктриной, не о (т) граничиваете, а, напротив, вносите радикальные изменения в состав субъектов брака, то вы открываете «ящик Пандоры»: число и характер этих субъектов не будет знать границ. После этого ничто не мешает заинтересованным активистам «бороться» как за свое «право» на брак: с родственниками (промискуитет), с несколькими персонами (многоженство и полиандрия), с самим собой (сологамия). «Переопределение» брака в корне меняет его онтологию, а значит, и сущность. С этого момента приходится фиксировать разрыв «цивилизационного шаблона». В более упрощенном смысле можно говорить и о такой неуютной (в методологическом разрезе) ситуации, как разрыв «со здравым смыслом».

Пожалуй, подходящим примером мог бы быть назван недавний масштабный скандал, который разразился в западном научном сообществе. Трое уважаемых ученых в течение года писали откровенно бессмысленные статьи, чтобы показать, что сегодня ультрафеминистская социология руководствуется идеологическим клише: осуждение угнетателей и выражение поддержки «униженным и угнетенным». Содержание статей было откровенным издевательством над здравым смыслом. Например, в одной из них предлагалось дрессировать мужчин, как собак. В другой — заставлять белых студентов слушать лекции, сидя закованными в цепи за рабовладельческое прошлое их предков. В третьей предлагалось считать мастурбацию, в ходе которой мужчина представляет в своих фантазиях реальную женщину, актом сексуального насилия по отношению к ней. Вершиной авторского издеательства над феминистской «образованщиной» стала статья с названием «Наша борьба — это моя борьба», откровенно перекликающимся с названием работы хрестоматийного чудовища XX столетия. Считается, что «скандал до сих пор сотрясает американское — и в целом западное — научное сообщество... [Как сказал один из трех авторов скандального эксперимента] мы считаем, что тема гендера, расовой идентичности и сексуальной ориентации, конечно, заслуживает исследования. Но важно исследовать их правильно, без [идеологической] предвзятости» (Научный скандал года... 2018). К сожалению, гендерно-феминистская «революция» откровенно перешагнула пределы, которые ставит принцип, известный с античности: «Ничего сверх меры. — Ne quid nimis», а также принцип «логической самопротиворечивости. — Contradiction in adjecto». «Переписывая» содержание таких цивилизационных констант, как брак и семья, и закрепляя эти «переопределения» юридически, общество постмодернизма предлагает

онтологически малосуразный оксюморон — «брак» и «семья», которые таковыми не являются. Социологам как ученым остается только оценить социально-цивилизационные последствия.

Политический промоушен: скрытая часть айсберга

Казалось бы, юридическое признание однополых браков — это довольно непростой и достаточно затяжной процесс. Как же произошло так, что правовые органы с быстротой лесного пожара устремились на рубеже XXI столетия уравнивать нетрадиционные браки с традиционными?

Известно, что общественное мнение адекватнее всего подсчитывается на референдумах и с помощью социологических опросов. Но именно эту «народную легитимизацию» ЛГБТ-активисты и стараются обойти. Лоббисты однополых браков лучше всего себя чувствуют в коридорах власти, чем в общественных дискуссиях. Они в большей степени опираются на такие механизмы и структуры, как media-пропаганда, корпус высшей судебной власти, партийная элита и высшие эшелоны исполнительной власти.

Типичный пример. В мае 2017 г. на Бермудских островах решением Верховного суда (!) были разрешены однополые браки. Это решение суда было встречено буквально в штыки местным населением. Перед зданием парламента прошли многотысячные акции протеста. В результате в феврале 2018 г. британский губернатор Бермудских островов вынужден был срочно вмешаться и подписать закон, предусматривающий отмену права гомосексуальных пар на вступление в брак (На Бермудских островах... 2017). Этот эпизод, как в миниатюре, характеризует тот факт, что государственные структуры довольно легко вводят правовые нормы для однополых браков, а вот народная, демократическая легитимация идет гораздо труднее.

Читая книгу «Миф равенства»

В заключение хотелось бы обратить читательское внимание на недавно вышедшую в Америке работу «Миф равенства» (электронная публикация в журнале “Modern”, Jul. 18, 2015). «Миф равенства» представляет собой компендиум критических и суровых аргументов в отношении американской «гей-революции» и ее антиамериканских последствий.

Прежде всего, в книге артикулируется генезис гей-тренда: «с 2009 года поддержка гей-браков в США росла в среднем на 4 пункта. Публицист Кристофер Колдуэл отметил, что общественное движение не может меняться так быстро. <...> С начала прошлого века ни одна социальная идея в Америке не была настолько навязана элитами, как гей-браки» (Миф равенства... 2015).

Примечательный факт — как быстро меняли свою позицию первые лица государства в последнее время. Например, Б. Обама в начале своего президентства был против гей-браков, а закончил тем, что решение Верховного суда, предписывающее всем штатам регистрировать однополые браки, он назвал «победой для Америки». Таким же подстраиванием под избирателя отмечена мгновенная эволюция Х. Клинтон, Н. Саркози, А. Меркель.

Американский пример интересен тем, что при более тщательном взгляде все выглядит не так триумфально для гей-политики, как можно подумать после сокрушительного решения Верховного суда 2015 г. В работе «Миф равенства» подчеркивается уже неоднократно акцентируемое здесь обстоятельство: «Решение неконституционно. Суд не законодательный орган. Председатель Верховного суда Джон Робертс, проголосовавший против легализации гей-браков, пишет в особом мнении: “Конституция не имеет с этим решением ничего общего. Верховный суд — это не законодательный орган. Вопросы, являются ли гей браки хорошей идеей, не должен нас интересовать. Согласно Конституции, судьи могут лишь говорить, как выглядит существующий закон, а не каким он должен быть”. <...> Судья А. Скалия в своем особом мнении [пишет]: “Эта практика пересматривания Конституции избранным комитетом из 9-ти судей лишает народ самой важной свободы: свободы самоуправления”» (Миф равенства... 2015).

И это еще не все. Попытки легализовать гей-браки демократическим путем предпринимались неоднократно. Тем не менее из 37 штатов, в которых гей-браки были легализованы до июня 2015, только в восьми легализованы через конгресс штатов, и еще в трех — через гражданский плебисцит. Во всех 26 штатах гей-браки были узаконены исключительно на основании решений верховных судов этих конкретных штатов.

Основной посыл работы «Миф равенства», по всем признакам, бескомпромиссен. Решение Верховного суда — опасный шаг на пути делигитимизации религиозных верований миллионов жителей США, положенных отцами-основателями Конституции 1787 г.

Решение Верховного суда — это «маргинализация и демонизация тех, кто придерживается традиционного определения брака» (Миф равенства... 2015). Другой не менее принципиальный аргумент — это критика того, во что превращается сегодня американское государство и весь либеральный вашингтонский истеблишмент в последние годы. «Переопределение брака будет иметь огромные последствия и приведет к росту государственного тоталитаризма как напрямую через “репрессивную толерантность”, так и косвенно, путем разрушения культурных норм, которые сегодня служат противовесом, сдерживающим экспансию государственной власти в жизнь граждан. <...> Государство взялось переписывать словари, закрепляя в них взаимозаменяемость полов. <...> Пока общество ослабляет рациональный базис брачных норм, все меньше людей будут претворять их в жизнь» (Миф равенства... 2015). В подтверждении этого вывода в работе «Миф равенства» приводится симптоматичный факт: всего через несколько дней после решения Верховного суда популярное левое онлайн-издание «Politico» опубликовало статью «Пришло время легализовать полигамию». «Если консерваторам, — читаем мы в “Мифе равенства”, — не удастся “остановить прогресс”, то процесс юридического уравнивания полигамных браков с моногамными займет значительно меньше времени, чем заняла легализация однополых браков». Добавим от себя. В Колумбии так и случилось. В этой стране в городе Медельин 12 июня 2017 г. зарегистрирован брак между тремя мужчинами.

Оппоненты приравнивания «однополых браков» к статусу и правам «традиционных браков» обращают внимание на принципиальный аргумент, на котором основывали свое решение пять судей (против четырех) Верховного суда США. Эти пять судей, как они признают, исходили из того, что «новая реальность» (гей-брак) — это в меньшей степени вопрос деторождения. В главном, это вопрос защиты права меньшинства на «романтические отношения». «Теперь, когда предназначение брака не в деторождении, — как объяснил в своем послании судья Энтони Кеннеди, — а в закреплении романтических эмоций <...> все остальные детали, нормы и идеалы брака становятся произвольными пережитками отмирающего гетеронормативного общества» (Миф равенства... 2015). Противники же легализации гей-браков функцию деторождения в семье, заботы и воспитания детей в условиях традиционной семьи считают основным мотивом защиты гетеросексуальных браков. «Поскольку государство взяло на

себя задачу юридического определения брака, оно не должно заниматься переписыванием словарей, ставя политкорректность превыше реальности. <...> Традиционная семья сложилась естественным образом как оптимальное решение конкретной проблемы: от секса бывают дети» (Миф равенства... 2015).

Американские критики подошли к легализации однополых браков с позиций того, насколько привилегии для «гей-браков» являются заслуженными льготами, заслуженными правами. Принципиальный тезис работы «Миф равенства» — «права» принципиально отличаются от «привилегий». «Привилегии — это не права, это велфер. <...> Социальные привилегии — это возможность получить некие блага от государства: льготы, пособия, поправки. <...> Государство поддерживает союзы тех, кто создает новых граждан». Геи, как известно, под эту категорию не попадают. Отсюда и подмечаемая тенденция в гей-лоббизме и гей-практиках: постараться перетянуть чиновничью машину государства на свою сторону: «получение одобрения и даже благословение со стороны государства всегда было одной из основных целей ЛГБТ-движения» (Миф равенства... 2015). Однако усиливающееся присутствие государства — это, с точки зрения американской традиции, слишком высокая цена за «гей-либерализм»: «чем слабее становится институт семьи, тем “социалистичнее” и крупнее становится государство, и, соответственно, тем ближе становится огосударствление всех сфер человеческой жизни» (Миф равенства... 2015).

Источники

Барлевен К. фон. Книга знаний. Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени // М.: Прогресс-Традиция, 2010. 504 с.

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 330 с.

Белые — тоже люди (2009). URL: <https://lenta.ru/articles/2009/06/30/firefighters/> (дата обращения: 30.12.2019).

Гейгин Т. Почему многие геи против однополых браков? (2013). URL: https://www.bbc.com/russian/society/2013/06/130611_gays_against_gay_marriages (дата обращения: 30.12.2019).

Кожокин Е. О защите прав большинства // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 177–182.

Куби Г. Призрак бродит по миру — гендерная идеология. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2564> (дата обращения: 30.12.2019).

Куби Г. Глобальная сексуальная революция: Разрушение свободы во имя свободы (2014). URL: <http://www.rodon.org/society-141211113657> (дата обращения 30.12.2019).

Миф равенства. Классический либеральный аргумент против государственных гей-браков (2015). URL: <https://medium.com/modern-magazine/myth-fc27433f22ac> (дата обращения: 30.12.2019).

На Бермудах отменили принятый ранее закон об однополых браках. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42991952> (дата обращения: 30.12.2019).

Научный скандал года: ученые писали фейк-исследования, чтобы разоблачить лженауку. 2018 URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (дата обращения: 30.12.2019).

Новоселова Е. Однополый «брак» — тупиковая ветвь эволюции семьи и общества // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. Социология семьи. С. 85–103.

Однополые браки во Франции два года спустя: полный провал. 2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160207/235300678.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Око Д. Гендерная революция (2013). URL: <https://inosmi.ru/world/20130312/206853289.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Сяорон Ли. Постмодернизм и универсальные права человека. URL: <https://pandia.ru/text/79/064/62616.php> (дата обращения: 30.12.2019).

Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian // Journal of Law and Society. 1996. URL: Agenda https://www.researchgate.net/publication/270234781_The_Spirit_of_Community_Rights_Responsibilities_and_the_Communitarian_Agenda (дата обращения: 30.12.2019).

Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 535 с.

Холмогоров Е. Гей-движение имеет логическую нестыковку. 2011. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2011/6/1/496185.html> (дата обращения: 30.12.2019).

Щелкин А. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 132–141.

De Silver D. As Supreme Court defers affirmative action ruling, deep divides persist // Pew Research Center. 2013. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/06/24/as-supreme-court-defers-affirmative-action-ruling-deep-divides-persist/> (дата обращения: 30.12.2019).

References

Barloewen C. von. *Besedy s vydayushchimisya myslitelyami nashego vremeni* [Knowledge book. Conversations with outstanding thinkers of our time]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2010, 504 p. (In Russian)

Beck U. *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [*Cosmopolitan Vision*]. Moscow, Centre for Post-Industrial Researches, 2008, 330 p. (In Russian)

Belye — tozhe lyudi [*White people are also people*]. 2009. URL: <https://lenta.ru/articles/2009/06/30/firefighters/> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

De Silver D. *As Supreme Court defers affirmative action ruling, deep divides persist*. Pew Research Center, 2013. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2013/06/24/as-supreme-court-defers-affirmative-action-ruling-deep-divides-persist/> (access date: 30.12.2019).

Etzioni A. The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian. *Journal of Law and Society*, 1996, June. URL: https://www.researchgate.net/publication/270234781_The_Spirit_of_Community_Rights_Responsibilities_and_the_Communitarian_Agenda (access date: 30.12.2019).

Geoghegan T. Pochemu mnogie gei protiv odnopolyh brakov? [*The gay people against gay marriage*] 2013. URL: https://www.bbc.com/russian/society/2013/06/130611_gays_against_gay_marriages (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Holmogorov E. *Gey-dvizhenie imeet logicheskuyu nestykovku* [*The gay movement has a logical inconsistency*]. 2011. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2011/6/1/496185.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Kozhokin E. O zashchite prav bol'shinstva [*On the protection of the rights of the majority*]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [*Polis. Political research*], 2017, no. 1, pp. 177–182. (In Russian)

Kuby G. *Prizrak brodit po miru — gendernaya ideologiya* [*A Ghost haunts the world-gender ideology*]. URL: <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2564> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Kuby G. *Global'naya seksual'naya revolyutsiya: Razrushenie svobody vo imya svobody* [*The global sexual revolution: Destruction of freedom in the name of freedom*]. [2014]. URL: <http://www.rondon.org/society-141211113657> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Mif ravenstva. *Klassicheskiy liberal'nyy argument protiv gosudarstvennyh gey-brakov*. [*The myth of equality. The classic liberal argument against state gay marriage*]. [2015]. URL: <https://medium.com/modern-magazine/myth-fc27433f22ac> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Na Bermudah otmenili prinyaty ranee zakon ob odnopolyh brakah [*In Bermuda, the previously adopted law on same-sex marriage was canceled*]. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42991952> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Nauchnyy skandal goda: uchenye pisali feyk-issledovaniya, chtoby razoblachit' lzhenuku [*Science scandal of the year: scientists wrote fake research to expose pseudoscience*]. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-45751968> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Novoselova E. Odnopolyy “brak” — tupikovaya vetv' evolyutsii sem'i i obshchestva [*Same-sex “marriage” — a dead end branch of the evolution of the family and society*]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [*Bulletin of Moscow University's. Series 18. Sociology and political science*], 2013, no. 4, pp. 85–103. (In Russian)

Odnopolye braki vo Frantsii dva goda spustya: polnyy proval [*Same-sex marriage in France two years later: total failure*]. 2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160207/235300678.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Oko D. *Gendernaya revolyutsiya* [*Gender Revolution*]. 2013. URL: <https://inosmi.ru/world/20130312/206853289.html> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [*Theory of justice*]. Novosibirsk, Publishing house of NSTU, 1995, 535 p. (In Russian)

Shchelkin A. Netraditsionnaya seksual'nost' (opyt sotsiologicheskogo analiza) [Non-traditional sexuality (experience of sociological analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [*Sociological research*], 2013, no. 6, pp. 132–141. (In Russian)

Xiarong Li. *Postmodernizm i universal'nye prava cheloveka* [*Postmodernism and universal human rights*]. URL: <https://pandia.ru/text/79/064/62616.php> (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., leading researcher of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. evropa.ru@gmail.com

О. Б. БОЖКОВ, Т. З. ПРОТАСЕНКО

О ПРОБЛЕМАХ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Проблема гомосексуальных отношений, которой посвящена настоящая статья, отнюдь не проста для социологического анализа. Прежде всего, потому что в современном обществе (как в Западном, так и в Российском) подчас чрезмерно идеологизирована. В частности, об этом свидетельствует повышение активности разного рода националистических и «патриотических» образований, вплоть до убийства ЛГБТ-активистов.

Мы постарались акцентировать внимание именно на социологическом анализе этой проблемы. В этом плане она в большей мере связана демографией и демографической политикой, нежели с медициной или психологией. Поэтому особое внимание уделено именно вопросу усыновления/удочерения детей однополыми парами.

Ключевые слова: гомосексуальные отношения, ЛГБТ-сообщества, геи, демократия, демографическая политика государства, права человека, агрессия, влияние однополых родителей на состояние и развитие усыновленных ими детей.

BOZHKOV OLEG B., PROTASENKO TATIANA Z.

ON THE PROBLEMS OF HOMOSEXUAL RELATIONS: SOCIOLOGICAL ASPECT

The article is devoted to the problem of homosexual relations. This problem isn't easy for sociological analysis because in modern Western and Russian society it has overly ideological character. Increased activity of various kinds of nationalist and "patriotic" formations, and also killing of LGBT activists evidence about this fact.

We tried to focus on the sociological analysis of this problem. The paper thereby is more associated with demography and demographic policy than with medicine or psychology. Special attention is paid to the issue of adoption of children by same-sex couples.

Keywords: homosexual relations, LGBT communities, gays, democracy, demographic policy of the state, human rights, aggression, adoption of children by LGBT.

Введение

Как научная проблема — ЛГБТ-сообщества — в большей мере относится к компетенции медиков, психологов, демографов, антропологов. В сфере компетенции социологии и политологии эта тема, с нашей точки зрения, актуальна лишь в одном ракурсе, а именно, как этот феномен влияет на состояние общества.

Сразу заметим — влияет скорее негативно. Вокруг этой темы сломано немало копий между сторонниками и противниками однополых сексуальных отношений. Однако она упорно не сходит со страниц СМИ, по-прежнему в приоритете у различных сайтов и блогов, т. е. довольно агрессивно навязывается обществу. В результате определенная часть общества оказывается непримиримо «расколотой». Утешает лишь то, что и гомофилы, и гомофобы («расколотые» части общества) все-таки в сумме составляют абсолютное меньшинство. Подавляющее большинство населения, по крайней мере, в России вполне или индифферентны к этим сюжетам, или относятся к сексуальным отношениям негативно.

О научной и публицистической полемике

Американский проповедник и политический деятель Патрик Бьюкенен, автор книги «Смерть Запада» (Бьюкенен 2003), усматривает в нынешней политической и, прежде всего, социально-культурной ситуации «подрывную» деятельность неомарксизма. Среди лидеров этого политического направления Бьюкенен выделяет Антонио Грамши и Дьердя Лукача, которые еще в 1940–1950-е гг. обосновывали «новую» политику в борьбе с капитализмом. Суть их позиции состояла в том, что время революций и вооруженной борьбы с капитализмом ушло безвозвратно, а раз это так, то необходимо перенести борьбу в мирное русло и, прежде всего, в сферу культуры. Иными словами, необходимо изнутри разрушать систему ценностей этого общества¹. Распространение и пропаганда сексуальной свободы, в том числе активизация гей- и лесби-движения, по его мнению, эффективные шаги именно в этом направлении.

«Смерть Запада» Бьюкенен усматривает, прежде всего, в резком снижении рождаемости в западном мире, в частности, в Европе и США. Вардан Багдасарян опубликовал в своем блоге обстоятельную

¹ Конечно, можно отмахнуться от этой книги, посчитать ее еще одной «страшилкой» для интеллигентов, и тем не менее, стоит присмотреться более внимательно и к самой идее, и к тем фактам, которые автор приводит в книге.

статью «Россия в фокусе демографических войн нового типа: глобалистская повестка сокращения “лишних людей”»². Уже в первых строках широкого обзора демографической политики обнаруживается сходство позиций двух авторов: «В 2015 г. мир отмечал семидесятилетний юбилей победы над фашизмом. Тогда семьдесят лет назад борьба велась в формате классической войны. Ее цель была очевидна и проста — физически повергнуть противника. С тех пор технологии межгосударственной борьбы существенно модифицировались. Разрабатываются и практически реализуются модели войн когнитивного типа. В фокусе их воздействия оказывается, прежде всего, сознание противника. То, что прежде достигалось через завоевание, сегодня может быть достигнуто путем распространения ложных ценностей. Целесообразно посмотреть с этой точки зрения на институт семьи. Семья — это первоэлемент социальной сборки. Соответственно, в целях уничтожения социума противник будет ставить задачу подрыва института семьи. Различались исторически лишь методы этого подрыва»³.

Приведем небольшой фрагмент этой статьи, касающийся непосредственно нашей темы: «С 1933 года начинается кампания по искоренению гомосексуализма. Основанием послужила докладная записка наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды Сталину о создании гомосексуалистами через салоны антисоветской заговорщической сети. Идеологически гомосексуализм был осужден как проявление морального разложения буржуазии. Прошли чистки от гомосексуалистов государственного аппарата, особо масштабные из которых затронули Наркомат иностранных дел. Широко тиражировалась фраза Максима Горького “Уничтожьте гомосексуализм — фашизм исчезнет”. Усиление негативного отношения к гомосексуалистам, рост гомофобии также отражало вектор реставрации традиционных ценностей. В период хрущевской оттепели советское законодательство о браке и семье было существенно либерализовано. Вновь упрощалась бракоразводная процедура. Декриминализировались аборты. Эта либерализация не замедлила проявиться в резком снижении показателей рождаемости»⁴.

² Багдасарян В. Э. Россия в фокусе демографических войн нового типа: глобалистская повестка сокращения «лишних людей» [Электронный ресурс]. URL: <http://vbagdasaryan.ru/rossiya-v-fokuse-demograficheskikh-voyn-novogo-tipa-globalistskaya-povestka-sokrashheniya-lishnih-lyudey/> (дата обращения 30.12.2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

Столь же резки и бескомпромиссны публикации Егора Холмогорова, который анализирует «логические нестыковки» гей-движения⁵, а также американского юриста и правозащитника Алекса Спака, выдвинувшего «15 аргументов против легализации однополых браков»⁶. Более умеренную позицию в этом вопросе занимает отечественный блогер Ольга Страховская. В частности, она поясняет: «Градации сексуальной ориентации человека иллюстрирует шкала Кинси, где ноль — это исключительно гетеросексуальная ориентация, а 6 — исключительно гомосексуальная. Сколь-либо точной статистики по числу гомосексуалов и бисексуалов в мире нет: данные колеблются от 5 до 7 процентов, что в любом случае делает их меньшинством, но не является критерием для того, чтобы считать их хуже или лучше других»⁷.

Пожалуй, наиболее обстоятельно и непредвзято рассматривает проблему гомосексуализма именно с позиций социологии А. Г. Щелкин. Свой анализ он начинает с фундаментального для понимания сущности самого феномена вопроса: «В современной литературе нет однозначного определения причин гомосексуального поведения. Это значит, что приходится брать в расчет все факторы: биологические, психологические и социальные. С точки зрения развиваемого в данной статье подхода важно определить, можем ли мы все рассматриваемые причины “переклассифицировать” на два вида: объективные, т. е. независимые от человека (необязательно биологические), и субъективные, т. е. находящиеся во власти индивида и его воли. До определенной степени это совпадает с той дилеммой, под знаком которой многие исследователи, руководимые той же логикой, пытаются изучать современную “нетрадиционную ориентацию” — “биологический эссенциализм” versus “социального конструктивизма”» (DeLamater, Hyde). В аналогичном направлении идет и деление гомосексуальности на «истинную», «ядерную», «неизбежную» (детерминированную действительно факторами

⁵ *Егор Холмогоров*. Гей-движение имеет логическую нестыковку [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/user/4297667957/content/egor-kholmogorov-gei-dvizhenie-imeet-logicheskuiu-nestykovku/4185540> (дата обращения 30.12.2019).

⁶ *Алекс Спак*. 15 аргументов против легализации однополых «браков» [Электронный ресурс]. URL: <http://volkgomofob.ru/problem/15-prichin-protiv-legalizacii-odnopolых-brakov.html> (дата обращения 30.12.2019).

⁷ *Ольга Страховская*. Зачем легализовать однополые браки и кому они мешают [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/213797-same-sex-marriage> (дата обращения: 30.12.2019).

биолого-генетического порядка) и «ситуативную», «культурную», «институализированную».

Как показали исследования, у значительной части людей с нетрадиционной ориентацией критическое значение имеет фактор «хромосомного ряда» и особенности протекания пренатального периода плода. Чистая гомосексуальная ориентация, отмечаемая у незначительного процента мужчин, представляет собой следствие генетического полиформизма (Бутовская 2004). Принципиальный момент здесь состоит в том, что признается именно «объективный», «независимый» от индивида, разыгранный «природной лотереей» источник однополых отношений. Момент этот действительно принципиальный, поскольку он задает основание для оценки и выбора отношения к гомосексуальности в современном обществе: гомофобия, с этой точки зрения, считается родом расизма, а толерантность к «сексуальным меньшинствам» — признаком культуры (Щелкин 2013).

А. Г. Щелкин отмечает, что российская социология в курсе многих проблем в сфере теории и практики гомосексуальных отношений. «При этом надо обратить внимание, что отечественных авторов, пишущих на эту тему, приходится разделить, по крайней мере, на две группы: одну составляют собственно социологи (Божков О., Лушников А., Петина Т., Протасенко Т., Семькина К., Тарусина Н. и др.); иную — те социологи, которые сами являются сторонниками квир-теории (среди них заметно выделяется А. Кондаков), а также ЛГБТ-активисты и правозащитники. Об этом втором “кластере” российских участников можно, например, получить представление по составу выступавших 6 октября 2014 г. в Минске на конференции “Квир-сексуальность: политики и практики” (Бабенко 2013). <...> Известно, что общественное мнение адекватнее всего подсчитывается на референдумах и с помощью социологических опросов. Но именно эту “народную легитимизацию” ЛГБТ-активисты и стараются обойти. Лоббисты однополых браков лучше всего себя чувствуют в коридорах власти, чем в общественных дискуссиях. Они в большей степени опираются на такие механизмы и структуры, как media-пропаганда, корпус высшей судебной власти, партийная элита и высшие эшелоны исполнительной власти. В самом деле, сегодня однополые браки легализованы уже в 28 странах мира. — Но плебисцитарный способ продвижения в “гей-футуризм” для них не характерен»⁸.

⁸ Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. Т. 45, № 11. С. 152–160.

Общественное мнение об однополых браках

Приведем некоторые результаты «чужих» и наших исследований (2017 года⁹) об отношении петербуржцев к однополым «бракам» и усыновлению детей однополыми парами (табл. 1).

Таблица 1

Отношение опрошенных к легализации однополых браков

Группы населения (100% каждая группа)	Ответы представителей данной группы (% по строкам без учета отказавшихся отвечать)			
	за разрешение регистрации однополых браков	трудно сказать	против разре- шения регистра- ции однополых браков	не инте- ресует
Пол				
мужчины	6,9	6,6	76,6	7,9
женщины	7,3	8,7	77,7	5,1
Возраст				
18–29 лет	14,3	12,8	60,6	11,3
30–39 лет	6,8	8,2	76,9	4,1
40–49 лет	8,1	4,1	80,2	6,4
50–59 лет	3,1	8,8	81,8	5,0
60 лет и старше	2,7	5,0	87,2	4,1
Образование				
среднее общее и специальное	7,4	9,8	74,1	8,2
высшее и н/высшее	7,1	6,5	79,6	4,5
Оценка материального положения семьи				
бедные	7,6	9,1	72,7	6,1
между бедными и ср. классом	4,5	8,4	79,9	6,1
условно средний класс	6,4	7,9	79,2	5,6
относительно обеспеченные	14,3	1,8	71,4	7,1
Отношение к усыновлению детей однополыми парами				
разрешить усыновление	53,7	8,5	26,8	11,0
трудно сказать	9,5	42,9	39,7	7,9
не разрешать усыновление	2,0	4,9	90,7	2,1
Все взрослые петербуржцы	7,1	7,8	77,2	6,3

⁹ Исследование проводилось СЦ «Мегаполис» под руководством Т. З. Протасенко в апреле–мае 2017 г. Репрезентативная выборка 1600 чел., телефонный опрос.

Если пять лет назад порядка 73% всех взрослых петербуржцев были против разрешения регистрации однополых браков, то сегодня эта доля возросла до 77%. Понятно, что более молодые люди настроены менее категорично, нежели представители старших возрастов.

Теперь рассмотрим отношение к теме усыновления детей однополыми парами (табл. 2).

Таблица 2

Отношение опрошенных к усыновлению детей однополыми парами

Группы населения (100% каждая группа)	Ответы представителей данной группы (% по строкам без учета отказавшихся отвечать)			
	за разреше- ние усынов- ления	трудно сказать	против разреше- ния усынов- ления	не инте- ресует
Пол				
мужчины	9,1	6,9	78,7	4,6
женщины	9,1	7,1	79,2	3,2
Возраст				
18–29 лет	19,7	11,8	62,1	5,9
30–39 лет	8,2	7,5	78,2	4,1
40–49 лет	7,6	3,5	82,6	5,2
50–59 лет	3,6	5,7	87,4	1,0
60 лет и старше	5,0	5,9	86,3	1,8
Образование				
среднее общее и специальное	9,5	7,9	76,6	5,4
высшее и н/высшее	9,2	6,1	80,6	2,5
Оценка материального положения семьи				
бедные	6,1	4,5	80,3	9,1
между бедными и ср. классом	4,5	6,1	84,4	3,8
условно средний класс	10,1	6,4	80,1	2,4
относительно обеспеченные	12,5	8,9	73,2	1,8
Отношение к регистрации брака между однополыми парами				
разрешить регистрацию	68,8	9,4	21,9	0,0
трудно сказать	10,0	38,6	50,0	1,4
не разрешать регистрацию	3,2	3,6	92,8	0,3
Все взрослое население	9,1	7,0	79,0	3,8

Отношение к усыновлению детей однополыми парами более негативное, нежели отношение к таким бракам. Здесь негатив подходит почти к 80%, хотя увеличивается и доля сторонников усыновления. Разницы между мужчинами и женщинами в этом плане почти нет. Молодежь до 30 лет более толерантна: почти 20% — «за»; старше 60 лет — почти 87% «против». Образование практически не влияет на результат. Уровень дохода семьи влияет так: «за» лишь около 13%, а «против» — 73%. В целом «против» — почти 80% опрошенных, «за» — около 9%.

В 2015 г. в Томской области было проведено исследование по выявлению отношения общества к ЛГБТ (Темникова, Аверина 2015). Приведем выдержки из статьи об этом проекте: «98% от всех опрошенных как в очном, так и в заочном тестировании ответили, что знают о существовании гомосексуалов в нашем обществе. Однако при ответе на вопрос о том, сталкивались ли они с такими людьми в своем городе, только 28% в печатной версии и 33,9% в электронной ответили, что лично встречались с такими людьми, тогда как более половины никаких контактов с представителями ЛГБТ не имели (68% — очное и 62,7% — заочное).

При выявлении общего отношения к представителям «сексуальных меньшинств» в печатной и электронной версии опросника были замечены некоторые различия. В электронной версии негативного отношения было выявлено больше, чем при опросе печатном: 28,3% против 16%. Опять же такое различие может быть связано с большей анонимностью системы Google-опросов. В печатной версии респонденты в большей степени склонялись к нейтральному отношению, т. е. готовы мириться с присутствием гомосексуалов, пока те их не затрагивают лично. Полное распределение ответов представлено на рис. 1 и в табл. 3.

По данным опроса Левада-центра (май 2019 г.) 47% россиян считают, что представители ЛГБТ должны пользоваться такими же правами, как и граждане традиционной сексуальной ориентации (43% против). Около четверти респондентов (27%) считают сексуальную ориентацию врожденным свойством, которое не меняется под воздействием внешних факторов. Почти половина опрошенных (47%) уверена, что под влиянием окружения, воспитания или жизненных событий сексуальная ориентация может измениться¹⁰.

¹⁰ Почти половина россиян выступила за равные права для геев [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/05/23/pochti-polovina-rossiyan-vystupila-za-ravnye-prava-dlya-geev/> Путин признал заслуги геев в своем окружении и радужный флаг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUMSE98301W20130904>

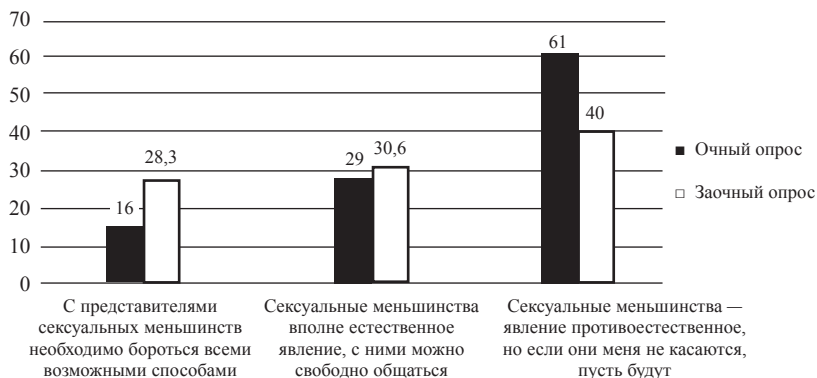

Рис. 1. Отношение опрошенных к гомосексуалам¹¹

Таблица 3

Отношение к закону «О запрете пропаганды гомосексуализма», %

	Печатная версия	Электронная версия
«Поддерживаю» — данный закон необходим для нашего общества	25,9	28,7
«Поддерживаю» — устраивает, но острой необходимости в нем нет	20,7	15,6
«Не поддерживаю» — такой закон нарушает права гомосексуалов	8,6	13,9
«Не поддерживаю» — это лишнее привлечение внимания к однополым отношениям	12,1	17,2
Мне все равно	19,0	12,3
Затрудняюсь ответить	12,1	7,4
Другое	1,7	4,9

¹¹ Опрос населения проводился методом анкетирования. Было использовано два способа опроса: очное анкетирование (печатная версия анкеты) и заочное анкетирование (с помощью системы Google — опросов). Всего было получено 280 анкет, из них 100 в печатном виде, 180 в электронном виде. К сожалению, авторы не указали какие возрастные группы попали в поле их внимания.

Таким образом, можно констатировать, что градус негативного отношения к гомосексуализму у российского населения все еще достаточно высок, хотя по некоторым опросам «веса» сторонников и противников заметно сближаются. Вероятно, на это оказывает определенное влияние, отношение к этой проблеме, публично заявляемое Президентом России: «Я Вас уверяю, что я работаю с такими людьми, я их иногда награждаю государственными медалями и орденами за их достижения в тех или других сферах. У нас абсолютно нормальные отношения, и я не вижу здесь ничего особенного. Вот говорят, что Петр Ильич Чайковский был гомосексуалистом, правда, мы любим его не за это, но он был великий музыкант, и мы все любим его музыку. Ну и что? Не надо делать из мухи слона, ничего страшного здесь у нас в стране и ужасного не происходит»¹².

Тем не менее о росте вандализма и ненависти к представителям ЛГБТ-сообщества свидетельствуют данные различных источников (табл. 4).

Таблица 4

Результаты опросов ЛГБТ-людей относительно физического насилия в отношении них по причине их сексуальной ориентации или гендерной идентичности

	2007 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год
Подвергались физическому насилию неоднократно	27%	2%	3%	3%	2%
Подвергались физическому насилию один или два раза		12%	13%	12%	13%

Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Права_ЛГБТ_в_России (дата обращения: 30.12.2019).

¹² Путин признал заслуги геев в своем окружении и радужный флаг [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUMSE98301W20130904> (дата обращения: 30.12.2019).

Интересно, что в этом же источнике обобщены данные также и по двум другим видам насилия: психологическому и сексуальному. Однако последнее встречается существенно реже. Наиболее «массовым» оказывается насилие психологическое. Однако именно на физическое насилие общество (прежде всего ЛГБТ-сообщество) реагирует наиболее интенсивно, как это было в связи с недавним убийством петербургской ЛГБТ-активистки Елены Григорьевой¹³.

Однополые пары и дети

Вопрос о влиянии однополых родителей на состояние и развитие усыновленных такими родителями детей изучен явно недостаточно. Тем более интересна статья американского социолога Пола Саллинза (Paul Sullins), для Британского журнала «Education, Society & Behavioural Science» который пришел к выводу, что «у детей с однополыми родителями эмоциональные проблемы увеличиваются более чем в два раза по сравнению с детьми, у которых родители — люди разного пола»¹⁴. В этом исследовании на материалах опроса 512 детей отмечается, что у детей зафиксированы существенные эмоциональные проблемы.

Справедливости ради, надо заметить, что влияние состава семьи (не только с точки зрения однополых пар) на социализацию детей — проблема важная, и она систематически изучается. В частности, исследователи регулярно отмечают проблемы социализации детей, выросших в неполных семьях. Особенно в семьях с одним родителем — матерью. В последнее время появились исследования, посвященные социализации детей в так называемых опекунских, патронатных, приемных семьях, резидентов «детских деревень». А также особенностей поведения выпускников детских домов, которые получили жилье, даже отдельные квартиры в новостройках Петербурга. Замечено, что в этом случае формируются мини-анклавы в жилищных массивах, в подъездах домов, где живут

¹³ Как после убийства Елены Григорьевой изменилась атмосфера в ЛГБТ-сообществе и действительно ли гомосексуалам стали чаще угрожать [Электронный ресурс]. URL: <https://paperpaper.ru/kak-posle-ubijstva-eleny-grigorevoj/> (дата обращения: 30.12.2019).

¹⁴ Американский социолог доказал, что однополые «семьи» вредны для детей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.word4you.ru/interesting/28811/> (дата обращения: 30.12.2019).

обычные городские жители, в том числе приобретшие квартиры за собственные деньги. И в этих анклавах воспроизводятся особенности коллективного образа жизни в детских домах, с постоянными тусовками, ночевками в квартирах многочисленных приятелей, неспособность самостоятельно поддерживать в удовлетворительном состоянии санитарно-гигиенические нормы коммунального бытия. Это отличается от привычного образа жизни петербуржцев и приводит к конфликтам.

Ясно, что проблемы социализации детей, да и не только детей — ибо человек, по сути социализируется, то есть приспосабливается к условиям своего существования всю жизнь — требуют специальных и регулярных исследований, тем более, что «текущая современность», по выражению З. Баумана, в настоящее время как никогда текуча и меняется очень быстро.

Проблемы детей в гомосексуальных парах рассматривает, например, Ольга Страховская: «Возможность иметь детей в гомосексуальных парах не связана напрямую с их правом регистрировать брак и определяется законодательно в разных странах по-разному. В ряде государств, где однополые браки запрещены, гомосексуальные пары все равно могут иметь детей»¹⁵.

Приведем ряд правительственных постановлений, принятых в последнее время относительно усыновления. Президент России Владимир Путин 3 июля 2013 г. подписал закон, запрещающий усыновлять российских сирот иностранцам, которые состоят в однополым браке, а также и не состоящим в браке. Это произошло всего через два дня после подписания «антигейского» закона. Через год премьер-министром России подписано постановление, которое запрещает всем гражданам стран, в которых разрешены однополые браки, усыновлять российских детей. Аналогичные законодательные инициативы можно было наблюдать и в трех странах СНГ: в Армении, Киргизии, Казахстане.

Нельзя обойти вниманием позицию по этому вопросу самого Президента РФ В. В. Путина: «У нас есть закон, запрещающий пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. И логика этого закона в том, чтобы дать детям спокойно вырасти, не влияя на

¹⁵ *Ольга Страховская*. Зачем легализовать однополые браки и кому они мешают [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/213797-same-sex-marriage> (дата обращения: 30.12.2019).

их сознание. А когда он вырастет, он может принять любое решение, как ему строить свою жизнь, в том числе личную и сексуальную»¹⁶.

Принципиально то, что закон о запрете гей-пропаганды направлен именно на защиту детей. По мнению А. Щелкина, в любом человеческом обществе словосочетание «право на ребенка» звучит абсурдно. Общество, скорее, защищает «права ребенка». «Претензия же людей любой сексуальной ориентации на “право на ребенка” несет оттенок “права собственности”, отдает отношением к ребенку как предмету и даже товару (Щелкин 2019). «Вместе с тем главным мотивом критики “производства” детей у геев и лесбиянок остается опасение за угрозу “цивилизационной непрерывности” институтов семьи и брака» (Щелкин 2019).

Заключение

Хотя современная семья переживает период серьезных изменений, мы далеки от алармистских настроений, несмотря на активность ЛГБТ-сообществ. Тем более, что и гей-движение в определенной мере, по мнению А. Щелкина, заходит в тупик (Щелкин 2019).

Мы вполне солидарны с позицией автора в том, что принципиальное значение в критике и теоретическом анализе гомосексуальности мог бы иметь «цивилизационный критерий». Но здесь тоже все непросто. Общий постмодернистский тренд в развитии современной социологии, отрицающий так называемые «большие нарративы», т. е. обобщающие теории, уводит внимание исследователей к отдельным случаям. При этом полагается, что все отдельные случаи равнозначны и равноценны. И хотя сами слова «теория», «теоретический анализ» все еще активно используются в научных текстах, но, скорее, как дань формальным требованиям. Сам феномен гомосексуализма еще ждет серьезного теоретического социологического и демографического (не медицинского, и даже не психологического) анализа.

Похоже, руководство страны понимает, что пропаганда гомосексуализма — это тоже демографическая политика. Важно понимать и другое, — демографическая политика государства вряд ли может быть эффективно реализована вне либеральных ценностей.

¹⁶ Путин: в России нет притеснений гомосексуалистов [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4334330> (дата обращения: 30.12.2019).

Источники

Божсков О. Б., Протасенко Т. З. Однополые браки — сюжет, который навязывается обществу. Кому-то это надо? // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 156–169.

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. Москва: Издательство АСТ, 2003. 444 с.

Исследование отношения к ЛГБТ среди сотрудников ключевых социальных сервисов пяти стран Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии в рамках Региональной программы ЕКОМ «Право на здоровье» / Р. Москотина, Н. Дмитрук, О. Трофименко, Ю. Привалов, М. Касянчук (Евразийская коалиция по мужскому здоровью). Киев, 2017. 94 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belaid.net/wp-content/uploads/2018/06/03_Gatekeepers-attitudes-survey-ru.pdf (дата обращения 30.12.2019).

Темникова О. А., Аверина Е. А. Отношение общества к представителям ЛГБТ-сообщества (на материалах Томской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XLIII междунар. студ. науч. — практ. конф. 2016. № 6 (42). С. 39–44. URL: [https://sibac.info/archive/social/6\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/social/6(42).pdf) (дата обращения 30.12.2019).

Щелкин А. Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. Т. 45, № 11. С. 152–160.

Щелкин А. Г. Нетрадиционная сексуальность (опыт социологического анализа) // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 132–142.

References

Bozhkov O. B., Protasenko T. Z. Odnopolye braki — syuzhet, kotoryy navyazyvaetsya obshchestvu. Kому-то это надо? [Same-sex marriage is a plot that is imposed on society. Does anyone need this?] *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2012, no. 2, pp. 156–169. (In Russian)

B'yukenen P. Dzh. *Smert' Zapada* [Death of the West]. Moscow, AST, 2003, 444 p. (In Russian)

Issledovanie otnosheniya k LGBT sredi sotrudnikov klyuchevykh sotsial'nykh servisov pyatii stran Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy i Tsentral'noy Azii v ramkah Regional'noy programmy EKOM "Pravo na zdorov'e" [A study of attitudes towards LGBT people among key social services employees of five countries of Central and Eastern Europe and Central Asia within the framework of the ECOM Regional Right to Health Program]. R. Moskotina, N. Dmitruk, O. Trofimenko, Yu. Privalov, M. Kasyanchuk. Kiev, 2017, 94 p. URL: https://www.belaid.net/wp-content/uploads/2018/06/03_Gatekeepers-attitudes-survey-ru.pdf (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Temnikova O. A., Averina E. A. Otnoshenie obshchestva k predstavitel'yam LGBT-soobshchestva (na materialakh Tomskoy oblasti) [The attitude of society to the representatives of the LGBT community (based on materials from the Tomsk region)]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Obshchestvennye nauki: sb. st. po mat.*

XLIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. 2016. [Scientific community of students of the XXI century social sciences: Sat Art. by mat. XLIII Int. Stud. scientific-practical conf. 2016], 2016, no. 6 (42), pp. 39–44. URL: [https://sibac.info/archive/social/6\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/social/6(42).pdf) (access date: 30.12.2019). (In Russian)

Shchelkin A. G. Legalizatsiya odnopolyh brakov: k voprosu o sotsial'no-tsivilizatsionnyh posledstviyah [Legalization of gay marriage: socio-civilizational consequences. From the history of modern intellectual and civil resistance]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2019, vol. 45, no. 11, pp. 152–160. (In Russian)

Shchelkin A. G. Netraditsionnaya seksual'nost' (opyt sotsiologicheskogo analiza) [Non-traditional sexuality (the experience of sociological analysis)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2013, No. 6, pp. 132–142. (In Russian)

Олег Борисович Божков, старший научный сотрудник,
СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Bozhkov Oleg B., Senior Researcher,
SI RAS — branch of the Federal research Center
of the Russian Academy of Sciences.
olegbozh@gmail.com

Татьяна Захаровна Протасенко, старший научный сотрудник,
СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН.
Protasenko Tatyana Z., Senior Researcher,
SI RAS — branch of the Federal research Center
of the Russian Academy of Sciences.
tzprot@mail.ru

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-12.3vzx-3c65

О. Н. Ноговицин

РУССКИЙ МОДЕРН И ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИКИ В РОССИИ ОТ РУБЕЖА XIX–XX вв. К СОВРЕМЕННОСТИ

В статье представлен аналитический обзор материалов работы социально-политических секций состоявшейся 25–28 сентября 2019 г. в Санкт-Петербурге Международной научной конференции «Русский логос – 2: Модерн — границы контроля». Показано, что обсуждение на конференции проблематики разнообразных течений русской мысли конца XIX — начала XX вв., в широком смысле — идеологии русского модерна, до сих пор остается эксклюзивной формой актуализации в интеллектуальных практиках проблем современного российского общества. Базовой дилеммой рефлексии этих проблем является смысловая двойственность между логикой революционного требования преобразовать социально-политическую реальность российского государства и консервативной тенденцией, составляющей изнанку революционного праксиса, и, наоборот, между консервативной логикой сохранения основ нормализованного порядка жизни и невозможностью, что особенно характерно для интеллигенции эпохи модерна, выдержать страшное зрелище коренной несправедливости социального порядка. Сопутствующая сознанию этой двойственности проблема самой возможности осмысленного праксиса, способного вывести по ту сторону от означенной дилеммы, как собственная проблема всякого модернистского сознания, выражает теоретическую и практическую суть данного конфликта.

Ключевые слова: русский модерн, марксизм, родовая сущность человека, русская революция, мессианизм, консерватизм, народничество, консервативный либерализм, анархизм, космическое хозяйство.

NOGOVITSIN OLEG N.

THE RUSSIAN MODERN AND PROBLEMS OF SOCIETY AND POLITICS IN RUSSIA FROM THE TURN TO THE XIX–XX CENTURIES TO THE PRESENT

Исследование разнообразных импликаций модернистской мысли является едва ли не ведущей темой современных гуманитарных

и общественных наук. Идея перманентной актуализации понятия «современности», положенная эпохой модерна как ведущая для общественного и индивидуального сознания задача, руководит всяким актуальным порядком мышления во всех его разнообразных дисциплинарных полях и социальных практиках. Русский модерн в этой связи выражает едва ли не самый радикальный опыт по преобразованию человеческого образа мысли и общественной организации. И эта задача до настоящего времени отражает форму существования российского общества, для которого во всех его стратах — и власти, и общественности — запрос на идейное обоснование и реформирование общественных практик, на такую экспликацию внутреннего основания социальной жизни, которая способна явственно выразить особую, универсально значимую форму опыта русского народа, является ведущей тенденцией и наиболее актуальной задачей. Исследованию исторического опыта русского модерна была посвящена прошедшая 25–28 сентября 2019 г. в Санкт-Петербурге Международная научная конференция «Русский логос – 2: Модерн — границы контроля», ставшая второй в рамках начатого в 2017 г. проекта «Русский логос». Первая «Русский логос: горизонты осмысления» состоялась два года назад в Санкт-Петербурге 25–28 сентября 2017 г. Организаторами конференции 2019 г. выступили: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург), Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург), Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого, Международный центр изучения русской философии, «Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ». Состоялось большое городское мероприятие на площадках нескольких университетов и академических институтов Санкт-Петербурга, в котором приняли участие 270 докладчиков из научных центров и регионов России (от Калининграда до Владивостока), а также зарубежные исследователи русской мысли. В итоге в конференции и ее организации участвовали ученые из 18 стран (Россия, Украина, Белоруссия, Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Австрия, Италия, Франция, Германия, Финляндия, Япония, Великобритания, Узбекистан, Латвия, Австралия, США). В организационный и программный комитеты конференции вошли ведущие российские и зарубежные специалисты по русской философии и истории русской мысли, в том числе в области

исследований русского модерна (Франция, Германия, Италия, Финляндия, Сербия, Польша, Словакия, Япония, Украина).

В рамках конференции проходила работа 13 секций, посвященных разнообразным междисциплинарным исследовательским опытам, непосредственно связанным с проблемным полем изучения и осмысления русского модерна. В их числе были секции: 1. Русская религиозно-философская мысль конца XIX — начала XX вв. — консерватизм или модерн? 2. Русский модерн, его культурные и идеологические импликации: от советской эпохи к современности. 3. Парадоксы русского логоса: модерн — авангард — традиция. 4. Модерн и общественно-политическая мысль в России. 5. Русский марксизм: между теорией и практикой. 6. Многоголосица русского логоса: русский модерн и религиозное сознание. 7. Литература и искусство русского модерна. 8. Искусство русского авангарда и философия — революция в мышлении или мысль о невозможном. 9. Модерн и классика русского кинематографа. 10. Русская логическая мысль и модерн. 11. История высшей школы и философское образование в России: история и современность. 12. Границы понимания современности в русской мысли: геополитика — война — национальное самосознание. 13. Античный праксис и «русский логос»: от истоков — к модерну.

Столь широкий горизонт тем, вынесенных для обсуждения участниками конференции, предоставил пространство для диалога представителям различных дисциплинарных традиций исследования русской мысли и культуры эпохи модерна, и повод к обсуждению возможности и формы рецепции их исторически сложившегося архива в современных философских, религиозных, политических и поэтических практиках. Исторически и жанрово русская мысль принимала многообразные формы выражения и проявляла себя как в виде различных философских течений, в отдельные периоды истории России бравших на себя роль идеологических, общественно-политических движений, так и в виде церковно-религиозного слова и литературно-поэтических опытов выражения. Эта, характерная для русской мысли, особенность, несомненно, связана с ее фундаментальной профетической направленностью, внутренней необходимостью осмысления актуального праксиса социальной жизни в горизонте понимания его как предоставляющего место универсальной возможности осмысленного существования всего человечества в целом. В этом смысле для русских интеллектуалов — как философов и политиков, так и художников и писателей — постановка вопроса о судьбе России всегда имела дополнительный метафизический контекст, перекрывавший ограниченные цели прагматики исторического момента, и не отделялась

в уме от универсалистского расширения горизонта вопрошания до идеи о всемирно-исторической миссии русского народа. Так или иначе, этот вопрос и подобное его понимание, начиная как минимум с XIX в., являлся во многом доминирующим, в том числе и в поле его критики.

В этом обзоре докладов конференции мы ограничимся анализом работы социально-политических секций, заседания которых прошли в стенах Социологического института РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, лишь отчасти привлекая материалы других, и попытаемся выделить доминировавшие на заседаниях темы, представив их в содержательной и аналитической развертке. Это позволит взглянуть на современное состояние умов в интеллектуальном пространстве русской мысли, когда она обращается на саму себя, тем более когда предметом обсуждения становится мысль философов, писателей, художников, общественных деятелей, теоретиков и практиков политики и права столь важного для интеллектуальной истории России периода.

Конференция была посвящена русскому модерну в двух существенных его аспектах: модерну, как особой эпохе истории русской мысли и одновременно самому событию модерна, генеративная сила которого до сих пор будоражит мысль, стремящуюся быть современной, заключая в себе возможность творческого вдохновения и активного поиска в философии, политике и искусстве. Тематическое пространство конференции было задано вопросом о соотношении традиции и того «нового» в мышлении, искусстве, политике, что являет внутренний нерв и создает поле творческого напряжения в исканиях русских философов, писателей, художников, общественных деятелей конца XIX — первой половины XX вв. В этих исканиях сущностная для модерна идея гения, что сам себе ставит границы и тем самым испытывает границы общественного вкуса вплоть до предельной авангардной идеи коллективного революционного творчества масс, нашла свое, вероятно, наиболее радикальное воплощение. Снова обратиться к осмыслению этого опыта — такова была задача, которую участники проекта решали на разнообразном материале, философии, литературы, искусства, политики, культовых практик религии и ее отрицания, в широком тематическом поле исследований перехода от дореволюционных модернистских моделей мысли к революционным и постреволюционным («золотое десятилетие» — 1920-е гг.), включая опыты «нового мышления» и «новой поэзии» уже в рамках реализованной тотальности советского государства (1930–1940-е гг.). Данные временные рамки только условно очерчивали тематическое поле конференции или, скорее, являлись точкой отсчета для актуализации и прояснения современных проблем

российского общества, государства, социальной и политической жизни, даже если речь шла о докладах в классическом жанре исторического — философского, литературоведческого, социолого-политического или религиоведческого — исследования¹. Содержание выступлений, сделанных на конференции, и их обсуждение свидетельствуют о том, что модерн — не просто уже исторически пройденная веха на пути развития самосознания российского общества, напротив, остается впечатлением, что его цели не только не достигнуты, но и не разоблачены в качестве иллюзий, которые уже невозможно питать без стыда быть уличенным в наивности. Сама идея претупания границ сложившегося порядка, обновления самого существа жизни и моделей смыслополагания по ту сторону от устоявшихся социальных практик и форм общественного вкуса, как минимум их радикального преобразования, презумпция ее невинности, остается действенной формой актуализации исторического содержания русской мысли. Достаточно указать уже на то, что, скажем, секция конференции, посвященная авангардному искусству («Искусство русского авангарда и философия — революция в мышлении или мысль о невозможном») была едва ли не наполовину наполнена докладами о Казимире Малевиче, с его радикальной идеей деструкции классического искусства, как реалистического, так и пост-реалистического, непосредственно связанной с религиозным адогматизмом художественных и теоретических работ Малевича, почти перверсивным смещением творческого опыта (равного самой «жизни») в апофатический контекст посюсторонней мистики чистой формы и абсолютизации ничем не замутненной простоты цветовой тональности.

Так понятой идее осуществления художественного опыта в социально-политических импликациях истории русского модерна тематически соответствует марксистская идея революционного обновления человека, заданная существом самого исторического процесса, в ходе которого шелуха старого мира, как «кожаные одежды», которыми наградил Господь Адама и Еву после их грехопадения, должна спасть, обнажив «осмысленную» и «думающую» плоть нового, «человеческого» в собственном смысле этого слова мира. Упразднить ветхое и древнее здесь означает также достичь невинности деятельности, в которой полная взаимопроницаемость «братского» сознания наконец совпадет со справедливостью воздаяния тем, кто сопротивляется непосредственности коллективного явления чистоты «родовой сущности» человека, уже не стесненного оковами экономической эксплуатации

¹ Материалы конференции опубликованы в издании: Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019.

возможностей тела и идеологическими цепями, опутавшими теперь, в революционном действии, потенциально раскрепощенный ум эксплуатируемого класса.

Замечательно в этой связи то, что обсуждение на секции, посвященной понятию модерна в марксизме («Русский марксизм: между теорией и практикой»), в отличие от заседаний марксистской секции на «Русском логосе» 2017 г., где доминировала тематика изучения послевоенного советского марксизма, было сосредоточено на слабо исследованной в историографии марксизма проблематике «богостроительства», а также смежных ей темах. При этом идеи «богостроителей» рассматривались сквозь призму вопроса о существовании формирования идеи «народа», в качестве субъекта революционного действия, замещающего собой трансцендентную инстанцию божественного, воплощенную в санкционированном господствующим классом общественном порядке и религиозной презумпции истинности ветхозаветного Закона, и таким образом исполняющего, возведенный пришествием Христа, новый завет освобожденного человечества. Двусмысленность этой идеи рассматривалась докладчиками с разных сторон: примата в русском «богостроительстве» по сравнению с богоборческими идеями Фейербаха и Ницше идеи коллективности субъекта революционного действия, русского «народа» как лика «Христа», несущего освобождение народу вообще в его универсальной всечеловеческой сущности (И. С. Коковин); теоретических оснований такого понятия у «вождей» движения богостроителей А. Богданова, А. Горького, В. Базарова и А. Луначарского (О. М. Бабкова); специфического опыта «завуалированного» возрождения и практического претворения идеи «богостроительства» как способа эстетического преобразования человеческого сознания и чувственности, через «пропаганду» нового образа жизни в культовых мероприятиях и культурной политике постреволюционного советского государства, несмотря на тотальную критику богостроительства В. И. Лениным в его «Материализме и эмпириокритицизме» и публичное раскаяние руководителей движения в своих оппортунистических взглядах (Акафучи Рисако). Луначарский, возглавлявший многие годы Наркомпрос, по сути реанимировал идеи богостроительства именно в контексте «консервативной» революции, через организацию культуры общества «советского» образца, сформировавшей культурно-идеологические скрепы, на многие годы определившие повседневные практики жизни советского государства. Этот специфический параллакс между мессианским истоком идеи богостроителей и его консервативной сущностью обсуждался в докладе О. Н. Ноговина, в котором были прослежены общие черты между революционным мессианизмом богостроительства

и консервативным антимессианизмом В. В. Розанова. Важнейшая из них — понимание первого пришествия Христа, и соответственно для богостроителей — миссии пролетариата как воплощения идеи второго пришествия в качестве необходимого providentialного акта, наподобие закона природы, ниспровергающего ветхозаветный Закон (богостроители), — акта, который оказывается всего лишь способом реализации жестокого пророчества о необходимости соблюдения Закона и последующих вслед отказу от требования его бжюсти божьих кар (В. В. Розанов). Богостроители лишь бессознательно желают взять «карающий меч» революции в свои руки, отделив годный для торжества новой пролетарской культуры «человеческий материал» от негодного. С этой точки зрения критика идеологии богостроителей Лениным есть радикальное практическое требование отказа от того, чтобы быть сопричастным описанной ресентиментальной логике пропагандистов и охранителей еще не установленного нового порядка, подрывающей возможности свободного акта революционного действия, не скованного идеологическими формами буржуазного сознания. Специфическому пониманию Лениным гегельянской диалектики, как философской формы материализма, в противоположность ограниченному рецепцией фейербахианского понятия гегелевской диалектики, как модели идеалистического отчуждения человеческой сущности в идее Бога, у Маркса (особенного раннего) был посвящен доклад И. А. Протопопова. Как таковое ленинское требование полной материализации человеческого сознания означает единственный способ актуализации родовой сущности человека в революционном действии, преодолевающим любую форму ее отчуждения. Существо этой негативности заключено в самой природе, ее бесчеловечной, т. е. лишаящей человека любого рода иллюзорных форм самооправдания (в этике, религии, политической целесообразности), сущности, и именно эта точка зрения открывает возможность для подлинного единства мысли и деятельности.

Описанные идеи, обсуждавшиеся в связи с тематикой богостроительства, с разной степенью отчетливости были эксплицированы и в других докладах секции. Эволюции взглядов Ленина на гегелевскую диалектику от ее понимания на основе вульгарного переворачивания Фейербахом к реабилитации, как в сущности квази-идеалистического варианта марксистского материализма времен «Капитала», был посвящен доклад Е. В. Мареевой. Консервативная в марксистско-ленинском смысле критика практики большевистской революции в меньшевистских эмигрантских кругах рассматривалась Л. Н. Лисенковой. Двусмысленность мессианской направленности и на революционный разрыв со старым миром, и на культурный

консерватизм народничества деятелей философии русского религиозного Ренессанса обсуждалась И. В. Деминым. Доклады были посвящены также теоретическим истокам идей прародителя богостроителей Богданова в «махистском» эмпириокритицизме (А. Е. Рыбас); противоположности между физиологическим и психическим слоями конституции человека как двойной основе исследования конкретных механизмов формирования классового сознания личности в работах ученика И. П. Павлова, марксистского психофизиолога В. С. Дерябина (С. В. Орлов); дилемме революционного и консервативного в русском марксизме у Ленина и Сталина (Н. Г. Волик), в экономической теории и практике социализма (И. И. Дерен), в логиках марксистского преломления идеи «народности» искусства в советской культурной политике между революцией и Второй мировой войной (Т. В. Кузнецова). В свою очередь М. Д. Рахманинова сделала доклад о русском анархизме, как попытке выхода из апории выбора между путями следования идеалам консервативной народности, чреватой «русским бунтом» без ясной конструктивной цели и формы ее осознания, и просвещенческими моделями революционного мессианизма в поле революционного, разрушительного для основ старого мира и одновременно созидательного, коллективного действия.

Смысловая двойственность между логикой революционного требования преобразовать социально-политическую реальность российского государства и консервативной тенденцией, как бы «вшитой» в саму сущность революционного праксиса, и, наоборот, между консервативной логикой сохранения основ нормализованного порядка жизни «до последнего» и невозможностью, что особенно характерно для интеллигенции эпохи модерна, да и русской интеллигенции вообще, выдержать страшное зрелище коренной несправедливости социального порядка, жестокости самих устоев русской жизни, и сопутствующая сознанию этой двойственности проблема самой возможности осмысленного праксиса, способного вывести по ту сторону от означенной дилеммы, в целом характерна для модернистского сознания. Важно, однако, и то, что сам выбор тем участниками конференции ее актуализировал, даже неожиданным образом. Заседания двух других социально-политических секций, «Модерн и общественно-политическая мысль в России» и «Границы понимания современности в русской мысли: геополитика — война — национальное самосознание», фактически составивших одну обширную дискуссионную площадку, по сути также были посвящены рефлексии этой сложной противоположности. Даже отвлеченные историографические и методологические темы так или иначе ее касались. Например, в докладе Н. Г. Баранец и А. Б. Веревкина,

посвященном одной из концепций методологии истории первой трети XX в., а именно — историологии Н. А. Морозова — революционера и ученого-естествоиспытателя, была тематизирована проблема инертности методологической практики научного сообщества историков как в царское и советское время, так и до сих пор не способных оценить действенность применения дедуктивно-гипотетических моделей историописания. Или другой пример — доклад Г. Е. Аляева, в котором на основе архивных материалов восстанавливается история не доведенного до реализации плана написания С. Л. Франком книги по социальной психологии: автор рассмотрел проблему переходного периода в творчестве замечательного русского философа от социального марксизма и психологизма к, в сущности, консервативным идеям прояснения духовно-религиозных основ общественной жизни, обнаруживая ясные следы таких идеологических установок уже в материалах этой сохранившейся лишь в черновиках работы.

Возвращение к истокам равно реанимации идеи экстремального социального творчества, как показывает опыт русского философа *par excellence* — Владимира Соловьева. Бескомпромиссной критике его учения о «всемирной теократии», «возвращения к вере праотцов», и проекта объединения православной и католической церквей, которой оно подверглось со стороны едва ли не всех лагерей политического спектра России, был посвящен доклад А. Ю. Бердниковой. Неважно, что полагается в основание — аутентичное первоначальному понятие о вере или исторически неизбежное торжество изначальной родовой сущности человека, как в марксизме, — всякий раз мы имеем дело с отчетливо осознаваемой в рамках нормализованного порядка социальности претензией на революционное переустройство общественной жизни. Русская революция и ее идеолого-политическая оценка современниками была непосредственной темой нескольких докладов (В. А. Бойко, С. А. Гашков) и отчетливо тематизировалась в большинстве других.

Едва ли не половина докладов обсуждаемых секций была посвящена проблематике «народности» и «национального самосознания». Эта проблематика также рассматривалась в контексте понимания различными русскими мыслителями эпохи модерна «русской идеи», тех специфических черт коллективного самосознания русского народа, которые предопределяют его судьбу и значение в контексте всеобщей истории мира (В. А. Бойко, С. Г. Гутова, С. В. Кардинская, Е. К. Краснухина, И. В. Лихоманов, О. В. Маркина, О. Д. Маслобоева, М. Г. Назарова, Т. Н. Седых). При этом центром обсуждения в этих докладах оставалась проблема двойственности русской национальной идентичности, в которой соседствуют как революционизирующая мысль

идея возвращения к истоку национального духа, который, будучи как таковой всеобщим, открывается в кризисные моменты существования нации, так и женственная жажда «спасения» себя и всего человечества. Последняя воплощается в разнообразных «катехизисах», рецептах «правильного» и спасительного «домоустройства», что сводятся обычно либо к практикам традиционного «общинного» хозяйствования, либо берутся из инструментария западной политической теории (марксизм, парламентаризм, либерализм, утилитаризм и т. д.). Подобное отсутствие середины между полюсами русского, в истоке глубоко консервативного, революционного мессианизма и русского консерватизма, озабоченного идеей преобразования мира ненасильственным путем, хорошо видно по некоторым суждениям самих докладчиков. Так, в докладе И. В. Лихоманова о идеологии «евразийства» и современного «неоевразийства», консерватизм евразийцев характеризуется по сути как активистский тоталитаризм фашистского типа, основанный на политическом союзе разных церковных конфессий и государства, и отличающийся от ультраправых и правоконсервативных идеологий тем, что дает ответ на вопрос: почему разные народы *могут и должны* жить вместе в едином государстве? И, напротив, в докладе Т. Н. Седых «евразийство» определяется из контекста возрождения общинных идеалов «славянофилов», идей культурной общности и целостности духовных оснований евразийской = русской нации.

Характерно, что рефлексия описанной двойственности русского национального самосознания велась докладчиками в основном с позиции интеллектуальной сопричастности проблеме, т. е. с некоторой неполной дистанции, предполагающей отстраненную рефлексию и одновременно глубокую, но недейтельную вовлеченность в предмет обсуждения. Эта внутренняя невозможность занять определенную политическую позицию в реальном конфликте, обсуждавшаяся, например, А. Ю. Коробовым-Латынцевым на примере отношения русских философов к первой мировой войне, а Е. В. Холодовым в анализе учения о противлении злу силою И. А. Ильина, ясно характеризует интеллектуальную подоплеку позиции русского мыслителя как такового. Не случайно, большинство докладчиков, выступавших с докладами о русском национальном характере, так или иначе, опирались на соответствующие тезисы Н. А. Бердяева (В. А. Бойко, С. В. Кардинская, Е. К. Краснухина, М. Г. Назарова, А. А. Хахалова). Позиция персоналистической метафизики последнего предоставляет возможность для либеральной критики попыток русской интеллигенции воплотить свои политико-экономические идеи в жизнь. Бердяев, особенно в своих работах периода эмиграции, прямо постулирует разрыв между теоретической рефлексией архаических оснований духовного бытия русского

народа и реальностью, в которой постижение этого условия народной общности в итоге оказывается не мыслимо как акт коллективного духа. Русский народ еще не сформировался как «нация» в либерально-буржуазном смысле, даже в идеологических его определениях русскими интеллигентами дореволюционной эпохи, и к нему не применимо «модерное» понятие нации, которое сам же Бердяев, изымая его из политико-правового контекста просвещенческой идеи революционной реализации «всеобщей воли» народа, после ужасов Великой французской революции перевоплотившейся в логиках борьбы за всеобщее избирательное право, опять же сводит к духовным основаниям национального самосознания. Подобная тавтология, не учитывающая различия между правовым и моральными аспектами идеи буржуазного национального государства, неизбежно представляет логику правового принципа (равенство в избирательных и иных правах) в качестве аппендикса к иллюзорной характеристике духовной общности нации в качестве морального единства. Эта общность — моральна, но только как общность, но не как реципиент отвлеченной от конкретных актов коллективного действия личностной и при этом универсальной морали, подобной кантовскому моральному императиву. В итоге на место инструментальных практик «дрессировки» правосознания у русских мыслителей становится идея самоосознания себя в духе, идея по сути религиозная, и литургия замещает буржуазное понятие социального института. В сущности, любое определение коллективной практики мыслится большинством русских интеллигентов середины XIX — первой половины XX вв. на этот лад — религиозно и профетически, от славянофилов и народников до богостроителей и анархистов. Характер типологически сходных деформаций на уровне гегелевской идеи самосознания в концепции «саморазумения» и ее коллективистских импликаций теоретика народничества и анархизма П. А. Бакунина был прекрасно представлен в докладе И. И. Тимофеева, а специфика русского консервативного либерализма конца XIX в., озадаченного этой институциональной проблемой, — в докладе В. А. Куприянова. Современной инструментализации понятий культурной, религиозной, национальной идентичности во многом были посвящены доклады В. Н. Лукина и Т. В. Мусиенко, в которых современное социолого-политологическое понятие «стратегической культуры» рассматривается как имя для методологического прояснения и дифференциации данных концептов применительно к различным этносам, государствам и социальным стратам в целях адекватного реальности планирования государственной политики.

Христианский и футурологический подтекст идеи реактивации духовных основ народности в качестве условий достижения

принципиальных и подлинных целей всего человечества был явственно представлен в докладах, посвященных идее «космического хозяйства» Н. Федорова и ее рецепции в русской мысли (О. А. Смирнова, О. Д. Маслобоева). Нужно отметить, что на различных заседаниях конференций в секциях и пленарных докладах прозвучало более десятка выступлений на тему космизма Н. Федорова. Подлинный пафос этой идеи, выражающий суть ее актуальности, конечно, сформулирован самим Федоровым: кантовская критика разума = западная мысль «не замечает, что *общее свойство всех категорий знания есть смертность, а общее свойство всех категорий действия — бессмертие* (или путь к нему). Вот почему разум получает значение не субъективное и не объективное, а проективное; и в этой своей проективной способности объединяются теоретический разум и практический»². Единственный рецепт обратить вспять законы природы и соединить, наконец, человеческие мысль и действие, — исполнить цель и решить задачу такого объединения помысла и поступка, т. е. вернуть в действительность этого мира, снова актуализировав их витальную = духовную мощь, все атомы живого бытия, т. е. возродить к жизни предков, в индивидуальных актах отклика на любовь тех, кто эту жизнь даровал своим потомкам. Чтобы достигнуть ясного сознания своей правоты и подлинного участия в коллективной жизни, избыть всю вину перед миром, человеком «должна быть умерщвлена, наконец, сама смерть — самое крайнее выражение нужды, невежества и слепоты»³. Пожалуй, к такому ответу на вопрос о существе устремлений человечества и к такой постановке его задачи никакой комментарий невозможен, но тем не менее в этой задаче и в этом ответе с очевидностью заключен пафос русского модерна и русского логоса.

² Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С. 544.

³ Там же. С. 332.

Ноговицин Олег Николаевич, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.

Nogovitsin Oleg N., PhD in Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: onogov@yandex.ru

А. В. Смирнов

**ТОПОЛОГИЯ И ТОПОГРАФИЯ ТРАВМЫ:
ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
КОЛЛОКВИУМА¹**

SMIRNOV ALEKSEY V.

**TRAUMATIC TOPOLOGY AND TOPOGRAPHY:
REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
COLLOQUIUM**

5 октября 2019 г. в рамках 6-й Международной научной конференции «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья — 2019» (2–5 октября 2019 г., Санкт-Петербург) состоялся международный научный коллоквиум «Топология и топография травмы». Организаторами коллоквиума выступили Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург) и Институт философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург) при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00570 А). В ходе коллоквиума было обсуждено соотношение культурных топосов, задающих контекст социальной и культурной коммуникации, и травматических событий, вносящих разлад в коллективную память и идентичность и требующих воссоздания и переконфигурирования культурной топологии, были проанализированы большие процессы культурной истории Запада, связанные с преодолением культурных травм и аксиологических кризисов, создавшие ее современный облик, новые институциональные и духовные системы и новые механизмы хранения и передачи опыта. Особое внимание было уделено проблемам коллективной памяти и репрезентации, в которых воссоздается или конструируется опыт травмы, и процессам символической медиации, восстанавливающим разрывы в культурной топологии и топографии. Круглый стол организован вокруг проблемного поля соотнесения различных представлений о связи травмы, памяти,

¹ Обзор написан в рамках исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-011-00570 А «Теория культурной травмы: индивидуальный травматический опыт и опыт исторических катастроф».

идентичности и культурных топосов, то есть о «процессе травмы», в котором разворачивается сложная диалектика забывания—восстановления и выработка значений травмы в различных дискурсивных сферах — религиозной, эстетической, юридической, бюрократической и т. п., — в результате чего травма обретает место в общественном сознании, в коллективной памяти и идентичности. В рамках коллоквиума было сделано девять докладов.

Работу коллоквиума открыл **А. И. Бродский** (СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург), представивший доклад «Перед лицом Божественного Бессилия. „Травматическая“ теология в истории европейской культуры». В качестве отправной точки рассуждений была взята цитата из книги С. Жижека «Кукла и карлик»: «Тайна, которой остаются верны иудеи, — это ужас божественного бессилия. И именно этот секрет „раскрывается“ в христианстве. Вот почему христианство может „наступить“ лишь после иудаизма: оно открывает ужас, с которым столкнулись иудеи». Автор отметил, что Жижек ошибается, считая, что в иудаизме «божественное бессилие» является тайной. Иудаизм и христианство различаются не столько «сокрытием» или «открытием» упомянутого «ужаса», сколько пониманием путей его преодоления. Если восполнение божественного бессилия в Ветхом завете есть восполнение с помощью «исправления мира» (тикун) и некоторого богоборчества, то восполнение божественного бессилия в Новом завете есть восполнение с помощью смирения и самоуничтожения (кенозиса). Не человек становится Богом, а Бог становится человеком. Не человек приобщается к величию Божьему, а Бог приобщается к человеческому ничтожеству. Христианское богословие обычно стремилось как-то преодолеть этот евангельский пессимизм относительно земного удела человека, что, в конце концов, и определило характерные черты того мегасообщества, которое мы именуем «европейской цивилизацией».

В докладе **К. А. Капельчук** (Университет ИТМО, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Травма и событие: проблема репрезентации» были выявлены философские предпосылки, лежащие в основании дискуссии по поводу травмы, а также поставлены вопросы о возможности альтернативных способов описания коллективного опыта как травмы. Вопрос о методе исследования коллективной травмы при этом прямым образом соотносится с трактовкой онтологического статуса культурной травмы. Исследования коллективного травматического опыта представляют собой теоретически неоднородное поле, которое открывает возможность применения самых различных стратегий изучения и концептуализации как самого опыта, так

и его последствий. Травма при этом сводится либо к невыразимому событию, по поводу которого невозможно артикулированное в рамках господствующего дискурса высказывание, но которое тем не менее формирует представление о травматическом опыте, либо к самому процессу репрезентации, в котором травма оказывается произведена как эффект этого представления.

Основной тезис доклада «Европа как территория травмы», представленного **С. Б. Никоновой** (СПбГУП, Санкт-Петербург) состоял в том, что для развертывания травматической рефлексии требуется существование субъекта травмы или субъекта, структура самоосмысления которого принципиально травматична. В качестве такового выступает новоевропейский субъект, формирование которого сопровождается определенным историческим катастрофизмом и который также привносит в мир элемент катастрофизма, тотального трансгрессивного преобразования, выражаемого через посредство радикальной негативности. Этот нигилистический субъект структурируется как разрыв, как точка пустоты в мире, вызывая, как следствие, в качестве результата своей рефлексии исключительно парадоксальные определения и сдвиги в обоснованиях, деконструирующие любую цельность повествования об опыте данного субъекта и о мире, в котором он обнаруживает себя. Субъект предстает как травма мира, как разрыв, как рана или как сбой, позволяющий этому миру быть.

В докладе **Н. А. Артеменко** (СПбГУ, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) «Устная история: проблема доступа к травматическому опыту» рассматривается связь устной истории и человеческой памяти. Метод устной истории оказывается весьма востребованным там, где не осталось больше никаких источников, кроме свидетельств человеческой памяти. Устная история позволяет изучать не столько фактическую сторону прошлого, сколько само человеческое сознание и его изменение, его трансформацию. В этом контексте особую значимость приобретает проблема «доступа» к травматическому опыту, особенности нарратива при репрезентации травматического опыта в устных воспоминаниях индивида — носителя травматического опыта, что и составило ключевую тему доклада. Если пользоваться терминологией А. Ассман, то встроенные в темпоральный режим модерна отказ от прошлого и нацеленность на будущее сменились новыми формами реактуализации прошлого. Этот факт, по мнению автора, и способствовал выделению «устной истории» в особую методологическую область исследования.

В докладе «Исторические травмы и „места памяти“» **А. М. Сидоров** (СПбГУ, Санкт-Петербург) поставил проблему переосмысления

истории в контексте травматического опыта, основываясь на идеях вышедшей в свет в 1996 г. монументальной интерпретации французской истории — книге П. Нора «Переосмысливая французское прошлое: между памятью и историей», в которой автор предложил новый взгляд на исторические, в которой автор предложил новый взгляд на исторические поворотные пункты французской истории модерна — Великую французскую революцию, Парижскую коммуну, конец Второй мировой войны и т. п. Следствиями революций и войн становятся резкие и глубокие изменения в коллективных представлениях о прошлом — от истории, которая основывалась на непрерывности памяти, к памяти, которая проецируется на прерывистость истории. Таким образом, травматический опыт, вызванный событиями — историческими поворотными пунктами, вызывает нарушения исторической непрерывности в жизни сообществ. Это подтверждается в том числе появлением в последние десятилетия большого числа публикаций, рассматривавших историю тех или иных социальных групп или народов через призму коллективной травмы, катастрофы или кризиса. Кроме того, введенное П. Нора понятие мест памяти — символических элементов, отмечающих подобные исторические поворотные пункты, — может использоваться для пространственной маркировки объектов, связанных с травматическим опытом прошлого.

В своем докладе «Виктимальная экономика и экономия памяти» **С. А. Троицкий** (СПбГУ; СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург) развил идею «виктимальной экономики» как основания для описания ряда культурных практик, в частности практик культурной памяти и культурного забвения. Категории, связанные с описанием импликации травматического опыта в мемориальную культуру (в частности травма и жертва), могут метафорически интерпретироваться в экономических категориях заимствования и возвращения долга. Представленные в современном публичном дискурсе биополитические стратегии позволяют говорить о соответствующем, то есть биополитическом, характере виктимальной экономики. Биополитический характер практик памяти отражается в том числе и на биополитическом регионализме, биополитическое конструирование субъекта рассматривает травму (вытесненный опыт) в качестве долга с отложенной выплатой. Такой подход позволяет обращаться к латентному травматическому опыту переживания пространства, обозначенному как опыт биополитического «импринтинга». Таким образом, виктимальная экономика формирует механизм сохранения (экономии) культурной памяти, который подобен системе тотального (пере) кредитования или рефинансирования долга: чем больше мы

пытаемся избавиться от символических долгов, тем большие проценты по ним придется платить в будущем.

В докладе **А. В. Смирнова** (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Trauma studies в контексте мемориальной политики России» были освещены возможные подходы к установлению концептуальной связи современных trauma studies с проблематикой memory studies (мемориальными исследованиями). Рассмотрение данных проблем было проведено на основе нескольких кейсов российской мемориальной культуры, связанных с осмыслением опыта отечественного прошлого (прежде всего истории Великой отечественной войны) в контексте изучения травматического опыта. В докладе был сделан акцент на таких вопросах, как ограниченность возможностей психоаналитической модели для описания культурных травм, особенности репрезентации травматического опыта в «дискурсе жертвы» (с учетом различия понимания жертвы как «victim» и жертвы как «sacrifice»), выделение ключевых этапов осмысления травматического опыта в отечественной мемориальной культуре (начиная с второй половины 1980-х гг.), неразрывность осмысления травматического опыта и trauma studies в целом с политическими процессами в обществе и с мемориальной политикой в частности, выделение ряда ключевых факторов, влияющих на репрезентацию травматического опыта в мемориальной культуре современной России.

Доклад **А. К. Новиковой** (СПбГУП, Санкт-Петербург) «Амбивалентность травматического опыта в операх Р. Вагнера» был посвящен эстетическим аспектам репрезентации травматического опыта. Автор исходил из предположения, что произведения Р. Вагнера представляют собой квинтэссенцию выражения новоевропейского субъекта, где конституирующие его травматические основания перестают быть имплицитными, из «внутреннего закона» превращаясь в принцип существования культуры. В рамках данного доклада были рассмотрены принципы осуществления данного превращения на примере анализа музыкальных драм Р. Вагнера. При этом была продемонстрирована специфика инициируемого ими травматического опыта, амбивалентность которого уничтожает искусство как средство выражения субъекта, в то же время превращая весь мир в «эстетический феномен». Подобное понимание роли творчества в переживании мира было характерным для темпорального режима модерна.

В. В. Дудинец (СПбГУ, Санкт-Петербург) в докладе «Авторитарный синдром в философии Теодора Адорно» проанализировала, каким образом Т. Адорно определял место авторитарного синдрома в концепции культурной травмы Германии. Изначально теория об авторитарных личностях была представлена Адорно в виде основанного

на психоаналитическом инструментарии проекта, предполагающего создание теоретической базы для выявления авторитарных склонностей у индивидов. В своем проекте Адорно исходил из предположения, что национализм немислим без массовой основы, а авторитарный потенциал является распространенным в массе. На основании прочтения работы Адорно можно сделать вывод, что авторитарный синдром не может возникнуть без четкого разделения общества на «своих» и «чужих», поэтому большинству носителей авторитарного синдрома свойственны антисемитизм или иные формы ксенофобии. Индивиду — носителю авторитарного синдрома также свойственны архаичные формы построения идентичности (например, на основе семьи или нации), благодаря которым он находит основу для своих авторитарных убеждений.

Обсуждения, сопровождавшие доклады, и заключительная дискуссия строились в основном вокруг терминологических уточнений, направленных на содержательную и концептуальную проработку понятий «культурная травма» и «субъект культурной травмы». Участниками также была отмечена необходимость более строгой понятийной дифференциации культурной и коллективной травмы, что требует тщательного анализа содержания данных понятий. Среди приоритетных направлений дальнейших исследований культурной травмы участники коллоквиума выделили необходимость выявления компенсаторных механизмов при культурной травме как на уровне субъекта, так и на уровне культуры и традиции, возможности понимания культурной травмы вне контекста, задаваемого отношением «палач—жертва». Перспективны также и исследования проблем *trauma studies* в странах с различными традициями мемориальной политики (в том числе в России), репрезентации травматического опыта, рассмотрения виктимальной экономики в биополитическом контексте.

Смирнов Алексей Викторович, доктор философских наук, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.
Smirnov Aleksey V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University.
darapti@mail.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2019
Выпуск 12

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, к. 526.
Тел.: +7 (812) 316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *А. Л. Ивановская*
Дизайн обложки *Т. Б. Тиунова*
Оригинал-макет *А. Л. Афанасьев*

Подписано в печать 19.11.2019. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,1. Тираж 300 экз.
Заказ № 265.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru